Самарский архивист

4

2022

ISSN 2712-9144

Научный альманах

Выходит 2 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Архивоведение и документоведение . . . 3

Солдатова О.Н. Уникальная научно-техническая документация в архивных фондах Российского государственного архива в г. Самаре: проблемы выявления и отбора . . . 3

Историография и источниковедение . . . 11

Левин Я.А. Архивы ФБР и ЦРУ как источники информации о деятельности спецслужб США в Китайской республике (на примере анализа книги Чан Кайши «Судьба Китая») . . . 11

Методология истории . . . 15

Ипполитов Г.М., Филатов Т.В. Культура и историческое знание о прошлом, настоящем, будущем: непростая диалектика . . . 15

Отечественная история . . . 26

Репинецкий А.И. Проектирование и строительство железной дороги Ачинск – Минусинск (по материалам Российского государственного архива в г. Самаре) . . . 26

История науки и техники . . . 37

Маслова И.С. Анализ традиционных печей и устройств, представленных в разделе «Этнические традиции в кулинарии» виртуальной выставки Российского государственного архива в г. Самаре «Народная культура эпохи СССР: традиции в науке и производстве» . . . 37

Поздняков Ю.В. Ковровские оружейники: малоизвестные страницы творчества . . 41

Юдинцева О.И. Мухановское месторождение: люди, судьбы, события . . . 49

Самарское краеведение . . . 55

Борисов М.В. Энергоузел у Самарской Луки: замыслы и судьбы проектов . . . 55

Головашкин Д.Л. Исследование идеологической рефлексии интеллигенции технических вузов г. Куйбышева на постановления ЦК КПСС 1966–1967 гг. (по документам Самарского областного государственного архива социально-политической истории) . . . 71

Доценко А.М. Преступность среди несовершеннолетних и молодежи в советском городе в начале 1950-х – первой половине 1980-х гг. (на примере г. Куйбышева) . . . 77

Полуэктов И.Б., Тумшис М.А. «Кадры решают всё»: кадровая политика органов НКВД в 1939–1941 гг. (на примере Управления НКВД по Куйбышевской области) . . . 83

Материалы к биографии . . . 91

Горшенин А.В. Письмо микробиологу З.В. Ермольевой с вопросами по здоровью и судьба его адресанта Г.Ф. Новоросюка . . . 91

Перепёлкин М.А., Копылов Л.О. Самарский фельетонист Зуда: штрихи к портрету . . . 97

Поиски и находки . . . 108

Макаров А.И. Сюжеты древних фресок в Успенском соборе Звенигорода и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе»: пересечение путей двух исследований . . . 108

Шаг в науку . . . 114

Перепёлкин И.М., Перепёлкин М.А. Самарский архивист Ф.Г. Попов как исследователь творчества Б.В. Бера . . . 114

Научная жизнь . . . 120

Янович И.Ю. XI историко-архивный форум «Память о прошлом – 2022» в Самаре как способ осмысления истории СССР сквозь призму документального наследия . . . 120

Рецензии . . . 128

Храмкова Е.Л. Рецензия на монографию «Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны» . . . 128

Юбилеи . . . 132

Храмкова Н.П. Учитель об ученике (к 70-летию доктора исторических наук, профессора А.И. Репинецкого) . . . 132

Издается на средства Губернского гранта в области науки и техники

Учредитель и издатель
Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив в г. Самаре»

Главный редактор
О.Н. Солдатова

Редакционная коллегия
С.Н. Брежнева, С.О. Буранок, Е.В. Годовова, Д.Л. Головашкин, Ф.В. Гречников, Г.З. Залаев, А.В. Захарченко, Г.М. Ипполитов, П.С. Кабытов, О.Ю. Козырь, О.А. Кулаева, М.В. Курмаев, П.А. Кюнг, М.В. Ларин, С.В. Любичанковский, Е.Д. Макеева, Е.М. Малинкин, Г.С. Пашковская, А.И. Репинецкий, В.Г. Смирнов, А.С. Соколов, О.В. Тузова, Т.В. Филатов, Е.Л. Храмкова

Адрес издателя и редакции
443096, г. Самара,
ул. Мичурина, д. 58
Тел.: (846) 336-88-66
E-mail: sam_archivist@mail.ru

Полнотекстовая версия альманаха размещена в свободном доступе на официальном сайте **http://rga-samara.ru**

Над выпуском работали
А.В. Андреева, О.Ю. Козырь, О.В. Корбан, Г.С. Пашковская

При использовании опубликованных в альманахе материалов ссылка на издание обязательна

Рукописи рецензируются

Подписано в печать 09.12.2022
Дата выхода в свет 23.12.2022
Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 15,69

Тираж 200 экз.

Отпечатано ИП Виролайнен И.В.
443041, г. Самара,
ул. Никитинская, 30-213

© РГА в г. Самаре, 2022

Samara Archivist

4

2022

ISSN 2712-9144

A biannual scientific journal

Scientific Almanac

CONTENTS

Archival and Documentary Studies . . . 3

Soldatova O.N. Unique Scientific and Technical Documentation in the Archival Capacities of the Russian State Archive in Samara: Problems of Identification and Selection . . . 3

Historiography and Source Studies . . . 11

Levin Ya.A. FBI and CIA Archives as Information Sources on the Activities of US Special Services in the Republic of China (Using the Example of an Analysis of Chiang Kai-Shek's Book "China's Destiny") . . . 11

History Methodology . . . 15

Ippolitov G.M., Filatov T.V. Culture and Historical Knowledge About the Past, Present, Future: a Difficult Dialectics . . . 15

National History . . . 26

Repinetsky A.I. Design and Construction of the Achinsk – Minusinsk Railway (Based on the Materials of the Russian State Archive in Samara) . . . 26

History Of Science And Technology . . . 37

Maslova I.S. Analysis of Traditional Furnaces and Devices Presented in the Section "Ethnic Traditions in Cooking" of the Virtual Exhibition of the Russian State Archive in Samara "Folk Culture of the USSR Era: Traditions in Science and Production" . . . 37

Pozdnyakov Yu.V. Kovrov Gunsmiths: Little-Known Pages of Creativity . . . 41

Yudintseva O.I. Mukhanovo Deposit: People, Fates, Events . . . 49

Samara Local History . . . 55

Borisov M.V. Energy Center at the Samara Luka: Plans and Fates of Projects . . . 55

Golovashkin D.L. Ideological Reflection Research of the Technical Universities' Intelligentsia in the City Of Kuibyshev on the Decisions of the Cpsu Central Committee Dated 1966–1967 (According to the Documents of the Samara Regional State Archive of Socio-Political History) . . . 71

Dotsenko A.M. Teenage and Youth Crime in the Soviet City Early 1950s – The First Half of the 1980S (on Material of Kuibyshev City) . . . 77

Poluektov I.B., Tumshis M.A. "The Personnel Decide Everything": the Personnel Policy of the NKVD in 1939–1941 (on the Example of the NKVD Administration in the Kuibyshev Region) . . . 83

Materials For The Biography . . . 91

Gorshenin A.V. A Letter From Microbiologist Z.V. Ermolyeva With Questions About the Health and Fate of its Addressee G.F. Novorosyuk . . . 91

Perepelkin M.A,. Kopylov L.O. Samara Feuilletonist Zuda: Touches to the Portrait . . . 97

Searches And Finds . . . 108

Makarov A.I. Plots of Ancient Frescoes in the Assumption Cathedral of Zvenigorod and the Samara List of "The Tale of Barlaam and Joasaph": the Intersection of the Paths of Two Studies . . . 108

Step Into Science . . . 114

Perepelkin I.M., Perepelkin M.A. Samara Archivist F.G. Popov as a Researcher of Creativity of B.V. Ber . . . 114

Scientific Life . . . 120

Yanovich I.Yu. Xi Historical and Archival Forum "Memory of the Past – 2022" in Samara as a Way of Understanding the History of The USSR Through the Prism of Documentary Heritage . . . 120

Reviews . . . 128

Khramkova E.L. Review of the Monograph "Power, Information and Society: Their Interrelations in the Activities of the Soviet Information Bureau in the Conditions of the Great Patriotic War" . . . 128

Anniversaries . . . 132

Khramkova N.P. Teacher About the Student (to the 70th Anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor A.I. Repinetsky) . . . 132

It is published at the expense of the Provincial Grant in the field of science and technology

Founder and Publisher
Federal State Institution "Russian State Archive in Samara"

Chief Editor
O.N. Soldatova

Editorial Board
S.N. Brezhneva, S.O. Buranok, E.V. Godovova, D.L. Golovashkin, F.V. Grechnikov, G.Z. Zalaev, A.V. Zakharchenko, G.M. Ippolitov, P.S. Kabytov, O.J. Kozyr, O.A. Kulaeva, M.V. Kurmaev, P.A. Küng, M.V. Larin, S.V. Lyubichankovskij, E.D. Makeeva, E.M. Malinkin, G.S. Pashkovskaya, A.I. Repinetsky, V.G. Smirnov, A.S. Sokolov, O.V. Tuzova, T.V. Filatov, E.L. Khramkova

Publisher and editorial office
443096, Samara,
Michurina St., 58
Tel.: (846) 336-88-66
E-mail: sam_archivist@mail.ru

The full-text version of the almanac is freely available on the official website **http://rga-samara.ru**

We were working on the release
A.V. Andreeva, O.Yu. Kozyr, O.V. Korban, G.S. Pashkovskaya

When using the materials published in the almanac, a link to the publication is mandatory

The manuscripts are reviewed

Signed to the press 09.12.2022
Issue date 23.12.2022
Format 60×90/8
Conditional printed sheets 15,69
Edition: 200 copies

Printed by IE Virolainen I.V.
443041, Samara,
Nikitinskaya st., 30-213

© RGA in Samara, 2022

Архивоведение и документоведение
Archival and Documentary Studies

УДК 930.25

УНИКАЛЬНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В АРХИВНЫХ ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В г. САМАРЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОТБОРА

UNIQUE SCIENTIFIC AND TECHNICAL DOCUMENTATION IN THE ARCHIVAL CAPACITIES OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE IN SAMARA: PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND SELECTION

О.Н. Солдатова
Российский государственный архив в г. Самаре
(Россия, Самара)

O.N. Soldatova
Russian State Archive in Samara
(Samara, Russia)

Аннотация. Выявление и отбор уникальных документов в архивных фондах для включения в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации является одним из видов архивных работ, вызывающим оживленные дискуссии в профессиональной среде. Работа по выявлению уникальной научно-технической документации дополнительно осложняется ее многообразием и спецификой видов, наличием в составе документов нескольких стадий проектирования и частей проекта или конструирования, большим объемом документов по каждой стадии и части и др. В статье рассматриваются проблемы выявления и отбора уникальных документов, с которыми столкнулись сотрудники Российского государственного архива в г. Самаре, и предлагаются возможные пути их решения.

Abstract. Identification and selection of unique documents in archival funds for inclusion in the State Register of Unique Documents of the Archival Fund of the Russian Federation is one of the types of archival work that causes lively discussions in the professional environment. The work on identifying unique scientific and technical documentation is further complicated by its diversity and specificity of types, the presence in the documents of several design stages and parts of the project or design, a large volume of documents for each stage and part, etc. The article deals with the problems of identifying and selecting unique documents faced by the employees of the Russian State Archive in Samara and suggests possible ways to solve them.

Ключевые слова: уникальные документы, научно-техническая документация, Российский государственный архив в г. Самаре, проблемы выявления и отбора, Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации.

Keywords: unique documents, scientific and technical documentation, the Russian State Archive in Samara, problems of identification and selection, the State Register of Unique Documents of the Archival Fund of the Russian Federation.

Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре)[1] проводит работу по выявлению особо ценных документов (далее – ОЦД) в архивных фондах с момента утверждения понятия ОЦД в ст. 7, 16, 23 «Основ законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах» [16] в качестве части Архивного фонда Российской Федерации. В соответствии с законодательством к особо ценным документам стали относить документы, имеющие непреходящую культурно-историческую и научную ценность, особую важность для общества и государства. В законе устанавливался особый порядок отнесения архивных документов к этой категории, особый режим их учета, хранения и использования.

До начала 2000-х гг. работа проводилась в соответствии с имеющимися на тот момент отраслевыми нормативно-методическими разработками [5; 13] и методическими пособиями, подготовленными сотрудниками архива [6; 8; 9; 12]. Документы содержали как общие, так и специальные, характерные только для научно-технической документации (далее – НТД), критерии отнесения документов к особо ценным.

К общим критериям относились:

- ценность содержащейся в документах информации;
- юридическая сила, подлинность, место создания документа;
- значение фондообразователя;
- авторство документа.

К специальным:

- высокая значимость проблем, объектов строительства, изделий, разработок для развития народного хозяйства в целом или для конкретной его отрасли;
- патентно-лицензионная и коммерческая ценность разработок;
- присуждение авторам Ленинских, Государственных, международных, именных или иных премий;
- награждение разработок медалями, дипломами, грамотами, премиями на международных, всесоюзных, республиканских выставках и конкурсах;
- географическое месторасположение объекта проектирования;
- экономическая эффективность внедрения результатов исследования, технической идеи;
- ценность документов, не нашедших практического применения, но содержащих оригинальные решения, осуществление которых возможно в будущем на новой научно-технической базе.

С течением времени критерии по выявлению ОЦД уточнялись и совершенствовались. На 1 января 2022 г. в архиве выявлено и учтено 216 788 ед. хр. ОЦД по 115 фондам, создан страховой фонд и фонд пользования на 97 327 ед. хр.

В то же время в результате преобразований и реформ 1990-х гг., выхода новых законодательных и нормативно-правовых актов, в том числе и в архивной отрасли, появились новые понятия и регламенты. Так, в соответствии с «Основами законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации» в 2001 г. Федеральным архивным агентством (далее – Росархив) был выпущен Регламент Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации [18] – общероссийского свода уникальных архивных документов, устанавливающий порядок его формирования, ведения и использования, где впервые появилось понятие «уникальный документ». Уникальным признавался «документ, обладающий выдающимися духовными, эстетическими или документи-

[1] Создан в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 21 мая 1964 г. № 431 «О централизации хранения научно-технической документации и об организации широкого использования ее». До 1992 г. – Центральный государственный архив научно-технической документации СССР, 1992–1995 гг. – Российский государственный архив науки и техники, 1995–2016 гг. – филиал Российского государственного архива научно-технической документации, с 2016 г. – Российский государственный архив в г. Самаре.

рующими достоинствами, представляющий как таковой особую историческую ценность и общекультурную значимость, единственный в своем роде по содержанию и месту в истории российского государства и общества и невосполнимый при утрате с точки зрения его юридического значения, автографичности и/или внешних признаков» (п. 1.5).

Ведение реестра было поручено Росархиву, и с 2002 г. эта работа началась. На 1 января 2022 г. Государственный реестр, размещенный на портале «Архивы России», содержит информацию о 859 уникальных документах, из которых 624 документа хранится в федеральных, 235 – в региональных архивах [4].

В Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. [15] понятие «уникальный документ» было уточнено. Им признавался особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) его внешним признакам, невосполнимый при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности (ст. 3, п. 6) (см. табл.).

Таблица

Трактовка понятий особо ценных и уникальных документов в нормативно-правовой литературе

Особо ценные документы	Уникальные документы	
	В Регламенте Государственного реестра уникальных документов 2001 г.	**В ФЗ «Об архивном деле в РФ» 2004 г.**
Особо ценный документ – документ, имеющий непреходящую культурно-историческую и научную ценность, особую важность для общества и государства и в отношении которого установлен особый режим учета, хранения и использования	Уникальный документ – документ, обладающий выдающимися духовными, эстетическими или документирующими достоинствами, представляющий как таковой особую историческую ценность и общекультурную значимость, единственный в своем роде по содержанию и месту в истории российского государства и общества и невосполнимый при утрате с точки зрения его юридического значения, автографичности и/или внешних признаков (п. 1.5)	Уникальный документ – особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) его внешним признакам, невосполнимый при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности (ст. 3, п. 6)

Таким образом, выявлять уникальные документы предлагалось в составе ОЦД. Здесь следует отметить, что грань между понятиями «особо ценный документ» и «уникальный документ» оказывается очень тонкой, принципы выявления особо ценных и уникальных документов едины: историзм, системность и целостность, общие критерии схожи, а специальные слишком расплывчаты. Организовать отбор уникальных документов в НТД специалистам, в основном имеющим гуманитарное образование, было сложно.

Тем не менее в 2005 г. работа по выявлению уникальных документов в патентной документации, находящейся на хранении в архиве, началась с учетом критериев, изложенных в Регламенте Государственного реестра. В результате серьезной работы к уникальным

документам были отнесены 13 заявочных материалов на изобретения: основоположника современной космонавтики К.Э. Циолковского, организатора и руководителя работ по атомной науке и технике в СССР И.В. Курчатова и основателя физики низких температур и сильных магнитных полей академика АН СССР П.Л. Капицы.

Оформленные должным образом документы были представлены на Центральную экспертно-проверочную комиссию (далее – ЦЭПК) при Росархиве, которая приняла решение включить в Государственный реестр три заявочных материала К.Э. Циолковского [4, № 245–247]: две заявки на металлический дирижабль и заявку на изобретение полуреактивного двигателя [1–3]. По остальным заявочным материалам комиссия приняла решение: «Патентную документацию, как имеющую вторичное значение, не включать в Государственный реестр, за исключением случаев, когда других документов по конкретному изобретению не сохранилось» [19]. Хотя вопрос, на наш взгляд, неоднозначный. Ведь именно в заявочных материалах на изобретения при выдаче патента или авторского свидетельства фиксируется приоритет новой идеи, которая впоследствии реализуется в научно-исследовательских разработках, моделях, опытных образцах и лишь потом поступает в серийное производство. Причины отклонения и невключения в Государственный реестр заявочных материалов на изобретение циклотронной камеры И.В. Курчатовым и изобретение турбодетандера П.Л. Капицей, попадающих под критерий ценности «выдающиеся, знаковые идеи, открытия, произведения личностей или групп людей, внесших вклад в развитие мировой цивилизации и государственной идентичности», до конца не понятны.

Тем не менее, руководствуясь решением ЦЭПК, архив с 2009 г. прекратил выявление уникальных документов по заявочным материалам и приступил к работе с фондами, содержащими особо ценную научно-исследовательскую и проектно-конструкторскую документацию[2]. В процессе выявления изучались дела фондов, исторические справки, перечни ОЦД, дополнительная литература. Для этих целей были разработаны методические рекомендации, которые несколько раз пересматривались и совершенствовались. Однако выработать специальные критерии для НТД и методику работы по выявлению уникальных документов так и не удалось, а работа с архивными фондами только на основе общих положений и отраслевых нормативно-методических разработок не увенчалась успехом. Несмотря на то, что за 10 лет просмотрено 20 114 ед. хр. ОЦД в 30 фондах, уникальные документы выявлены не были.

В 2020 г. Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (далее – ВНИИДАД) были подготовлены и вышли в свет новые Методические рекомендации по определению уникальных документов, подлежащих включению в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. В рекомендациях определяются основные положения и критерии, предлагаемые к применению при выявлении уникальных документов, рекомендуется порядок организации работ по выявлению и отбору документов и методика их описания [11].

В качестве критериев, применяемых при определении уникальных документов, подлежащих включению в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации, в методических рекомендациях выделены критерии исключительности и ценности.

Критерий исключительности предполагает, что документ:

- представляет собой культурную или историческую ценность;
- является единичным;
- наиболее полно раскрывает событие.

Критериями ценности документа в методических рекомендациях определены:

[2] В процессе выявления изучались дела фондов, исторические справки, перечни ОЦД, дополнительная литература.

- события, процессы, явления, оказавшие определенное влияние на развитие человечества, страны, ставших значительными или произошедшими впервые, в том числе в жизни и деятельности великих исторических личностей;
- объект, высочайшее значение которого является общепризнанным;
- создание документа непосредственно в период важнейших социальных или культурных перемен, адекватное отображение событий этого периода;
- шедевр с точки зрения художественного оформления или исполнения;
- яркий или впервые созданный представитель способа документирования, типа носителя или формата.

Документ АФ РФ может рассматриваться как уникальный документ, подлежащий включению в реестр, если он соответствует как минимум одному из критериев исключительности и хотя бы одному из критериев ценности.

Данные критерии носят достаточно общий характер и существенной помощи архиву в работе по выявлению уникальных научно-технических документов не оказали.

Примеры применения критериев, приводимые в методических рекомендациях ВНИИДАД, большей частью сделаны на основе классической истории или литературы.

Например, в качестве уникального документа, подлежащего включению в Госреестр, приводится Грамота Константинопольского собора об основании Московского патриархата (РГАДА). Документ фиксирует основание патриархата, соответствует критерию исключительности, единичности и сомнений в его уникальности не вызывает [11, с. 13].

Или другой пример – отнесение к уникальным документам чернового автографа сказки «Чижиково горе», с которой М.Е. Салтыков-Щедрин выступил после закрытия «Отечественных записок» в либеральной печати [11, с. 8].

В качестве примера отнесения НТД к уникальным документам по критерию исключительности и полноты раскрытия приводится всего лишь один документ – «КА. СХ-3. Общий вид и схема расположения антенн на объекте “Восток-3А”» [11, с. 14]. Документ зафиксировал результат решения сложнейших научных и технических проблем по управлению полетом первого в мире пилотируемого космического корабля «Восток», установлению надежной радио- и телевизионной связи, по разработке комплексов антенн командной радиолинии, антенн переговорной радиолинии «Заря», антенн системы «Сигнал» и антенн телеметрической системы. Чертеж подписан основными разработчиками: главным конструктором академиком С.П. Королёвым, заместителем главного конструктора членом-корреспондентом АН СССР К.Д. Бушуевым, руководителем проектных работ М.К. Тихонравовым, начальником сектора проектного отдела К.П. Феоктистовым [4, № 245–247].

Участие в заседаниях ЦЭПК при Росархиве по рассмотрению вопроса о включении документов в Государственный реестр уникальных документов АФ РФ в декабре 2021 г. и рабочем совещании по уточнению критериев отнесения документов к уникальным в мае 2022 г. еще больше убеждает нас в необходимости выработки специальных критериев для отнесения документов РГА в г. Самаре к уникальным.

Механическое использование критериев, предложенных в методических рекомендациях ВНИИДАД, не дает желаемого результата. Хорошим методическим подспорьем при выявлении уникальных документов в фондах РГА в г. Самаре могут служить методические пособия, разработанные по данной тематике московскими федеральными архивами – Российским государственным архивом научно-технической документации (далее – РГАНТД) [14] и Российским государственным архивом экономики (далее – РГАЭ) [10; 17], в которых предлагаются разные направления по выявлению уникальных документов в составе НТД: РГАНТД использует отраслевой подход, РГАЭ – тематический. НТД, хранящаяся в архивах, различается по объему, видам, составу и содержанию. Так, РГАНТД, несмотря на то, что содержит в своем наименовании термин «научно-техническая документация», в силу своей специфики является архивом с поливидовым составом документов по исто-

рии отечественной ракетно-космической техники и космонавтики, так как изначально создавался как Центр государственного хранения космической документации. Из 805,1 тыс. дел НТД составляет лишь 409,1 тыс. ед. хр., или 50 % [7]. РГАЭ – единственное в России специализированное хранилище экономической документации центральных органов управления экономикой, документации бывших советских министерств и ведомств. Из 5,6 млн дел НТД составляет лишь 315,4 тыс. ед. хр., или 5,6 % [20].

Поскольку каждый архив имеет свою специфику, использование методических рекомендаций, разработанных в РГАНТД и РГАЭ, при выявлении уникальных документов в фондах РГА в г. Самаре в полной мере не представляется возможным.

РГА в г. Самаре изначально (с 1976 г.) комплектовался НТД отраслевых НИИ и КБ союзного (ныне федерального) значения практически из всех регионов России, поэтому в его архивохранилищах находится 2,5 млн дел, из которых 920,5 тыс. ед. хр. – НТД (НИР, проектная, конструкторская, технологическая и др.) практически всех отраслей отечественной экономики, имеющая федеральное значение, и еще 1,2 млн дел патентной документации, что в совокупности составляет 84,8 % и отражает историю более 20 отраслей промышленности, транспорта, строительства и связи, а тематический спектр настолько широк, что выполнение работ силами только специалистов архива просто невозможно.

Кадровый состав архивистов состоит в основном из специалистов с гуманитарным (в большинстве случаев – историческим) образованием, поэтому при выявлении уникальных документов в НТД они сталкиваются с рядом трудностей, непосредственно связанных со спецификой НТД:

1. *Многообразие и специфика видов:* научно-исследовательские, конструкторские, технологические, патентные, программные, геологические, топографо-геодезические, маркшейдерские, изыскательские, картографические, метеорологические, градостроительные, землеустроительные и лесоустроительные документы, проектные документы по капитальному строительству и документы на автоматизированные системы, учетно-технические и некоторые другие.

2. *Наличие в составе документов нескольких стадий проектирования и частей проекта или конструирования:* проектное задание, технический проект, рабочие чертежи и т. д.

3. *Большой объем документов по каждой стадии и части* проектирования и конструирования.

4. *Разнообразие видов НИР:* программы, итоговые и этапные отчеты по НИР с приложениями; авторские рукописи монографий и статей; доклады и отчеты о научных командировках и экспедициях; материалы и стенограммы конференций и других научных мероприятий; диссертации на соискание ученых степеней и отзывы на них; аннотации и рефераты, а также другие относящиеся к научно-исследовательской работе документы.

5. *Определение подлинности документации,* которая изначально, согласно ГОСТ, создавалась в нескольких экземплярах (обычно в четырех), имеющих равнозначную юридическую силу.

6. *Определение знаковых событий в науке и технике в целом и каждой отрасли* при их большом многообразии и специфике каждой.

7. *Хронологические особенности.* XX в. – это не такой отдаленный исторический период, когда исторический статус того или иного события уже установлен и стабилен. Место и значение многих событий в истории страны и человечества еще находятся в стадии обсуждения и не определены, а с части документов еще не снято ограничение доступа.

Анализ состава ОЦД, выявленных за эти годы, показал, что основанием отнесения НТД к особо ценной обычно служат специальные критерии, применение которых дает положительный эффект, а вот выявление в ОЦД уникальных уже вызывает определенные трудности. Как уже говорилось, грань между ОЦД и уникальными документами слишком тонкая, и при этом может присутствовать большая доля субъективизма. Именно поэтому архив считает необходимым тесное сотрудничество с учеными соответствующего профиля, пола-

гая, что совместные усилия помогут более качественно и с большей долей объективности выполнить поставленные перед архивом задачи по выявлению уникальной НТД.

Для достижения поставленной цели, на наш взгляд, необходимо следующее.

Во-первых, сформировать творческий коллектив из представителей научной общественности и специалистов архива, который будет заниматься решением данной проблемы.

Во-вторых, определить отрасли науки и техники и исторические события, документы по которым будут изучаться в первую очередь, и составить перечень исторических, особо выдающихся событий по стране в целом и явлений, объектов, процессов, идей в отрасли в частности.

В-третьих, выработать специальные критерии отбора документов по определенной исторической тематике и для каждой отрасли (или группы отраслей).

В-четвертых, разработать методические рекомендации по применению критериев выявления уникальных документов и на их основе организовать работу по изучению архивных фондов.

Таким образом, решение поставленных задач позволит провести качественный отбор уникальных документов и подготовить квалифицированные экспертные заключения для ЦЭПК Росархива на предмет включения уникальных документов в Государственный реестр.

Кроме того, результатом совместной работы могут стать различные тематические электронные базы данных (БД), научные и научно-популярные издания о достижениях отечественной науки и техники XX в.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре). Ф. Р-1. Оп. 1-5. Д. 13157.

2. РГА в г. Самаре. Ф. Р-1. Оп. 1-5. Д. 13176.

3. РГА в г. Самаре. Ф. Р-1. Оп. 1-5. Д. 31522.

4. Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. URL: https://unikdoc.rusarchives.ru/documents-list?page=40 (дата обращения: 25.09.2022).

5. Инструкция о выявлении, учете, описании и хранении особо ценных документов. М., 1981. 12 с.

6. Инструкция по выявлению особо ценных и уникальных документов в архивохранилищах ЦГАНТД СССР и подготовке их к микрофильмированию. Самара, 1981. 31 с.

7. История РГАНТД. URL: https://rgantd.ru/about/history/ (дата обращения: 25.09.2022).

8. Методические рекомендации по выявлению особо ценных документов в ЦГАНТД СССР. Самара, 1986. 30 с.

9. Методические рекомендации по выявлению особо ценных и уникальных документов и организации работы с ними. Самара, 2006. 25 с.

10. Методические рекомендации по выявлению уникальных документов в Российском государственном архиве экономики / рук. темы Е.А. Тюрина, отв. сост. А.Г. Черешня, сост. М.М. Альтман, Е.А. Андреева, Н.А. Корчагина ; РГАЭ. М., 2014. 51 с.

11. Методические рекомендации по определению уникальных документов, подлежащих включению в Государственный реестр уникальных документов АФ РФ / ВНИИДАД. М., 2020. 68 с.

12. Методические рекомендации по организации работы с особо ценными документами в ЦГАНТД СССР. Самара, 1988.

13. Методические рекомендации по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации. М., 2006. 48 с.

14. Методическое пособие по выявлению особо ценных и уникальных документов (проект) / РГАНТД. М., 2020. 54 с. (рукопись любезно предоставлена составителями).

15. Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ в редакции федеральных законов от 04.12.2006 № 202-ФЗ, от 01.12.2007 № 318-ФЗ, от 13.05.2008 № 68-ФЗ, от 08.05.2010 № 83-ФЗ, от 27.07.2010 № 227-ФЗ, от 11.02.2013 № 10-ФЗ, от 04.10.2014 № 289-ФЗ, от 28.11.2015 № 357-ФЗ, от 02.03.2016 № 43-ФЗ, от 23.05.2016 № 149-ФЗ, от 18.06.2017 № 127-ФЗ, от 28.12.2017 № 435-

ФЗ, от 08.12.2020 № 429-ФЗ, от 30.04.2021 № 114-ФЗ, от 11.06.2021 № 170-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/12137300/ (дата обращения: 25.09.2022).

16. Основы законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах : Федеральный закон от 07.07.1993 № 5341-1. URL: http://docs.cntd.ru/document/9004432 (дата обращения: 25.09.2022).

17. Памятка по выявлению уникальных документов в Российском государственном архиве экономики / сост. М.М. Альтман, А.Г. Черешня, Е.А. Андреева ; РГАЭ. М., 2015. 47 с.

18. Регламент Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации : утв. приказом Росархива от 09.10.2001 № 75. URL: https://archives.gov.ru/documents/regulations/rgryd.shtml (дата обращения: 25.09.2022).

19. Решение ЦЭПК при Росархиве от 26.06.2008.

20. Характеристика фондов РГАЭ. URL: http://rgae.ru/arkhiv-rgae/kharakteristika-fondov.shtml (дата обращения: 25.09.2022).

Сведения об авторе

Солдатова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива в г. Самаре.

E-mail: iopad@mail.ru

Для цитирования

Солдатова О.Н. Уникальная научно-техническая документация в архивных фондах РГА в г. Самаре: проблемы выявления и отбора // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 3–10.

Историография и источниковедение
Historiography and Source Studies

УДК 94(73)

АРХИВЫ ФБР И ЦРУ КАК ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦСЛУЖБ США В КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (на примере анализа книги Чан Кайши «Судьба Китая»)

FBI AND CIA ARCHIVES AS INFORMATION SOURCES ON THE ACTIVITIES OF US SPECIAL SERVICES IN THE REPUBLIC OF CHINA (using the example of an analysis of Chiang Kai-shek's book “China’s destiny”)

Я.А. Левин
Самарский государственный технический университет
(Россия, Самара)

Ya.A. Levin
Samara State Technical University
(Samara, Russia)

Аннотация. Гражданская война в Китае стала временем сближения этой страны с США, однако в отношениях двух государств было очень много сложностей и противоречий. Информация о запредельном уровне коррупции, в которую были вовлечены многочисленные американские структуры и отдельные чиновники, а также о внутренних конфликтах в правительстве республики, содержащаяся в документах ФБР и ЦРУ – двух основных ведомств разведывательного сообщества США, существенно дополняет картину взаимодействия двух стран и позволяет лучше понять, почему Вашингтон был вынужден почти полностью отказаться от поддержки режима Чан Кайши. Статья базируется на принципах историзма и системности, а также методах исторической компаративистики.

Abstract. The civil war in China became a period of rapprochement between this country and the United States, but there were a lot of difficulties and contradictions in relations between the two states. Information about the transcendent level of corruption in which numerous American structures and individual officials were involved, as well as internal conflicts in the government of the republic, contained in the documents of the FBI and the CIA, the two main agencies of the US investigation community, significantly complements the picture of the interaction between the two countries and allows a better understanding why Washington was forced to almost completely abandon support for the regime of Chiang Kai-shek. The article is based on the principles of historicism and consistency, as well as the methods of historical comparative studies.

Ключевые слова: ФБР, ЦРУ, Чан Кайши, Дж. Эдгар Гувер, Гражданская война в Китае, Вторая мировая война, Холодная война, спецслужбы, разведка, международные отношения.

Keywords: FBI, CIA, Chiang Kai-shek, J. Edgar Hoover, Civil War in China, World War II, Cold War, special services, intelligence, international relations.

Начиная с 1927 г. в Китае разгорелась Гражданская война. С учетом геополитической значимости региона и интереса различных стран к нему в прошлом неудивительно, что самые разные силы постепенно включались и в этот, казалось бы, сугубо внутренний конфликт. По мере развития обозначились два главных лидера – США, поддерживающие режим Чан Кайши и его партии Гоминьдан, и СССР, оказывавший помощь Компартии Китая и ее лидерам [7, с. 215]. В рамках данного исследования, основываясь на материалах двух важнейших спецслужб США, предполагается рассмотреть проблему отличия подходов ФБР и ЦРУ к работе по китайскому направлению.

В качестве наиболее раннего и яркого примера отличий в работе ФБР и Управления стратегических служб (УСС, с 1947 г. – ЦРУ) предлагается рассмотреть отношение к изданию в США книги Чан Кайши «Судьба Китая». Одним из наиболее ранних документов УСС, сохраненных ЦРУ и доступных для исследователей, является доклад Уильяма Донована президенту Рузвельту о выходе книги Чан Кайши «Судьба Китая». Глава Управления стратегических служб сообщает, что выход англоязычного текста планируется через несколько месяцев. Далее идет подробный анализ книги. Агенты УСС изучили каждую главу и подробно описали ее содержание. Интерес в данном случае представляет итоговое заключение, направленное Донована и президенту [1].

Книга Чан Кайши названа пропагандистским памфлетом, в котором генералиссимус прославляет сам себя; отмечаются и довольно подробно разбираются многочисленные отсылки к философии Сунь Ятсена, однако интерес к ним не вошел в итоговый документ для шефа УСС и президента. По мнению агентов, отдельные главы книги проникнуты духом китайского национализма и неприязни, граничащей с ненавистью к «белому человеку». В «Судьбе Китая» критикуется колониализм во всех его проявлениях, высказываются многочисленные претензии к западным странам. По мнению авторов отчета, книга в большей степени предназначалась для внутреннего обращения, и их даже несколько удивляет, что окружение генералиссимуса пожелало издать ее в США. Более того, как написано в отчете, с Чан Кайши было заключено эксклюзивное соглашение, по которому он не только получил солидное вознаграждение в виде 550 тыс. долл., но и должен был получить процент с продаж. Также книга должна быть направлена ограниченными тиражами в библиотеки военных и военно-морских учебных заведений США, что особо тревожит агентов. Сотрудники УСС считают, что, возможно, имела место настоящая диверсия, поскольку издание «Судьбы Китая» в полном виде скорее испортит отношения Вашингтона и Чунцина [1].

Кроме президента с отчетом агентов УСС был ознакомлен Локлин Карри. В правительстве Франклина Рузвельта он занимал должность экономического советника. В годы Второй мировой войны именно Карри взял на себя контакты с правительством Китайской республики для определения масштабов помощи для армии Чан Кайши по ленд-лизу, фактически став «главным по Китаю» в окружении президента. В 1948 г. он был обвинен в сотрудничестве с советской разведкой. Хотя в западной историографии существует мнение о невиновности Карри [5], авторитетный отечественный ученый В.В. Позняков твердо заявляет о факте его работы на разведку СССР [11, с. 467].

Изучение доклада разведки представляет особый интерес при сравнении информации УСС и данных ФБР. Практически одновременно с УСС федеральные агенты подготовили свой отчет. Вариант ФБР наглядно показывает отличия в подходе двух служб к предмету изучения. Федеральные агенты менее подробны, мало внимания обращают на философско-политические взгляды Чан Кайши, но, так же как и сотрудники УСС, озабочены откровенно националистическим характером книги. По их мнению, ее издание может спровоцировать агрессию со стороны китайской диаспоры в США, число представителей которой неуклонно увеличивается. Также работники ФБР тщательнее изучили вопросы издания книги, они отмечают, что представителями Чан Кайши, занимавшимися подготовкой книги к изда-

нию и контактами с издательством (название издательства вымарано в документах обеих служб), были Сун Мэйлин и Локлин Карри, притом если «мадам Чан Кайши» выступила лишь формальным представителем, от имени мужа давшим «добро» на издание, то именно Локлин Карри был ответственен за подготовку рукописи и контакты с редакторами и переводчиками. То есть Карри прекрасно представлял содержание книги и тот негативный эффект, который вызвало бы ее издание «без купюр». По мнению Гувера, «это вызывает вопросы». Также Гувер считает, что часть тех денег, которые получила Сун Мэйлин, были переданы Карри за «посреднические операции» [2; 3].

С учетом практически не вызывающих сомнений связей Локлина Карри с разведкой СССР представляется, что он намеренно способствовал выходу в свет подобной книги, которая вызвала бы негативную реакцию общества и СМИ, что отрицательно сказалось бы на отношениях США и Китайской республики.

В итоге книга Чан Кайши вышла в 1944 г. со значительными купюрами и небольшим тиражом, а в 1947 г. была переиздана. Стоит отметить, что наиболее экстравагантные пассажи, наполненные критикой и даже отвращением к «белому человеку», из издания 1944 г. были убраны. Впрочем, книга всё равно была проникнута критикой колониализма и западного образа жизни [5, p. 3–68]. И вновь интересным моментом является сам выход этой книги. Дело в том, что ее переизданию способствовал Филип Джаффе (встречаются написания Яффе и Джейф), известный бизнесмен, публицист, главный редактор журнала «Амеразия», уже в 1945 г. оказавшегося под пристальным вниманием ФБР. Издание оказалось в центре скандала, когда агенты УСС вскрыли использование секретной документации для написания ряда статей, критикующих политику США и Великобритании в Китае и в целом в Азии. В итоге по досудебному соглашению Филип Джаффе отделался лишь небольшим штрафом. «Дело “Амеразии”» стало одним из первых эпизодов нараставшего движения маккартистов [10].

Кроме Джаффе изданию книги способствовал Джон Сёрвис – еще один фигурант «Дела “Амеразии”», сотрудник Госдепартамента, впоследствии уволенный в ходе разбирательства, санкционированного Джозефом Маккарти и его сторонниками. Хотя в западной историографии существуют некоторые сомнения относительно связей «Амеразии» с советской разведкой, авторитетный отечественный исследователь А. Колпакиди убедительно и уверенно заявляет о том, что редакция журнала «Амеразия» активно использовалась советской разведкой для получения секретных документов разных органов власти США [9, с. 64]. Также вновь представителем автора выступила его супруга Сун Мэйлин. Выход книги сопровождался довольно резкой критикой в прессе; даже ее обложка, на которой под портретом Чан Кайши находилась подпись «Антизападный феодал», вызвала негативную оценку [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что идея с дискредитацией Китайской республики и ее лидера в глазах общественного мнения была удачно реализована, хоть и позже, чем планировалось изначально. Это значительно усложнило для администрации Трумэна поддержку армии генералиссимуса Чан Кайши, что не в последнюю очередь также способствовало «потере Китая» для Америки.

Если ФБР всё же больше было ориентировано на дела Чан Кайши и его семьи в США, то недавно образованное ЦРУ стремилось представить главе государства и правительству более полную картину действий лидера Китайской республики дома. Американский исследователь роли УСС-ЦРУ в Гражданской войне в Китае Маочун Ю в своей работе и вовсе отмечает, что, несмотря на амбиции Эдгара Гувера, стремившегося получить для своего ведомства разведывательные полномочия, Китай для федеральных агентов оставался «темным лесом» [8, с. 180]. Обращает на себя внимание и интерес ФБР к фигуре Л. Карри, однако подозрениям агентов не было дано возможности развиться в силу высокой степени доверия к этой фигуре со стороны главы государства. Тем не менее документы показывают, что по окончании истории с изданием книги Чан Кайши Бюро усилило надзор за Карри, что нашло свое отражение уже в послевоенную

эпоху, когда бывший советник стал фигурантом нескольких разбирательств Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и, несмотря на довольно успешную защиту, бежал в Колумбию, где и был вынужден остаться, после того как власти США отказались продлить его паспорт. Уже на примере этого расследования заметны кардинальные различия в стиле и подходах ФБР и УСС (ЦРУ) к своей работе.

Список источников и литературы

1. CIA Archive. CIA-RDP13X00001R000100190002-2. OSS – Book entitled “China’s Destiny” by Chiang Kai-shek, 1943. 23 March 1944. 149 p.

2. NARA. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67–571 (J. Edgar Hoover’s Official and Personal Letters – China). Hoover to Berle. 23 March 1944. 4 p.

3. NARA. RG. 65. FBI. File: 67-571 (J. Edgar Hoover’s Official and Personal Letters – China). Hoover to Watson. 25 March 1944. 3 p.

4. *Boughton J., Sandilands R.* Politics and the Attack on FDR's Economists: From Grand Alliance to Cold War // Intelligence and National Security. 2003. № 17. P. 73–99.

5. *Kai-shek C.* China’s Destiny & Chinese Economic Theory. N. Y. : Roy Publishers, 1947. 347 p.

6. *Toller W.S.* China's Destiny by Chiang Kai-Shek; China's Destiny and China's Economic Theory by Chiang Kai-shek, Philip Jaffe // Pacific Affairs. Sep., 1947. Vol. 20, No. 3. P. 331–335.

7. *van de Ven H.* China at War: Triumph and Tragedy in the Emergence of the New China, 1937–1952. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2017. 352 p.

8. *Yu M.M.* OSS in China: Prelude to Cold War. Annapolis (MD) : Naval Institute Press, 2011. 368 p.

9. *Колпакиди А.И.* ГРУ в Великой Отечественной войне. М. : Яуза, 2010. 608 с.

10. *Левин Я.А.* «Дело “Амеразии”» – на пороге маккартизма // Обозреватель-Observer. 2016. № 10. С. 87–96.

11. *Позняков В.В.* Советская разведка в Америке. 1919–1941. М. : Международные отношения, 2015. 584 с.

Сведения об авторе

Левин Ярослав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» Самарского государственного технического университета.

E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

Для цитирования

Левин Я.А. Архивы ФБР и ЦРУ как источники информации о деятельности спецслужб США в Китайской республике (на примере анализа книги Чан Кайши «Судьба Китая») // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С.11–14.

Методология истории
History Methodology

УДК 930.2

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ, БУДУЩЕМ: НЕПРОСТАЯ ДИАЛЕКТИКА

CULTURE AND HISTORICAL KNOWLEDGE ABOUT THE PAST, PRESENT, FUTURE: A DIFFICULT DIALECTICS

Г.М. Ипполитов
Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Россия, Самара)

G.M. Ippolitov
Volga State University Telecommunications and Informatics (Samara, Russia)

Т.В. Филатов
Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Россия, Самара)

T.V. Filatov
Volga State University Telecommunications and Informatics (Russia, Samara)

Аннотация. Выглядит аксиоматичным, что историческое знание занимает одну из самых больших ниш в сокровищнице культуры человечества. Не вызывает сомнения и то, что историческое знание в целом представляет собой уникальный, многоаспектный феномен, подверженный влиянию динамичных процессов накопления, приращения, и самое главное – его интерпретации со стороны субъектов-исследователей. Авторы предприняли попытку сформулировать здесь ряд суждений о непростой диалектике культуры и исторического знания о прошлом, настоящем, будущем. При этом мы исходили из того, что проблема, сформулированная в названии статьи, носит многоаспектный и дискуссионный характер. Поэтому исследователи раскрыли, причем лапидарно, с элементами конспективности, лишь некоторые аспекты диалектики исторического знания в качестве неотчуждаемой и уникальной части культуры. Мы учли здесь следующие обстоятельства: во-первых, так называемый постмодернистский вызов в исторической науке; во-вторых, жесткую битву идей, что имеет место в современной историографии, ту битву, где научно обоснованная критика сталкивается не только с беспардонной политической конъюнктурой, но и с циничны-

ми фальсификациями, извращениями в сфере приращения исторических знаний. Материал статьи носит дискуссионный характер. Естественно, авторские претензии на полноту освещения проблемы отсутствуют.

Abstract. It seems axiomatic that historical knowledge occupies one of the largest niches in the treasury of human culture. There is no doubt that historical knowledge as a whole is a unique, multifaceted phenomenon influenced by dynamic processes of accumulation, increment, and, most importantly, its interpretation by research subjects. The authors attempted to formulate here a number of judgments about the complex dialectic of culture and historical knowledge about the past, present, and future. At the same time, we proceeded from the fact that the problem formulated in the title of the article is multifaceted and debatable. Therefore, researchers have revealed, moreover, in a lapidary way, with elements of conciseness, only some aspects of the dialectics of historical knowledge as an inalienable and unique part of culture. Here we have taken into account the following circumstances: firstly, the socalled postmodern challenge in historical science; secondly, the fierce battle of ideas that takes place in modern historiography, the battle where scientifically based criticism collides not only with shameless political conjuncture, but also with cynical falsifications, perversions in the field of increasing historical knowledge. The material of the article is debatable. Naturally, there are no copyright claims for the completeness of the coverage of the problem.

Ключевые слова: культура, история, историческое знание, прошлое, настоящее, будущее, диалектика, методология исторической науки, постмодернистский вызов, идеологическая борьба.

Keywords: culture, history, historical knowledge, past, present, future, dialectics, methodology of historical science, postmodern challenge, ideological struggle.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества – это активная память человечества, активно же введенная в современность.
Д.С. Лихачев [24, с. 26]

Разве не следует доводить историческое объяснение до современности – так, чтобы эта встреча с сегодняшним днем его подтверждала и оправдывала.
Ф. Бродель [7, с. 117]

Гадать можно только о будущем. Прошлое есть данность, в которой уже нет места возможному. Неуверенность – в нас или в источниках, которыми мы пользуемся. Но не в фактах реальности. Однако, если вдуматься, применение понятия вероятности в историческом исследовании не имеет в себе ничего противоречивого. Историк, спрашивающий себя о вероятности минувшего события, по существу лишь пытается смелым броском мысли перенестись во время, предшествовавшее этому событию, чтобы оценить его шансы, какими они представлялись накануне его осуществления. Так что вероятность – всё равно в будущем.
М. Блок [6, с. 71]

Видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как и от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее. Прогнозирующее историческое мышление определяет наши действия.
К. Ясперс [49, с. 175]

Четыре эпиграфа, отобранные нами для статьи, показывают (даже в первом приближении) следующее: культура имеет внутри себя такую неотчуждаемую уникальную и значимую составляющую, как история.

А если углубиться в суть эпиграфов, то станет ясным: проблема исторического знания

о прошлом, настоящем, будущем в качестве неотчуждаемой и уникальной части культуры несет в себе непростую диалектику. Чтобы ее раскрыть, необходимо рассмотреть в первую очередь диалектическую связку таких сложных категорий, как культура и история.

Культура – система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [27]. В широком смысле культура – это **вторая природа**, искусственный мир, создаваемый людьми в ходе практически-преобразующей деятельности, существующий параллельно с естественным (природным) миром.

История – наука о прошлом человеческого общества, которая изучает его во всей конкретности и многообразии в целях понимания настоящего и перспектив будущего [41, с. 189].

При этом необходимо подчеркнуть, что история органически вписывается в культуру по следующим основаниям:

- во-первых, культура включает в себя не только материальную, но и духовную составляющую, т. е. в нее входит многообразие знаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, целей, ценностных ориентаций, которые в своей совокупности и динамике образуют исторически накапливаемый социальный опыт;
- во-вторых, культура хранит, транслирует подобный опыт (передает его от поколения к поколению);
- в-третьих, культура генерирует новые программы деятельности, поведения и общения, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества.

А история, по меткой характеристике выдающегося французского историка М. Блока, «…разрабатывая свои технические приемы, открыла людям новую дорогу к истине и, следовательно, к справедливости» [6, с. 78]. И это ученый посчитал, по нашему глубокому убеждению, совершенно справедливо, «самой бесспорной победой» [6, с. 78].

Действительно, уникальность и значимость **истории** в качестве составляющей **культуры** детерминируется, по крайней мере, следующими обстоятельствами:

- во-первых, история – отрасль научного знания;
- во-вторых, история – способ существования человека и человечества;
- в-третьих, история – специализированная дисциплина;
- в-четвертых, история есть повествование о прошедшем как особая форма культуры;
- в-пятых, история – это знания о прошлом, т. е. совокупность социальных представлений о минувшем времени (синонимами истории в данном случае выступают понятия «историческая память», «историческое сознание», «историческое знание» и «историческая наука») [18; 37, с. 78–91].

«История, – как заметил известный специалист по теории и истории исторической науки, германский ученый Й. Рюзен, – гораздо больше, чем только само исследование прошлого, это существенный фактор культурной жизни в целом, поскольку человечество нуждается в ориентации во времени, которую мы реализуем, вспоминая прошлое» [51, с. 1].

В итоге такой диалектики, освещенной выше, в научном обороте и появилась дефиниция «историческая культура». В ней отражаются различные формы отношения человеческих сообществ к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. Историческая культура – та часть культуры, которая связана со временем как сущностным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ [5; 10; 41, с. 169–171].

Чтобы продолжать дальше раскрывать непростую диалектику проблемы исторического знания о прошлом, настоящем, будущем в качестве неотчуждаемой и уникальной части культуры, необходимо договориться об основных понятиях, которыми мы станем оперировать в нашем небольшом исследовании (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные понятия, необходимые для раскрытия темы статьи

Понятия	Расшифровка
Историческое исследование	Особый тип познавательной деятельности, связанный с когнитивным моделированием исторической действительности, целью которого является получение нового исторического знания с помощью определенных научных средств и научно-исследовательских действий
Историческое сознание	Совокупность представлений, присущих обществу в целом и составляющим его сегментам в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Историческое сознание находится в близкой связи с историческим познанием
Историческое познание	1) специализированная подсистема исторического сознания; 2) рефлексия над исторической жизнью; 3) процесс поиска, установления и интерпретации существенных исторических фактов. Историческое познание представляет собой когнитивную деятельность субъекта, включающую: а) интериоризацию исторической информации о предмете познания; 2) превращение информации в историческое знание; 3) экстериоризацию исторического знания в социокультурных коммуникациях
Историческое знание	Совокупность представлений человека о своем прошлом, о прошлом человечества. Отличительные особенности исторического знания: доказанность, взаимосвязанность, логичность результатов исторического познания
Историческое исследование	Особый тип познавательной деятельности, связанный с когнитивным моделированием исторической действительности, целью которого является получение нового исторического знания с помощью определенных научных средств и научно-исследовательских действий
Прошлое	Часть линии времени, состоящая из событий, которые уже произошли; противоположно будущему; противопоставлено настоящему
Настоящее	Часть линии времени, состоящая из событий, которые происходят в данный момент, т. е. определенная область пространства-времени. При определенных допущениях под настоящим временем понимаются текущие дни, месяцы и даже годы. В этом смысле настоящее противопоставлено прошлому (множество событий, которые уже произошли) и будущему (множество событий, которые еще не произошли) и расположено между ними
Современность	Как понятие философии культуры и политической теории обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей «картины мира» у членов этих обществ и воспринимались ими в качестве высшей и объективной «онтологической» реальности (представляемой мифологически, религиозно, в виде универсальных моральных «законов природы» или иначе)
Будущее	Гипотетическая часть линии времени, множество событий, которые еще не произошли, но могут произойти. Ввиду того, что события характеризуются как временем, так и местом, будущее занимает область пространственно-временного континуума

Источники: 1; 9, с. 81–102; 12, с. 110–121; 21; 25; 27; 33; 41, с. 89, 171, 186, 187, 189, 199; 51.

При этом представляется принципиальным подчеркнуть, что приращение исторического знания – это, безусловно, перманентный процесс, происходящий в ходе жесткой (а порою, не станет преувеличением сказать, и жестокой) битвы идей, что имеет место и в современной историографии. Той битвы, где научно обоснованная критика сталкивается не только с беспардонной политической конъюнктурой, но и с циничными фальсификациями, извращениями в сфере приращения исторических знаний. Видимо, здесь дает пищу для размышлений (по крайней мере, в опосредованной форме) такая цитата У. Шекспира:

У времени прожорливого можно
Купить ценой усилий долгих честь,
Которая косу его притупит
И даст нам вечность целую в удел
[47, с. 395].

Но еще более четко сказал о фальсификаторах и фальсификациях отечественный поэт Л. Ошанин:

Историки карты тасуют.
По знаку державной руки
Они что угодно рисуют
И лепят свои ярлыки.
Всё снова неясно, непросто –
Колеблются чаши весов.
В глазах от имен зарябило.
Осмысливай смолкшие дни,
Но помни – что было, то было.
И как бы тебя ни знобило,
Всю жесткую правду верни [28, с. 10].

Для понимания глубинной сущности непростой диалектики проблемы исторического знания о прошлом, настоящем, будущем в качестве неотчуждаемой и уникальной части культуры необходимо четко зафиксировать такой тезис: историческая наука, несмотря на то, что она изучает настоящее, а также прогнозирует будущее, всё-таки **обращена в первую очередь в прошлое**.

Думается, что предмет ее исследования очень четко сформулировал В.О. Ключевский (причем в присущей ему афористичной, образной манере): «Предмет истории – то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неконченый процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т. е. изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не родятся, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу» [19, с. 6].

Опора на прошлое – обязательная для каждой конкретной эпохи предпосылка деятельности людей в условиях, в которых они находятся и которые они унаследовали от прошлого. Конкретность этих условий порождает столь же конкретный интерес к прошлому, различный в отношении того или иного события либо процесса прошлого.

Актуальность тематики исследований историка является показателем меры его гражданской позиции: общественный интерес к прошлому он воспринимает как своего рода заказ и своим трудом стремится реагировать на запросы и потребности времени.

Пренебрегающее требованиями и стандартами научного мышления стремление поставить прошлое на службу дня становится конъюнктурой. И такая конъюнктура отличается от подлинной актуальности исторических исследований. Спрашивается – чем? (см. табл. 2).

Таблица 2

Отличия актуальности от конъюнктуры

Актуальность	Конъюнктура
Исследователь по отношению к прошлому задает только вопрос	Исследователь «подгоняет» трактовку событий прошлого под заранее определенную, навязываемую этому прошлому форму ответа и составляет представление о нем в угоду тем или иным веяниям окружающей историка среды

Источники: 17, с. 281–296.

Если рассуждать о диалектике культуры и исторического знания, то можно указать на три группы факторов, имеющих социально-культурную обусловленность и определяющих отношение историка к прошлому:

- научные концепции социального развития, которыми исследователь руководствуется при отборе, анализе и истолковании исторических фактов;
- политические и идеологические принципы устройства общества, которые исследователь воспринимает как точку отсчета в своем восприятии прошлого;
- личные мировоззренческие и идеологические убеждения исследователя.

При этом необходимо особенно подчеркнуть, что **историк ангажирован своим временем и не может быть свободен от социальных идей и политических идеологий**.

Но историку приходится оперировать с условными категориями «прошлое» и «настоящее» как с когнитивными инструментами познания окружающего мира. Между тем категории «прошлое» и «настоящее» имеют также онтологическое значение, ибо они указывают на прошлое или настоящее конкретного момента существования. Понятие прошлого не абстрактно, а конкретно.

Анализ исследовательской литературы [14; 16, с. 122–127; 26, с. 136–141; 42, с. 203–207] позволяет заключить, что прошлое есть всегда прошлое определенного настоящего или определенного объекта настоящего. Каждое прошлое имеет свою современность и наоборот. Мы имеем только потому прошлое, что у нас есть настоящее. Наше настоящее есть следствие нашего прошлого.

И если мы принимаем идею, суть которой состоит в том, что нет и не может быть прошлого без настоящего, а настоящее есть только момент бытия, то в таком случае мы вынуждены будем изменить наше понимание того, что есть для нас «историческая истина». Истина эта всегда конкретна. Историческая истина есть истина текущего момента существования. Мы не имеем абсолютной исторической истины и не можем ее иметь. Наша историческая истина зависит от нашей «дистанции» по отношению к прошлому. И эта дистанция изменчива. В каждом «настоящем» преобладают определенные этические нормы и принципы, идеологии и парадигмы мышления. Они определяют характер исторической истины.

Именно поэтому человеческая история постоянно переписывается, причем в подавляющем большинстве случаев вовсе не вследствие фальсификации тех или иных историографических фактов или их новой интерпретации, а потому, что обстоятельства прошлого, казавшиеся вчера несущественными, внезапно для исследователей оказываются определяющими реальность сегодняшнего дня. Например, победа ленинской идеи союзного государства над сталинской идеей автономизации стала фатально убийственной для Советского Союза только в ситуации горбачевской «перестройки», тогда как в иной геополитической ситуации данный историографический факт, скорее всего, так и не приобрел бы значения «выстрела из прошлого».

Видимо, не станет преувеличением сказать, что у исторической науки сложные отношения с настоящим [14; 16, с. 122–127; 18; 26, с. 136–141; 42, с. 203–207]. Настоящее и прошлое не существуют друг без друга. Нет прошлого без настоящего: «Разве настоящее не находится больше чем наполовину во власти прошлого, упорно стремящегося выжить? И разве не представляет прошлое посредством своих закономерностей, своих различий и своих сходств ключ, необходимый для всякого серьезного понимания настоящего?» [8, с. 11] – писал в свое время Ф. Бродель.

Несколько в ином ракурсе рассуждает другой французский ученый-историк А. Про: «Объяснение прошлого основывается на аналогиях с настоящим, но оно же, в свою очередь, питает собой объяснение настоящего» [32, с. 293].

Конечно, историки-исследователи вынуждены заниматься изучением настоящего, современности – например, при разработке учебников, учебных пособий. Но здесь резко усиливается негативное влияние следующих обстоятельств:

- во-первых, чрезвычайно малая временная дистанция;

- во-вторых, исключительной силы динамичность в развитии событий, отсутствие доступа к множеству архивных документов (государство, что вполне естественно, умеет хранить свои тайны);
- в-третьих, нахождение ученого в системе координат настоящего, которое он должен исследовать.

Оригинальный факт: трудности историка, который рискует обратиться в своем творчестве к современности, очень хорошо подметил в свое время великий русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин: «История вообще (в том числе и настоящая) обязана относиться к современности сдержанно. Нет ничего раздражительнее, как современность, и историк напрасно будет усиливаться в соблюдении справедливости при оценке фактов. Его всегда упрекнут в пристрастии» [38, с. 375].

Так же актуально (в контексте изложенного выше) звучит максима великого российского/советского поэта С.А. Есенина:

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье [13].

Это хорошо подметил Ю.А. Поляков: «Историк – сын своего времени. Он, как и его сограждане, испытывает бытовые тяготы, терзается сомнениями, верит и теряет веру, его просквaживают ветры эпохи» [30, с. 35].

Еще более сложные отношения у исторической науки с будущим. Здесь проявляется прогностическая функция (предвидение будущего) исторической науки. Являясь неотъемлемым элементом связи времен, категория будущего входит в структуру исторического сознания; без будущего, без уверенности в нем не может быть здорового исторического сознания. Попытки предвидения могут различаться как по протяженности перспективы – отдаленной или ближайшей, так и по масштабам (куда идет история, куда идет страна или что ее ждет в ближайшем будущем в результате тех или иных изменений, реформ в настоящем). Во всех случаях важно понять, как это следует делать, каков механизм мышления, направленного на разгадку возможной перспективы [48, с. 144–153].

Прогноз историка – это взгляд в будущее, но импульс к этому исходит от современной ситуации и опирается на прошлое. Однако прогнозы – дело, требующее большой осторожности, взвешенности, корректности и, конечно же, высокой степени научности [29].

Прогноз историка (предвидение им будущего) – это не предсказание (пророчество), ибо оно находится вне области науки [34; 45, с. 75–90].

Историческая наука, как и массовое сознание, создает мифы о прошлом и использует их для подтверждения актуальных представлений. Однако добросовестность и профессиональная честность историка требуют отказа от прямого отождествления прошлого с настоящим.

Историк балансирует на грани объективности и пристрастности, однако только он может поставить заслон на пути использования прошлого как материала для политических идеологий и ложных социальных мифов.

История – универсальная социальная наука, так как другие гуманитарные знания связаны с ней корнями и происходят из интереса человеческого общества к своему прошлому. Предмет исследования сближает историка со специалистами в областях экономики, права, социологии, литературоведения и истории искусства. И многое в постижении исторической правды зависит от личности историка, причем не только от его профессионального мастерства, но и от морально-этических качеств.

Если рассуждать о диалектике культуры и исторического знания, то приходится констатировать, что в ее осмыслении возникли серьезные трудности, детерминированные **постмодернизмом**, представляющим собой следствие перехода Запада от индустриальной цивилизации эпохи модерна к постиндустриальной, или информационной цивилизации, что качественно изменило культурную практику и самосознание европейского человечества в конце XX в.

В рамках постмодерна осуществляется пересмотр кардинальных предпосылок европейской культурной традиции, связанных с прогрессом как идеалом и схемой истории,

разумом, организующим вокруг себя весь познаваемый мир, либеральными ценностями как эталоном социально-политического обустройства, экономической задачей неуклонного прироста материальных благ [15; 23].

В постмодернизме велика роль описательного плана, т. е. характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркиваются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью. Реальность и фантазия сливаются в «виртуальной» действительности, как в «Диснейленде». Карта предшествует территории и создает «территорию», телевизор формирует общество [3; 4].

Проникновение постмодернизма в историю было вызвано, по образному выражению Ф. Анкерсмита, «осенью западной историографии». Помимо роста постмодернистских тенденций в культуре современного мира определенное влияние оказало то обстоятельство, что после 1945 г. история, происходящая на европейском континенте, более не является мировой историей. Возникшая дискретность поля исторического знания вызвала образование несметного количества историографических направлений, в которых ученые и читатели запутались до такой степени, что, по мнению Ф. Анкерсмита, традиционная западная историография «покидает нас, отброшенная прочь». Она потеряла свое значение не из-за того, что легко и даже модно занимать антиисторическую позицию, но потому, что для понимания происходящих процессов традиционных подходов стало не хватать. По словам ученого, «история больше не является реконструкцией того, что случилось с нами на разных этапах жизни, она стала продолжающейся игрой с памятью о прошлом... Пришло время, когда мы больше думаем о будущем, чем исследуем наше бытие» [50, с. 149–152].

С этими размышлениями можно связать идею Г.С. Кнабе, указавшего на осознание в 1960-е гг. противопоставления между жизнью как объектом познания и наукой как средством познания. Последняя в силу внутренних условий своей организации неспособна познать всё многообразие жизни. Как показал историк, «противоречие между наукой как средством исследования и “жизнью как она есть” как объектом исследования образует коренную апорию современного общественно-исторического познания» [20, с. 249–250].

Из состояния постмодерна логически вытекает и такое явление, как **постмодернистский вызов в исторической науке**. И этот вызов оказывает существенное влияние на теорию и методологию истории. Что же он представляет собой?

Суть постмодернистского вызова в истории, судя по анализу научно-исследовательской литературы [2, с. 32–36; 22, с. 229–242; 36, с. 25–38; 39, с. 210–218; 40, с. 139–151; 43, с. 67–78; 46, с. 192–205], можно свести к следующему – **интеллектуальная атака на принципы получения информации об исторической реальности**. Сторонники постмодернистского вызова в исторической науке утверждали, что между свершившимся событием и рассказом историка об этом событии стоит огромная дистанция, в ходе преодоления которой происходит такое искажение прошлого, что о его адекватном отражении вообще нельзя говорить.

Исторический факт отражается в письменном источнике – нарративе, где он уже искажен из-за разной степени осведомленности автора текста, его субъективности и тенденциозности, наконец, из-за его преднамеренной лжи или искреннего заблуждения. Чем дальше отстоит само событие от его отражения в нарративе (например, в средневековье большинство хроник отделено от описываемых в них событий на несколько десятков, а то и сотен лет), тем выше степень погрешности данного отражения.

Однако искажения нарастают, когда к использованию нарратива приступает историк-интерпретатор.

Во-первых, он выступает как бы соавтором текста, поскольку прочитывает его, исходя из своей профессиональной подготовки, мировоззрения, исследовательских задач.

И смысл, который он извлекает из памятника, может в значительной мере не совпадать с тем, который в него вкладывал создатель.

Во-вторых, в принципе нет уверенности в возможности адекватного истолкования современным историком текста, написанного много столетий назад. Поэтому постмодернисты утверждают, что прошлого как бы не существует, а есть представленное в дискурсе информационное поле, которое, собственно, и есть история.

Следовательно, в данном подходе **объект познания** трактуется не как что-то внешнее **познающему субъекту**, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Язык выступает не средством отражения и коммуникации, а главным смыслообразующим фактором, детерминирующим мышление и поведение.

Причем постмодернистами акцентируется внимание на креативном, искусственном характере исторического повествования, выстраивающего неравномерно сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд [36, с. 25–38; 37, с. 78–91; 43, с. 67–78].

При этом необходимо подчеркнуть, что постмодернисты, критикуя своих предшественников [22, с. 134–155], так и не смогли создать яркие образцы конкретно-исторических исследований по тематике своих идейных оппонентов – историков-традиционалистов. Видимо, здесь можно согласиться с мнением Г. Померанца о том, что у постмодернистов в их исторических представлениях «господствует незнание и нежелание знать, куда движется человеческое общество» [51, с. 313].

Нельзя не сказать и о том, что работы сторонников постмодернистского вызова тесно смыкаются с литературоведением. Они носят в значительной мере элитарный характер и ближе к литературным произведениям, чем к традиционным историографическим жанрам, поэтому не могут составить реальную конкуренцию последним.

В то же время не стоит отрицать того, что усвоение некоторых постмодернистских методик изучения нарратива способно на современном этапе развития исторической науки в России сыграть и положительную роль. Например, некоторые из постмодернистов акцентируют внимание на эмоциональных и субъективно-личностных компонентах процесса познания, которые существенно затрудняют постижение объективной истины.

Суммируем сказанное. Как указывалось выше, история Европы после 1945 г. перестала быть мировой историей, т. е. фактически **завершена** [44]. В этом смысл эпохи постмодерна. Если в эпоху расцвета классической науки в XVII–XIX вв. целью научного познания, в том числе исторического, было перманентное движение к некой абсолютной истине, единой для всего человечества, то в неклассической науке конца XIX – начала XX в. возобладал **релятивизм**, восходящий к античному софисту Протагору, учившему, что человек есть мера всех вещей, поэтому у каждого своя истина и нет истины, общей для всех людей. Именно поэтому каждый должен любыми средствами утверждать свою истину в ущерб истинам других людей, потому что победитель в этой гонке или чемпион всегда один. В этом смысл цивилизации модерна. Наконец, постмодерн, завершающий историю Европы, приходит к **обществу спектакля** [11], где истина вообще не фигурирует, зато у каждого своя ложь, толерантно уживающаяся с ложью других людей, а всякий человек, отстаивающий свое право на истину, представляется «злобным» фундаменталистом, срывающим спектакль.

Однако конец истории Европы вовсе не означает конца мировой истории, у многих народов мира она всё еще продолжается, а у большинства народов Африки, по большому счету, еще даже не началась. По этой причине «окончательного варианта» мировой истории человечеству предстоит ожидать достаточно долго, постольку таковой вариант может возникнуть только в обществе застывшего настоящего, т. е. полностью лишенном будущего.

Список литературы

1. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Теория познания и диалектика : учеб. пособие для вузов. М. : Высшая школа, 1991. 382 с.

2. *Анкерсмит Ф.* Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 3–42.

3. *Анкерсмит Ф.* История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

4. *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.

5. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М. : Мысль, 1987. 348 с.

6. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е. М. : Наука, 1986. 232 с.

7. *Бродель Ф.* Динамика капитализма / пер. с фр. Смоленск : ТОО «Полиграмма», 1993. 123 с.

8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М. : Прогресс, 1992. 679 с.

9. *Варшавчик М.А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 81–102.

10. *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М. : Кругъ, 2012. 336 с.

11. *Дебор Г.* Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М. : Логос, 2000. 184 с.

12. *Дорошенко Н.М.* О специфике метода исторического познания // Вопросы методологии, истории и историографии. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. С. 110–121.

13. *Есенин С.* Письмо к женщине // Культура РФ. URL: www.culture.ru/poems/43511/pismo-k-zhenshine (дата обращения: 21.09.2022).

14. *Иванов В.В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования). М. : Наука. 1973. 288 с.

15. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998. 256 с.

16. *Ипполитов Г.М.* Историк-исследователь и фактор времени // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого) : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.) : в 2 ч. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2019. Ч. I. С. 122–127.

17. *Ипполитов Г.М.* Объект, предмет, субъект исторического познания: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2 (апрель – июнь). С. 281–296.

18. *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М. : РОССПЭН, 1998. 308 с.

19. *Ключевский В.О.* Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М. : Мысль, 1968. С. 321–399.

20. *Кнабе Г.С.* Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 249–250.

21. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987. 440 с.

22. *Кравцов В.Н.* Российская историография постмодернизма // Россия в новое время: единство и многообразие исторического развития : материалы российской межвуз. науч. конф. М., 2000. С. 229–232.

23. *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.

24. *Лихачев Д.С.* Русская культура. М. : Иллюминатор, 2022. 368 с.

25. *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю.Г. Волков. М. : Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.

26. *Маслихин А.В.* Прогностическая функция в социальном познании : дис. … д-ра филос. наук: 09.00.01. М., 1996. 343 с.

27. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / председатель науч.-ред. совета В.С. Степин ; Ин-т философии РАН ; Национальный общественно-научный фонд. М., 2000–2001. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. URL: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c1618162485a21963380 (дата обращения: 19.09.2022).

28. *Ошанин Л.* Историку // Ошанин Л. Ты есть у меня или нет? Новая книга стихов. М. : Современник, 1990. 190 с.

29. *Пантин В.И., Латкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна : Феникс+, 2006. 448 с.

30. *Поляков Ю.* Историзмы (мысли и суждения историка). М. : РИО ИРИ РАН, 2001. 103 с.
31. *Померанц Г.* Авангардизм, модернизм, постмодернизм // Опыты : литературно-художественный, научно-образовательный журнал. 2000. № 3. С. 313.
32. *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М. : Российский гос. гуманит. ун-т, 2000. 336 с.
33. Проблемы исторического познания : материалы междунар. конф. Москва, 19–21 мая 2006 г. / отв. ред. акад. Г.Н. Севастьянов. М. : Наука, 2006. 300 с.
34. Проблемы исторического сознания : сб. ст. / под ред. Л.П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2005. 254 с.
35. *Ракитов А.И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. М. : Политиздат, 1982. 303 с.
36. *Репина Л.П.* «Постмодернистский вызов» и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : ЛКИ, 2009 (1998). С. 25–38.
37. *Розин В.М.* Некоторые особенности исторического познания и онтологии // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 78–91.
38. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. : в 20 т. Т. XVI. Кн. 1: Сказки. 1869–1886. Пестрые письма. 1884–1886. М. : Художественная литература, 1974. 527 с.
39. *Спигел Г.М.* К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 210–218.
40. *Стрелков В.И.* К онтологии исторического текста: некоторые аспекты философии истории Ф.Р. Анкерсмита // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 139–151.
41. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аквилон, 2016. 544 с.
42. *Филатов Т.В.* В.С. Степин и конец техногенной цивилизации (размышления на полях одной монографии) // Клио : журнал для ученых. 2019. № 3 (147). С. 203–207.
43. *Филюшкин А.И.* «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос : философско-культурологический журнал. 2000. № 3. С. 67–78.
44. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.
45. *Чайковский Ю.В.* История и прогноз // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 75–90.
46. *Шартье Р.* История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 192–205.
47. *Шекспир У.* Бесплодные усилия любви, акт I, сцена 1 [1598] // Шекспир У. Полн. собр. соч. : в 8 т. / пер. с англ. М. : Искусство, 1958. Т. 2. 548 с.
48. *Ядута Л.И.* Создают ли историки будущее? // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 2 (16). С. 144–153.
49. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
50. *Ankersmit F.* Historiography and Postmodernism // History and Theory. 1989. Vol. 28. N. 2. P. 149–152.
51. *Rusen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation / Oxford. N.Y. : Berghahn Books, 2004. 236 p.

Сведения об авторах

Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Самара.
Email: gippolitov@rambler.ru

Филатов Тимур Валентинович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Самара.
E-mail: tfilatoff1960@mail.ru

Для цитирования

Ипполитов Г.М., Филатов Т.В. Культура и историческое знание о прошлом, настоящем, будущем: непростая диалектика // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 15–25.

Отечественная история
National History

УДК 94(47)

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ АЧИНСК – МИНУСИНСК (по материалам Российского государственного архива в г. Самаре)

DESIGN AND CONSTRUCTION OF THE ACHINSK – MINUSINSK RAILWAY (based on the materials of the Russian State Archive in Samara)

А.И. Репинецкий
Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия, Самара)

A.I. Repinetsky
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia)

Аннотация. На основе анализа документов, хранящихся в Российском государственном архиве в г. Самаре, представлена история проектирования и строительства железной дороги Ачинск – Минусинск. Материалы архива дают возможность проследить все этапы строительства – от первых изысканий (1906 г.) до введения железной дороги в эксплуатацию (1926 г.). Рассмотрены проекты строительства, создание и деятельность акционерного общества «Ачминдор», трудности, с которыми столкнулись строители. Показаны роль железной дороги Ачинск – Минусинск в экономическом развитии региона, материальное состояние дороги на момент введения ее в эксплуатацию.

Abstract. Based on the analysis of documents stored in the Russian State Archive in Samara, the history of the design and construction of the Achinsk – Minusinsk railway is presented. The materials of the archive make it possible to trace all stages of construction – from the first surveys (1906) to the commissioning of the railway (1926). The construction projects, the creation and activities of the joint-stock company “Achmindor”, the difficulties faced by the builders were considered. The role of the Achinsk – Minusinsk railway in the economic development of the region, the material condition of the road at the time of its commissioning is shown.

Ключевые слова: железная дорога Ачинск – Минусинск, акционерное общество «Ачминдор».

Keywords: Achinsk – Minuses railway, joint-stock company “Achmindor”.

В течение длительного времени Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре) являлся филиалом Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД). В 2016 г. архив получил самостоятельность и новое название. Коллекция архива содержит уникальные документы по истории отечественной науки и техники в области промышленности, строительства, транспорта, связи, изобретательства. Основная их часть относится к советскому периоду. Но ряд фондов содержит документы досоветского периода. К таким материалам относятся документы, содержащиеся в фонде Р-787 – «Архивная коллекция. Проекты железных дорог Российской империи и СССР. 1875–1934 гг.». В нем отложились материалы о проектировании и строительстве железной дороги Ачинск – Минусинск (фото 1) с 1913 по 1926 г. Фонд содержит материалы изысканий о выборе пути прокладки железной дороги, пояснительные записки к проекту железной дороги Ачинск – Минусинск, материалы акционерного общества Ачинско-Минусинской железной дороги «Ачминдор».

Давно стало аксиомой положение, что успешное экономическое развитие страны невозможно без организации постоянно действующей сети железных дорог. Это относится к любым странам, но особенно актуальным было для Российской империи с ее громадными расстояниями и экономической специализацией районов. Гужевой транспорт, медленно передвигающийся по грунтовым дорогам, стал тормозом экономического развития страны. Сибирь с ее громадным экономическим потенциалом оказалась оторванной от европейской части России.

Эту оторванность хорошо осознавали сибирские предприниматели. В 1868 г., во всеподданнейшем адресе сибирского купечества, поднесенном Императору Александру II, купцы писали: «Одни мы, Государь, сибирские Твои дети, далеки от Тебя, если не сердцем, то пространством. Большие мы от того терпим нужды. Богатства пашен почвы лежат без пользы для престола Твоего и нас. Даруй нам железную дорогу, приблизь нас к Себе, отчужденных от Тебя. Повели, чтоб Сибирь внедрилась воедино в едином государстве» [10].

Фото 1. Сибирская железная дорога между Ачинском и Иркутском

Несмотря на то, что в Российской империи шло активное железнодорожное строительство, призывы сибирского и уральского купечества оставались безответны. В это время в возведении железных дорог правительство делало ставку на частный капитал, гарантируя ему 5 %-ю прибыль от вложенных средств. Данное положение породило «железнодорожную горячку» конца 1850-х – 1870-х гг., когда железнодорожным строительством была охвачена в основном европейская часть страны. Но и после ее окончания создание акционерных компаний по строительству железных дорог продолжалось. За период с 1908 по 1913 г. было организовано 23 новых акционерных общества [8, с. 87].

Сложности прокладки железнодорожных путей в Сибири отпугивали частных предпринимателей. Для развития сибирских территорий правительство начало грандиозную стройку Трассибирской магистрали, что потребовало громадных финансовых вложений. Строительство местных железных дорог казна не финансировала.

Вопрос о соединении Минусинского края с Сибирской железнодорожной магистралью впервые был поднят в 1906 г. на Совещании о развитии и улучшении путей сообщения в Сибири, созванном Иркутским генерал-губернатором А.Н. Селивановым. Совещание признало сооружение Минусинской линии «…крайне желательным ввиду большого значения этой линии в отношении колонизационном, промышленном, торговом и государственном» [2, л. 1а].

В начале XX в. экономика Енисейской губернии активно развивалась. Одним из показателей этого стал рост населения Енисейской губернии, в том числе и Ачинского и Минусинского уездов. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., в Ачинском уезде проживало 111,4 тыс. чел., в Минусинском – 182,7 тыс. чел. В уездных центрах проживало 26,2 тыс. и 46,0 тыс. чел. соответственно [11]. Росту населения способствовала и политика переселения избыточного аграрного населения из европейских губерний в восточные районы страны, проводимая премьер-министром П.А. Столыпиным. Результатом этой политики стала поддержка проекта Главным управлением земледелия и землеустройства. Рассмотрение проекта тянулось три года, и только в 1909 г. межведомственная комиссия по выработке плана железнодорожных изысканий, работающая при Министерстве путей сообщения, одобрила строительство железной дороги.

Высочайшее соизволение на разрешение потомственному почетному гражданину А.А. Баландину провести за его счет изыскания железнодорожной линии от станции Итать Сибирской железной дороги до города Минусинск было дано в апреле 1910 г. [2, л. 1а–1а об.] У супругов Баландиных были и личные интересы в строительстве данной железной дороги. Будучи владельцами Черногорских угольных копий, они были заинтересованы в отводе железнодорожной ветки строящейся дороги к угольным копям.

После получения разрешения на проведение изысканий в мае 1912 г. начались технические работы. Для изыскательной работы из Петербурга был приглашен инженер Г.В. Андрианов. Изыскания проводились в период 1910–1911 гг. и были финансово обеспечены личными средствами А.А. и В.А. Баландиных. Их результатом стало изменение первоначального плана, в частности, железная дорога должна была начинаться от Ачинска, а не от станции Итать. Одной из причин данного решения стало то, что новый вариант строительства позволял связать южную часть обширного бассейна реки Енисей с громадной системой реки Оби. Город Ачинск, стоящий на реке Чулым, впадающей в Обь, позволял достичь этого. У устроителей дороги были весьма амбициозные планы: строительство железной дороги должно было проложить прямой водный путь в Англию, как это было намечено ранее [6, л. 1].

В феврале 1911 г. закончили изыскания и составление проекта железной дороги и направили в Министерство финансов ходатайство о разрешении образовать акционерное общество для постройки и эксплуатации железнодорожной линии от станции Ачинск до станции Енисей Минусинский протяженностью 395,5 версты и стоимостью 27 085 412 руб. [2, л. 1].

После поступления обращения Министерство финансов организовало проверку предоставленных данных, а также обратилось к Иркутскому генерал-губернатору с вопросом о необходимости строительства железной дороги. 10 января 1912 г. товарищ министра финансов получил телеграмму следующего содержания: «Направление линии Минусинск – Ачинск поддерживаю: первое, она является необходимой к магистрали питательной ветвью из хлебородного и горнопромышленного уезда; второе, упрочит торговые сношения с Монголией, издавно тяготеющей отношениями с Россией в этом направлении; третье, даст строящейся со значительными расходами Казны и имеющей несомненно стратегическое значение Усинской грунтовой дороге необходимый выход на магистраль; четвертое, могущие быть возражения противопоставлением проекту Семипалатинск – Минусинск – Канск по отдаленности и технической спорности осуществления этого проекта не должны влиять на принятие оправдываемого требованиями настоящего времени проекта Минусинск – Ачинск» [2, л. 1а об.].

Вопрос о сооружении Ачинско-Минусинской железной дороги разбирался в Комиссии о новых железных дорогах на заседаниях 14, 18 и 20 февраля 1912 г. Заключение комиссии было положительным. 24 августа 1912 г. Устав железной дороги Ачинск – Минусинск был зарегистрирован. Это послужило основанием образованию в 1912 г. акционерного общества «Ачминдор» [2, л. 1а об.]. Инициаторами его создания выступили известные предприниматели, супруги В.А и А.А. Баландины.

Вера Арсеньевна (до замужества Емельянова) и Александр Алексеевич Баландины происходили из семей сибирского купечества. Они получили прекрасное образование: Вера Александровна обучалась в Париже, а ее супруг окончил физико-математический факультет Петербургского университета по специальности «геохимия», там же получил ученую степень кандидата естественных наук. Он стал одним из первых сибирских золотопромышленников, начавших добывать золото драгами. Отличавшиеся передовыми взглядами, супруги не только успешно вели коммерческие дела, но и много занимались общественной и благотворительной деятельностью. Так, А.А. Баландин был гласным городской думы и некоторое время занимал должность председателя Енисейской городской думы, почетным мировым судьей, в Красноярске состоял членом губернского отделения Географического общества, а в Петербурге – членом Вольного экономического общества.

Предварительные подсчеты показали, что стоимость строительства одной версты железной дороги составит 6149 руб. [2, л. 1а об.]. В среднем в стране на рубеже XIX–XX вв. стоимость строительства одной версты казенных железных дорог составляла 10 500 руб. [9], а стоимость строительства версты Транссиба составила 19 100 руб. [12]. Природные условия строительства Транссиба и железной дороги Ачинск – Минусинск были во многом схожи, на строительстве Великой Сибирской магистрали использовался труд заключенных, что значительно удешевляло строительство. В то же время строительство одной версты частных железных дорог исчислялось совершенно другими суммами: Юго-Западной железной дороги – 114 тыс. руб., Северо-Западной – 136 тыс. руб. [9]. Сложно объяснить, почему в пояснительной записке была указана столь незначительная сумма.

Общая стоимость сооружения железной дороги Ачинск – Минусинск должна была составить 4 940 203 руб. Было рассчитано и движение по новой дороге. В сутки по ней должно было проходить 2 почтово-пассажирско-товарных вагона (товарных вагонов было 12), 2,5 товарных вагона (третий товарный вагон – через день) [1, л. 9].

В 1912 г. был утвержден устав акционерного общества [7], его основной капитал составил 3755 тыс. руб. Баландины не имели таких больших средств для строительства, но им удалось заключить договор с Русско-Азиатским банком о перекупке концессии за 600 тыс. руб. С 1913 г. началось частное строительство железной дороги на средства золотопромышленников Енисейской губернии.

В пояснительной записке к проекту Ачинск – Енисей Минусинский отмечается: «Линия Ачинско-Минусинской железной до-

роги <…> делится на две части, существенно между собой различные. Северная – от станции Ачинск до ст. Копьёво – проходит в местности населенной, с развитой земледельческой культурой. Южная часть – от ст. Копьёва до ст. Енисей Минусинский – расположена в местности пустынной, с редким населением скотоводов» [1, л. 2]. В то же время составители записки предрекали этой местности быстрое развитие горной промышленности.

В июне 1913 г. по решению акционерного общества приступили к производству окончательных изысканий. В их основу были положены изыскания инженера Адрианова. При выборе направления железной дороги рассматривались два варианта: основное – восточное и вариативное – западное. Правда, был еще и запасной вариант. Главным минусом восточного направления были каменистые хребты, спускающиеся к Енисею крутыми скалистыми косогорами, исключающими возможность проведения трассы по берегу реки. Этот путь требовал создания петли, огибающей хребты. Помимо этого, железная дорога должна была подходить к мосту через Енисей по длинной и высокой насыпи, которая требовала дорогостоящих работ по ее укреплению [2, л. 5–5 об.].

Западный запасной вариант был на 12 верст длиннее основного, но имел ряд преимуществ. В его проведении было заинтересовано Минусинское городское управление. 9 сентября 1913 г. оно заявило о западном варианте: «Городское Управление, приняв в соображение все имеющиеся в делах варианты о проведении железнодорожной линии через г. Минусинск, пришло к заключению, что рассматриваемый проект следует одобрить и признать его соответствующим интересам г. Минусинска и местного окрестного населения…» [2, л. 5 об.]. Далее излагались пять основных тезисов, подтверждающих это: 1. Железная дорога подходит к городу в том месте, где нет строений, что удешевляет строительство железнодорожных путей и вокзала. 2. Проведение железной дороги через реки Абакан и Енисей даст возможность населению этого междуречья пользоваться круглогодично этим путем. 3. Город сохранит роль перевалочного пункта между железными дорогами Тобольской и Ачинско-Минусинской. 4. Расположение станции не нарушает планов развития города. 5. Данный путь свяжет Минусинск с Южно-Сибирской магистралью [2, л. 5 об., 6].

Был и так называемый средний вариант, предполагавший кратчайшую длину новой дороги. Он начинался в 310 верстах от западного варианта и проходил по участку Кутень – Булуск. Решающим условием выбора должна была стать стоимость строительства. Акционеры тщательно подсчитали затраты всех трех вариантов [2, л. 10 об., 11] (табл. 1).

Таблица 1

Предварительные варианты расходов на строительство железной дороги в зависимости от вариантов (в руб.)

Наименование расходов	Восточный		Западный		Средний	
	Стоимость		Стоимость		Стоимость	
	Всего	1 версты	Всего	1 версты	Всего	1 версты
Отчуждение имуществ	589 903	1398	610 105	1406	545 046	320
Устройство полотна	10 282 512	24 366	11 352 212	26 157	12 523 277	30 323
Искусственные сооружения	6 420 526	15 214	5 953 546	13 718	6 381 963	15 453
Верхнее строение	3 798 483	13 527	5 819 246	13 408	5 547 091	13 431
Принадлежности пути	212 182	508	194 176	447	181 509	439
Телеграф	217 330	515	226 030	521	215 215	521

Окончание табл. 1

Наименование расходов	Восточный		Западный		Средний	
	Стоимость		Стоимость		Стоимость	
	Всего	1 версты	Всего	1 версты	Всего	1 версты
Путевые постройки	388 900	1395	627 200	1445	586 600	1420
Станционные постройки	1 764 300	104 181	1 758 700	4052	1 709 200	4139
Водоснабжение станций	718 335	61 702	512 670	1181	567 170	1373
Принадлежности станций	688 580	67 417	599 750	1382	599 750	1452
Общие расходы	2 129 000	7417	3 207 300	7390	3 071 850	7438
Особые работы	265 000	628	265 000	611	265 000	642
Содержание надзора	316 500	750	325 500	750	309 750	750
Непредвиденные расходы	296 075	702	237 091	547	306 105	741
Итого	31 200 526	73 935	31 688 526	73 015	32 809 526	79 442

Расчеты показали, что суммы общей стоимости трех вариантов прокладки железной дороги мало отличаются друг от друга. Только средний участок дороги выходил несколько дороже. В основном это было связано с расходами на устройство полотна и непредвиденными расходами. Стоимость строительства одной версты также была выше на среднем варианте пути.

Появление трех проектов строительства железной дороги привело к созданию особой комиссии городской думы г. Минусинска. Ее целью было ознакомление с местностью, по которой должна была проходить железная дорога Ачинск – Минусинск. Комиссию возглавил председатель Ачинского железнодорожного комитета И.А. Петров, в нее также вошли четыре гласных городской думы. 16 сентября 1913 г. комиссия провела осмотр местности, а 23 сентября состоялось экстренное заседание городской думы г. Минусинска. Дума еще раз подтвердила свое решение от 11 сентября 1913 г. об одобрении и признании западного варианта проекта строительства железной дороги через г. Минусинск и поручила городскому голове П.А. Бахову направить данное решение в железнодорожный совет Ачинско-Минусинской железной дороги [3, л. 1]. Данное решение оказалось не совсем продуманным. Надежды «отцов города» на разрастание Минусинска в сторону железнодорожной станции не оправдались. И поныне станция находится в пригороде.

29 декабря 1913 г. состоялось заседание технического совещания Управления Сибирской железной дороги. Совещание рассмотрело вопрос о работах на станции Ачинск, необходимых для приема поездов Сибирской железной дороги. Было решено, что пассажирские поезда будут обслуживаться одной, а товарные – двумя станциями. Результатом работы совещания стало принятие соглашения между Управлением Томской железной дороги и Управлением Ачинско-Минусинской железной дороги о временном примыкании и порядке обмена вагонами между этими дорогами на станции Ачинск Томской железной дороги (фото 2). Соглашение определяло технические условия взаимодействия станции Ачинск Томской железной дороги и станции Ачинск Ачинско-Минусинской железной дороги [3, л. 6, 16].

Ачинско-Минусинская железная дорога, в отличие от Томской, была однопутной. Ее суточная пропускная способность составляла 48 пар поездов: 30 пар воинских (16 – людских, 14 – грузовых), 13 товарно-коммерческих, 8 поездов Ачинско-Минусинской железной дороги, из них 2 пассажирских или пассажирско-товарных и 6 товарных. Как видно, дорога рассматривалась прежде всего как военно-стратегическая [3, л. 19]. Основными станциями дороги

были Ададым, Крутояр, Ужур, Копьёво, Шира, Сон, Уйбат, Абакан.

Проблема состояла также и в разной пропускной способности дорог. Наибольший состав товарного поезда на Томской железной дороге при двойной тяге составлял 60 вагонов, для Ачинско-Минусинской максимальная нагрузка поезда составляла 37 вагонов [3, л. 23].

Ачинско-Минусинская железная дорога рассматривалась как важнейший аспект экономического развития Минусинского края. Составленная в 1915 г. «Записка об экономическом положении Минусинской железной дороги и ее вероятном грузообороте» свидетельствовала об ожидании крупного годового грузооборота [3, л. 23, 24] (табл. 2).

Таблица 2

Грузы, вывозимые по Ачинско-Минусинской железной дороге на Томскую железную дорогу

Наименование груза	Вес, тыс. пудов	Наименование груза	Вес, тыс. пудов
Хлебные грузы на запад	1500	Шерсть	55
Хлебные грузы на восток	5500	Лес	1000
Овощи на восток	300	Орехи кедровые на запад	150
Арбузы, дыни и др.	300	Спирт	275
Мясо на запад	15	Соль поваренная на восток	1000
Мясо на восток	135	Медь	50
Сало	30	Уголь каменный	5000
Кожи, сырье	65	Строительные материалы	500
Овчины	20	Прочие грузы	600
Всего 16 495 тыс. пудов			

Фото 2. Станция Ачинск

Как видно из данного списка товаров, перевозимых по Ачинско-Минусинской железной дороге, а затем по Томской на восток и на запад, преобладала продукция сельского хозяйства и товары ее переработки. Уникальный климат Минусинской впадины давал возможность выращивать не только зерновые культуры, но и помидоры (слава о минусинском помидоре гремела по всей Сибири), арбузы, дыни, вишню и даже виноград. Минусинскую местность называли житницей Средней Сибири. Высокие урожаи давали скороспелая кустящаяся пшеница, шведский овес, крупное кустовое кормовое просо, кормовые свекла и морковь, свекловица [4, л. 3].

Основное место в перевозке занимали хлебные грузы – 7 тыс. пудов. Они составляли 42,4 % всех перевозимых грузов. Причем до полного введения железной дороги в строй преимущество в перевозках отдавалось хлебу, салу, соли и каменному углю. Дополнительный стимул для развития получили и небольшие промышленные предприятия города – салотопенные, кожевенные.

Железная дорога Ачинск – Минусинск служила и для ввоза товаров [3, л. 24] (табл. 3).

Таблица 3

Грузы, ввозимые по Ачинско-Минусинской железной дороге с Томской железной дороги

Наименование груза	Вес, тыс. пудов	Наименование груза	Вес, тыс. пудов
Сахар	120	Железные изделия	200
Водка	100	Мануфактура	60
Минеральные масла	180	Цемент	200
Земледельческие орудия	120	Стекло и изделия из него	90
Железо	130	Прочие грузы	650
Всего 1850 тыс. пудов			

Как видно из приведенной таблицы, в край ввозились промышленные товары. Больший объем занимали цемент и изделия из железа. Это позволяет сделать предположение об активном промышленном развития края.

Таким образом, Ачинско-Минусинская железная дорога в течение года должна была перевозить 18 345 тыс. пудов. В пересчете на современные меры весов это составляет 300 491,1 кг, или 300,491 т. В то же время дорога в основном работала на вывоз грузов. Доля вывозимых грузов составляла 89,9 %, а ввозимых, соответственно, 10,1 %. Железная дорога «выкачивала» природные богатства края. Однако увеличение вывоза товаров стимулировало развитие сельскохозяйственного производства и добычу полезных ископаемых, а получение местными промышленниками высокой прибыли – развитие производства.

Как уже говорилось, в 1912 г. было основано акционерное общество «Ачминдор». Активное участие в его создании принял Русско-Азиатский банк. О значении дороги и благоприятных перспективах ее развития свидетельствует тот факт, что банк решил полностью подчинить «Ачминдор». Руководство банка предложило учредителям общества компенсировать затраты на проведение изысканий, предоставить место в правлении общества с окладом 8 тыс. руб., а в случае отказа – выплату вознаграждения в размере до 159 тыс. руб. и право приобретения акций компании на сумму до 600 тыс. руб. [8, с. 88]. Позднее акции общества приобрели крупнейшие банки страны: Русско-Азиатский, Петроградский частный коммерческий, Русско-торгово-промышленный, Русско-Французский коммерческий [8, с. 89].

В 1916 г. основное участие в строительстве дороги принял Санкт-Петербургский международный коммерческий банк. На строительстве было занято свыше тысячи рабочих и служа-

щих, а также военнопленные из Австро-Венгрии. К 1917 г., в связи с упадком российской экономики в Первую мировую войну, постройка железной дороги была приостановлена.

Окончание Гражданской войны поставило вопрос о судьбе недостроенной Ачинско-Минусинской железной дороги. 28 февраля 1922 г. Сибирский революционный комитет (Сибревком), находившийся в Новониколаевске (ныне Новосибирск), рассмотрел судьбу дороги. Отметив важное экономическое значение дороги, ревком принял решение о ее достройке до станции Абакан. Необходимо было достроить 485 верст [4, л. 1]. Примерная стоимость этих работ составляла около 3 млн золотых. Рельсы, скрепления и стрелки для переводов собирались получить в Дальневосточной республике[1]. Также было решено просить Совет труда и обороны (СТО) предоставить недостающее количество рельсов и организовать их перевозку за государственный счет [4, л. 37].

28 марта Сибревком получил правительственную телеграмму. СТО признал необходимым достройку железной дороги Ачинск – Минусинск при условии «…предоставления Сибревкомом для всего материальных и денежных средств местных ресурсов». Одновременно СТО предоставил для завершения строительства 280 верст рельсов с соответствующим креплением путем их снятия со служебных путей Сибирских железных дорог [4, л. 37–37 об.].

20 июня того же года Сибревком, отмечая важность железной дороги Ачинск – Минусинск не только для Сибири, но и для всей республики, констатировал невозможность достройки дороги за счет государственных и местных средств, признал, что наиболее приемлемым путем достройки дороги является создание Смешанного акционерного общества «Ачминдор» «с участием Государства укладочными материалами, подвижным составом и прочими предметами снабжения». Было также решено открыть немедленную подписку на акции [4, л. 37 об.]. Таким образом, дореволюционный опыт строительства железной дороги оказался востребованным и в советское время.

Коллегия Народного комиссариата путей сообщения на заседании 15 августа 1922 г. приняла двойственное решение: «1. Оказать поддержку в постройке указанной линии. 2. Войти пайщиком в Акционерное О[бщест]во. 3. Констатировать отсутствие у НКПС средств на постройку этой линии» [4, л. 38]. По принятым условиям государство получало 51 % акций [4, л. 2].

После подсчета всех имеющихся ресурсов выяснилось, что для завершения строительства железной дороги Ачинск – Минусинск недоставало: 316 верст рельсов, 75 шт. стрелочных переводов, 300 тыс. шт. шпал, 1 тыс. саж.[2] труб для водоснабжения, 5 тыс. пудов сортового железа, 4,5 тыс. пудов кровельного железа, 2 тыс. пудов гвоздей, 500 тыс. шт. кирпича. Также акционеры поставили вопрос о возвращении или возмещении взятого другими железными дорогами оборудования и подвижного состава. Как видно из вышеперечисленного, обеспечение строительства в условиях развала экономики было весьма проблематично. По оценке акционеров, железная дорога могла быть введена в строй за три года – к концу 1924 г. [4, л. 37–37 об.].

Наличие железной дороги отвечало планам правительства по индустриализации страны. Акционеры отмечали, что «…дорога имеет большое значение для развития края, особенно его горной промышленности и земледелия… Следует иметь в виду предстоящее развитие добычи угля, железа, меди, свинца, гипса, асбеста и золота с серебром – последних в особенности как необходимой Государству валюты». Увеличилась и численность населения, проживающего на территории уездов. В 1923 г. в Ачинском уезде проживало 220,5 тыс. чел., в Минусинском – 313,1 тыс. чел. [4, л. 5, 6]. По сравне-

[1] Дальневосточная республика – независимое демократическое государство с капиталистическим укладом в экономике, провозглашенное на территории российского Дальнего Востока. Являлось марионеточным буферным государством между Советской Россией и Японией.

[2] 1 сажень – 2,13 м.

нию с 1897 г. население уездов увеличилось на 108 тыс. чел.

Тяжелое экономическое положение не позволило ввести железную дорогу в строй в 1924 г., как предполагалось. Задержка строительства объяснялась отсутствием необходимой рабочей силы. На стройке в основном работало пришлое население. Количество работников колебалось от 800 чел. в зимние месяцы до 3840 – в летние. Строительство постоянно испытывало дефицит квалифицированных рабочих: плотников, каменщиков, печников [5, л. 2 об.].

Особо остро чувствовался недостаток специалистов с высшим и средним техническим образованием. Достаточно отметить, что после введения дороги в эксплуатацию на ней работало 3 инженера, причем все они занимали должности в управлении железной дороги. Попытка решить проблему за счет студентов технических учебных заведений потерпела неудачу из-за низкой квалификации последних [5, л. 17 об.].

Строительство железной дороги Ачинск – Минусинск завершилось к концу 1925 г., с 15 ноября 1925 г. движение проходило по всему железнодорожному пути. Его протяженность составила 459 км. Окончательно дорога была сдана в эксплуатацию в 1926 г. (фото 3).

Последнее дело о железной дороге Ачинск – Минусинск, хранящееся в архиве, – «Проект железнодорожной линии Ачинск – Минусинск. Пояснительная записка» относится к 1926 г. – времени, когда железная дорога была введена в эксплуатацию. Документ содержит описание строений, находящихся на станциях, – всего 61 здание общей площадью 2685 кв. саж. В них располагались вокзалы, паровозные депо, мастерские для ремонта паровозов и вагонов, товарные конторы, пакгаузы, помещения для дежурных паровозных и кондукторских бригад. Особо было отмечено, что на всех станциях имелись бани. Все здания, судя по документам, находились в хорошем состоянии [5, л. 2 об.]. Паровозные здания в основном были кирпичные или рубленые деревянные с бетонными кочегарными ямами.

Экономический кризис сказался и на эксплуатации дороги. В пояснительной записке указано, что количество грузов, перевозимых по введенным в действие участкам, было столь мало, что с 1 января 1924 г. перевозка коммерческих грузов на действующем участке дороги была прекращена «…и дорога переведена на положение охраны» [5, л. 17 об.]. В первый год работы план перевозок выпол-

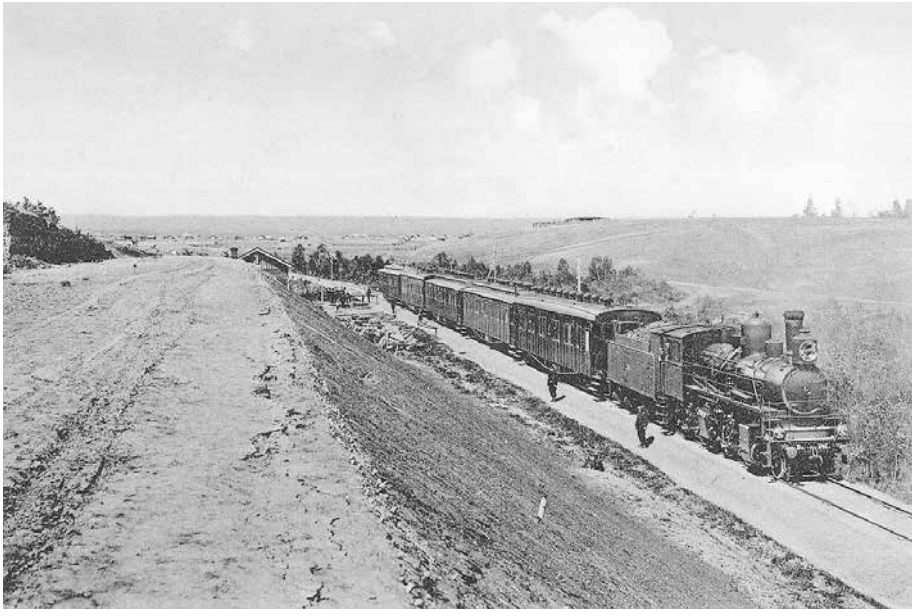

Фото 3. Железная дорога между Ачинском и Иркутском в действии

нен не был. Причем по хозяйственным грузам, перевозимым государственными организациями, он был выполнен на 273,8 %, а по коммерческим грузам, перевозимым частными лицами, – на 59,5 %. Общий план перевозок был выполнен на 98,0 % [5, л. 19]. Невыполнение плана по коммерческим перевозкам руководство дороги объясняло неправильными прогнозами на урожай сельскохозяйственных культур и высокими тарифами на коммерческие перевозки.

Более успешно осуществлялись пассажирские перевозки. План был выполнен на 102,4 %. В то же время у дороги был план перевоза багажа. Он был выполнен на 48,9 % [5, л. 20]. Очевидно, имущественное положение пассажиров было таково, что они передвигались без багажа.

План работы железной дороги предусматривал, что в течение суток по ней будут проходить 2,18 поезда. Среднесуточное число поездов, проходимых по дороге, зависело от времени года. Если в I квартале этот показатель составлял 2,0, то в летние месяцы – 2,3 [5, л. 21].

После десятилетней эпопеи проектирования и строительства железная дорога Ачинск – Минусинск наконец вступила в строй и поныне продолжает служить людям, перевозя пассажиров и грузы.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре). Ф. Р-787. Оп. 2-4. Д. 1818.
2. РГА в г. Самаре. Ф. Р-787. Оп. 2-4. Д. 1822.
3. РГА в г. Самаре. Ф. Р-787. Оп. 2-4. Д. 1823.
4. РГА в г. Самаре. Ф. Р-787. Оп. 2-4. Д. 1824.
5. РГА в г. Самаре. Ф. Р-787. Оп. 2-4. Д. 1825.
6. РГА в г. Самаре. Ф. Р-787. Оп. 2-4. Д. 1833.
7. Ачинско-Минусинская железная дорога. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 20.09.2022).
8. *Баталова Т.И.* Деятельность акционерного общества Ачинско-Минусинской железной дороги // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 238. С. 87–89.
9. *Гуаксян Ч.* Транспортное и экономическое развитие России в XIX – начале XX века // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 7. № 4. С. 658.
10. *Ламин В.А.* Версты в будущее: предыстория ТрансСиба // Наука из первых рук. URL: scfh.ru (дата обращения: 20.09.2022).
11. *Фёдорова В.И.* Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-демографическая динамика // Научный диалог. 2020. № 11. С. 481.
12. TRANSSIB.RU. URL: TRANSSIB.RU/cat-value.htm#no5 (дата обращения: 20.09.2022).

Сведения об авторе

Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, советник при ректорате Самарского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: a.repinetsky@yandex.ru

Для цитирования

Репинецкий А.И. Проектирование и строительство железной дороги Ачинск – Минусинск (по материалам Российского государственного архива в г. Самаре) // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 26–36.

История науки и техники
History of Science and Technology

УДК 001+664.6

АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ ПЕЧЕЙ И УСТРОЙСТВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В РАЗДЕЛЕ «ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛИНАРИИ» ВИРТУАЛЬНОЙ ВЫСТАВКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В г. САМАРЕ «НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ СССР: ТРАДИЦИИ В НАУКЕ И ПРОИЗВОДСТВЕ»

ANALYSIS OF TRADITIONAL FURNACES AND DEVICES PRESENTED IN THE SECTION "ETHNIC TRADITIONS IN COOKING" OF THE VIRTUAL EXHIBITION OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE IN SAMARA "FOLK CULTURE OF THE USSR ERA: TRADITIONS IN SCIENCE AND PRODUCTION"

И.С. Маслова
Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
(Россия, Самара)

I.S. Maslova
Samara Regional Museum of Local Lore named after P.V. Alabin
(Samara, Russia)

Аннотация. Виртуальная выставка Российского государственного архива в г. Самаре «Народная культура эпохи СССР: традиции в науке и производстве» в разделе «Этнические традиции в кулинарии» представляет зрителю документы, связанные с усовершенствованием рецептур, процессов и технологий приготовления хлебных изделий, характерных для культуры разных этносов. На основе данных документов, содержащих описания устройств, особенности эксплуатации, чертежи и схемы, в статье анализируется этническая составляющая, лежащая в основе описанных в архивных документах устройств, в том числе утрачивание в связи с техническим развитием ритуальной значимости приготовления хлеба.

Abstract. The virtual exhibition of the Russian State Archive in Samara "Folk culture of the USSR era: traditions in science and production" in the section "Ethnic traditions in cooking" presents to the viewer documents related to the improvement of recipes, processes and technologies for the preparation of bread products characteristic of the culture of different ethnic groups. Based on these documents containing descriptions of devices, operating features, drawings and diagrams, the article analyzes the ethnic component underlying the devices described in the archive, including the loss in connection with the technical development of the ritual significance of the preparation of bread.

Ключевые слова: традиции, печные устройства, хлеб, этнография.

Keywords: traditions, oven devices, bread, ethnography.

Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре) в рамках Года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России на основе документов из фондов подготовил виртуальную историко-документальную выставку «Народная культура эпохи СССР: традиции в науке и производстве», раскрывающую тему использования традиционных народных образов в промышленности в период 1928–1989 гг. Выставка представлена пятью разделами: «Звучание народной культуры», «Традиционные ремесла и легкая промышленность», «Народный орнамент в полиграфии», «Традиционные образы в архитектуре», «Этнические традиции в кулинарии». Мы рассмотрим документы из последнего раздела, посвященные устройствам для выпекания хлеба, рецептура и технологии изготовления которого были модернизированы для промышленного производства, проанализируем представленную на выставке информацию о печах и сопутствующем производству оборудовании в сравнении с традиционным процессом приготовления хлеба в культуре некоторых этносов.

В первую очередь необходимо отметить представленные на выставке документы из отчета «Материалы к истории развития техники хлебопечения в дореволюционной России и СССР за XIX–XX вв.», представляющие устройство двух тестомесильных машин [4, л. 7], одна из которых – с Z-образными лопастями [4, л. 10]. Задачи машин понятны по их названиям. При ручном труде в русских деревнях и селах тесто замешивали женщины в квашне. При этом данной посуде придавалось особое значение, так как именно в ней делали тесто для священного продукта, каким считался хлеб. В отличие от тестомесильной машины квашне отводилось центральное место во многих обрядах, поверьях, фольклоре. Так, в энциклопедическом словаре И.И. Шангиной, посвященном русскому традиционному быту, присутствует следующая информация: «Квашню считали символом плодородия, плодовитости, производящей силы. Это объяснялось общей символической значимостью хлеба, который у русских людей был главной пищей, предметом первой необходимости. Символическая функция квашни выступала на первый план в обрядах, связанных с постройкой дома, с переездом в него. В северных губерниях Европейской России в день поднятия матицы (потолочной балки) на сруб хозяйка будущего дома месила тесто в небольшой квашонке, а затем ставила ее на некоторое время на поднятую плотниками матицу. При переезде в только что построенный дом первой в него вносили квашню с опарой, приготовленной еще в старой избе. Затем в новом доме пекли хлеб, поставленный на этой опаре. По поверью, это должно было принести счастье и богатство.

Любопытным был обряд очищения квашни, известный крестьянам Курской и Черниговской губерний. Крестьяне мыли квашню лишь раз в год, так как остатки теста были необходимы для закваски. Это гигиеническое по своей сути занятие превращалось в своеобразный ритуал. Оно было приурочено к определенным датам календаря: к крещенскому сочельнику, к канун Нового года, к Чистому четвергу на Страстной неделе. Квашню в один из этих дней мыли, обвязывали поясом или полотенцем. Затем ее выносили до восхода солнца на улицу или ставили в избе на стол, перевернув вверх дном. На дно клали хлеб и соль. Считалось, что благодаря этим магическим действиям хлеб будет всегда удаваться, а у хозяйки при замешивании теста не заболят руки» [9, с. 385].

Конечно же, процесс замешивания теста был довольно трудоемким, поэтому логично появление машин, описываемых в рассматриваемом документе РГА в г. Самаре, облегчающих работу и переводящих ее в разряд промышленного производства. Однако все описанные традиции и обычаи разных регионов страны становятся невозможными в условиях технологического развития, утрачивается их сакральное значение для людей, несмотря на то, что в деревнях довольно долго использовали традиционные способы приготовления хлеба. Рассмотрев значимость и определенную сакральность квашни, используемой для замешивания теста, необходимо отметить и печь, которая занимает особенное место в народной культуре. Она олицетворяет собой образ матери, дающей жизнь. Отсюда употребление в адрес печи таких слов, как «матушка», «родимая», «красивая», «животворная». Подобное отношение прослеживается в культуре разных народов. Так, например, у мордвы это отражено в том числе и в свадебном об-

ряде представления молодой невесты печке, чтобы они вошли в доверительные отношения. Как пишет Смирнова в работе «Мордва: историко-этнографический очерк», «…чтобы она (невеста) постаралась войти с ней (печкой) в добрые сношения и упросила печь не марать ее, а любить и слушаться» [8, с. 206]. И уходя из родного дома, невеста обязательно прощается с родительской печкой, благодарит ее в форме лирической песни.

Среди документов выставки РГА в г. Самаре также присутствует чертеж с описанием печи для выпечки армянского лаваша, который является одним из наиболее распространенных и любимых видов национального хлеба. Документ представляет печь с конвейером и содержит следующую информацию: «…с целью механизации процесса формовки тестовой ленты и прикатки ее к нижней ветви ленточного конвейера применен мундштук шнек-пресса или иного нагнетательного устройства с узкой выходной щелью, непосредственно примыкающей к нижней ветви конвейера, и в этом месте установлен прижимной валик для прикатывания выходящей из щели тестовой ленты к плиткам конвейера» [2, л. 12]. Традиционно лаваш выпекали в печах-тонирах, которые нагревали либо кизяком, либо сухими ветками. Тесто замешивала старшая женщина дома, после чего невестка раскатывала его скалкой на низком круглом столике, сидя на полу. Затем свекровь, сидя у тонира, подбросив тесто вверх, натягивала его на специальную подушку с плетеным из ивы основанием, после чего налепляла на раскаленные стенки тонира [6, с. 233]. Описанный традиционный способ выпечки армянского лаваша подразумевает ручной труд женщин одной семьи, который заменяется в предложенной в рассматриваемом выше документе машине различными механизмами. Кроме того, промышленное производство лаваша с помощью описанной печи подразумевает нацеленность на широкий круг потребителей, однако известно, что и в начале XX в. была распространена продажа лаваша, сделанного вручную. В целом со временем даже в домашних условиях тонир часто заменялся электрическими или газовыми духовками. Тем не менее традиционное отношение к хлебу и многие обряды сохраняются и в настоящее время. Лаваш готовится исключительно женщинами: присутствие мужчин способствовало тому, что лаваш мог открепиться от стенок тонира и упасть в огонь. Кроме того, запрещалось резать лаваш ножом, в противном случае он прекращал приносить в дом богатство. Люди верили, что, отрезав чужой хлеб, можно лишить человека достатка. В этом отношении устройство описанной в документе машины для выпечки армянского лаваша не соответствует данным традициям. В описании присутствует следующая информация: «в печи <…> применение у выходного конца печного конвейера последовательно установленных скребка для съема выпеченной ленты и приводного ножа для разрезания ее на куски» [2, л. 12]. Данное устройство, несомненно, облегчает работу, совершенствует и ускоряет процесс производства, но при этом идет вразрез с традициями и поверьями, присущими армянской культуре. Описание данного изобретения датируется 1954 г. Ранее, согласно фотографии «Посадка армянского лаваша с подушки» 1937 г. из отчета «Исследование производства восточных национальных сортов хлеба» [3, л. 38], представленной на выставке, промышленное изготовление армянского лаваша было приближено к традиционному. На фотографии изображены женщины, раскатывающие тесто на столе, а рядом женщины со специальными подушками в руках, на которые натягивается тесто. Работницы стоят перед печью, напоминающей по конструкции тонир. В данных этапах приготовления армянского лаваша ничто не противоречит традициям.

Характерное для народов Азии и Кавказа хлебопечное устройство тандыр также упоминается в одном из документов выставки. По конструкции он похож на тонир, представляя собой округлую глиняную печь, врытую в землю. В документе описывается приспособление, с помощью которого тесто опускается в тандырную печь и крепится к ее стенкам: «приспособление выполнено в виде опускаемой в печь подвесной на блоках штанги, отличающееся тем, что несущие тесто доски укреплены в двух противоположных вершинах шарнирного четырехугольника, нижняя вершина которого соединена со штангой, а верхняя с трубкой, перемещаемой по этой штанге» [1, л. 15 об.]. Исходя из описания, можно сделать вывод, что данное устройство позволяет единовременно крепить к стенкам тандыра че-

тыре куска теста вместо одного, как это происходит при традиционном печении хлеба.

Грузины для приготовления хлеба используют печь торне. На выставке РГА в г. Самаре представлен ее чертеж из отчета «Материалы по истории науки и техники в области хлебопечения XIX и XX столетия» 1950 г. [5, л. 156]. На чертеже указаны размеры печи, глубина, на которую она погружается под землю, и толщина стенок над землей. Именно в такой печи традиционно готовили хлеб. Из традиционных разнообразных форм хлеба, испеченного в торне, на сегодняшний день сохранились несколько видов. Среди них главными являются круглый, шоти и лаваш со своими подвидами [7, с. 170]. На выставке представлена фотография грузинского хлеба шоти из отчета «Исследование производства восточных национальных сортов хлеба» 1937 г. [3, л. 40]. Этот хлеб имеет продолговатую форму, похож на полумесяц, его традиционно пекли для праздничного стола, он наделен обрядово-ритуальной функцией. Этот хлеб относят к святыням как жертвоприношение.

Таким образом, развитие промышленного производства основывается на традиционных образах, названиях, однако процесс приготовления при этом в большинстве случаев меняется, утрачивая духовную составляющую. С другой стороны, это влияет на большее распространение традиционной пищи среди разных народов, что, в свою очередь, вызывает интерес к этническим особенностям, способствует знакомству с традициями и обычаями не только в сфере пищи и в целом может привести к сближению культур. Следовательно, именно такую задачу выполняет и выставка «Народная культура эпохи СССР: традиции в науке и производстве» в РГА в г. Самаре.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре). Ф. Р-1. Оп. 38-5. Д. 2390.
2. РГА в г. Самаре. Ф. Р-1. Оп. 62-5. Д. 1073.
3. РГА в г. Самаре. Ф. Р-165. Оп. 1-1. Д. 219.
4. РГА в г. Самаре. Ф. Р-165. Оп. 1-1. Д. 1040.
5. РГА в г. Самаре. Ф. Р-165. Оп. 1-1. Д. 1082.
6. Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.С. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. М. : Наука, 2012. 648 с. (Народы и культуры).
7. Грузины / отв. ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Национальная академия наук Грузии ; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М. : Наука, 2015. 813 с. (Народы и культуры).
8. *Смирнова И.Н.* Мордва : историко-этнографический очерк. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1895. 291 с.
9. *Шангина И.И.* Русский традиционный быт : энциклопедический словарь. СПб. : Азбука классика, 2003. 688 с.

Сведения об авторе

Маслова Ирина Сергеевна, заведующий отделом этнографии Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина.
E-mail: irinanazarova3@yandex.ru

Для цитирования

Маслова И.С. Анализ традиционных печей и устройств, представленных в разделе «Этнические традиции в кулинарии» виртуальной выставки Российского государственного архива в г. Самаре «Народная культура эпохи СССР: традиции в науке и производстве» // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 37–40.

УДК 94(47)+623.4

КОВРОВСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА

KOVROV GUNSMITHS: LITTLE-KNOWN PAGES OF CREATIVITY

Ю.В. Поздняков
Российский государственный архив в г. Самаре (Россия, Самара)

Yu.V. Pozdnyakov
Russian State Archive in Samara (Samara, Russia)

Аннотация. Статья посвящена недостаточно известным широкому кругу общественности ученым и конструкторам Ковровского оружейного завода – создателям отечественного оружия, внесшим значимый вклад в развитие отечественного стрелкового оружия. Опираясь на архивные документы, впервые вводимые в научный оборот, автор показывает активное участие ковровских оружейников в решении оборонных задач. Это позволило постоянно совершенствовать и поставлять в Красную Армию современную боевую технику и вооружение, а в ходе Великой Отечественной войны добиться перелома общей стратегической ситуации на фронтах, окончательно разгромить врага и обеспечить победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Abstract. The article is devoted to scientists and designers of the Kovrov Arms Plant, insufficiently known to a wide circle of the public – the creators of domestic weapons, who made a significant contribution to the development of domestic small arms. Based on archival documents, introduced into scientific circulation for the first time, the author shows the active participation of Kovrov gunsmiths in solving defense problems. This made it possible to constantly improve and supply modern military equipment and weapons to the Red Army, and during the Great Patriotic War to achieve a turning point in the overall strategic situation on the fronts, finally defeat the enemy and ensure victory over the Nazi invaders.

Ключевые слова: стрелковое оружие, Ковровский оружейный завод, архивные документы, изобретения, М.Н. Блюм, В.Е. Воронков, Г.С. Гаранин, И.С. Лещинский, Г.П. Марков, П.И. Майн.

Keywords: small arms, Kovrov Arms Plant, archival documents, inventions, M.N. Blum, V.E. Voronkov, G.S. Garanin, I.S. Leshchinsky, G.P. Markov, P.I. Main.

Воинская слава оружейников России – город Ковров. История Ковровского оружейного завода своими корнями уходит в начало XX в., когда в августе 1916 г. началось возведение первых корпусов Ковровского пулеметного завода – первого в России предприятия, которое должно было специализироваться на выпуске стрелкового оружия. Однако настоящее становление завода связано с деятельностью выдающегося

русского ученого и конструктора, изобретателя первого в мире автомата В.Г. Фёдорова[1] и его ученика и ближайшего помощника, выдающегося конструктора В.А. Дегтярёва[2]. На заводе сформировались кадры оружейников, ставшие гордостью не только Коврова, но и всей страны. Пулемет В.А. Дегтярёва, карабин С.Г. Симонова, пистолет-пулемет Г.С. Шпагина – это оружие стало широко известно во всём мире. В городе на оружейном заводе из 16 Героев Советского Союза работали 9, из 15 Героев Социалистического Труда – 10. Известный оружейник В.Г. Фёдоров был Героем Труда[3].

Часть стрелкового оружия, созданного в Советском Союзе, не получила широкой известности, хотя была не менее интересна. Именно создателям этого оружия и посвящена эта статья.

Михаил Николаевич Блюм (1907–1970) – видный конструктор-оружейник, автор ряда моделей боевого, охотничьего и спортивного оружия и патронов.

М.Н. Блюм родился во Владивостоке, в семье военного врача Николая Эдуардовича Блюма, который во время Русско-японской войны и некоторое время после нее был начальником военного госпиталя в г. Никольск-Уссурийский Приморского края. Мать, урожденная Ильинович Вера Дмитриевна, в этом же госпитале во время войны была медсестрой, награждена медалью «За храбрость». Примерно через три года, в 1910 г., семья переехала в Киев к родственникам. Детство Михаил провел в Киеве, а после смерти отца в 1918 г. с матерью и братом вернулся на Дальний Восток. С 1927 г. учился во Владивостокском университете, одновременно работая стрелком-инструктором в Осоавиахиме, а затем начальником оружейной мастерской во владивостокском Доме Красной Армии.

В 1929 г. М.Н. Блюм поступил на Ковровский оружейный завод, где под руководством В.Г. Фёдорова и В.А. Дегтярёва разработал малокалиберную автоматическую винтовку, работал над усовершенствованием различных типов пулеметов, в том числе малокалиберных [16].

3 июля 1930 г. ведущий конструктор Блюм подал заявку на изобретение «Механизированная установка для тренировочной стрельбы из малокалиберных и боевых пулеметов по воздушным целям», по которой ему выдали патент № 943 с формулировкой «Вращающаяся, получающая разнообразные колебания платформа для упражнения в стрельбе из пулеметов по воздушным целям» [1].

9 ноября этого же года Михаил Николаевич разработал и предложил сразу два изобретения – автоматический насос для охлаждения пулемета «Максим» [2] и целевой пистолет 22-го калибра [3]. Первое изобретение стало обладателем патента № 996 на «Приспособление для охлаждения циркулирующей водой ствола пулемета, работающего под действием пороховых газов» [2, л. 14–14 об.]. На второе изобретение было выдано авторское свидетельство № 997 с формулировкой «Однозарядный неавтоматический пистолет» [2, л. 16–16 об.] и после рассмотрения на IV секции Научно-технического комитета Артиллерийского управления (НТК АУ) РККА и Техштаба Наркомата вооружения РККА был сделан заказ на опытный образец [2, л. 4].

---

[1] Фёдоров Владимир Григорьевич (1874–1966) – выдающийся российский и советский конструктор оружия, действительный член Академии артиллерийских наук (1946), генерал-лейтенант инженерно-технической службы, военный историк, Герой Труда. Сконструировал автоматические винтовки калибра 7,62 мм (1912), калибра 6,5 мм под патрон собственной конструкции (1913). Вышел в отставку в 1953 г.

[2] Дегтярёв Василий Алексеевич (1879/1880–1949) – русский и советский конструктор стрелкового оружия. Герой Социалистического Труда, лауреат четырех Сталинских премий, генерал-майор инженерно-артиллерийской службы, доктор технических наук, ученик В.Г.Фёдорова.

[3] Звание «Герой Труда», учрежденное в 1927 г., присваивалось в СССР в 1928–1938 гг. лицам, имевшим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы. После учреждения 27 декабря 1938 г. звания Героя Социалистического Труда звание больше не присваивалось.

29 октября 1937 г. М.Н. Блюм разработал «Противотанковое самозарядное ружье калибра 12,7 мм» [7]. Согласно описанию, противотанковое однозарядное ружье предназначалось для поражения наземных подвижных бронированных целей. Стрельба из него велась лежа с сошек. По принципу автоматики ружье принадлежало к системе оружия с подвижным стволом и длинным откатом [7, л. 1]. Принцип запирания – поворачивающийся поршневой затвор, прицел – оптический, винтовочный, образца 1931 г. [7, л. 2]. Однако решения по данной заявке Отдел изобретений НКО СССР по неизвестным причинам не принял.

В 1938 г. после ареста М.Н. Тухачевского М.Н. Блюм был уволен с Ковровского завода и ему запретили заниматься разработкой боевых систем. Он уехал в Москву и стал вновь работать инструктором по стрельбе. Во время Великой Отечественной войны М.Н. Блюм вернулся на работу в оружейное КБ в Коврове, где занимался разработкой артиллерийских систем.

Появление в немецкой армии танков с увеличенной толщиной брони вынуждало конструкторов искать способ увеличить пробиваемость противотанкового оружия. Работа велась по двум направлениям – «облегчение» противотанковых пушек и «укрупнение» противотанковых ружей (далее – ПТР). Советскими конструкторами был найден ряд остроумных решений и созданы интересные конструкции. Среди них большой интерес в Главном артиллерийском управлении (ГАУ) вызвал опытный образец 1942 г. однозарядного ПТР – «14,5-мм противотанковое ружье Блюма». К сожалению, многие изобретения М.Н. Блюма не поступили на вооружение армии и, соответственно, не применялись в боевых действиях, но для истории оружейного искусства они представляют огромнейшую ценность.

29 июля 1943 г. Михаил Николаевич разработал новое «Противотанковое ружье калибра 14,5 мм» [12]. Несмотря на то, что оно имело ряд общих черт с противотанковым ружьем В.А. Дегтярёва (ПТРД) и другим оружием (С.Г. Симонова), автору было выдано авторское свидетельство № 5450/122с на «Противотанковое однозарядное ружье» [12, л. 9, 12].

С 1947 г. наряду с разработками боевого оружия М.Н. Блюм стал заниматься гражданским оружием и боеприпасами, разработал комплекс охотничьих патронов для нарезного оружия на базе имевшихся компонентов, но с меньшими калибрами, а позднее – дальнобойное охотничье ружье [22].

С 1950 г. Михаил Николаевич был постоянным экспертом по охотничьему оружию и боеприпасам на ВДНХ СССР, а позднее вошел в состав Главного комитета ВДНХ СССР, был членом научно-технического совета по охотничьему оружию Главприроды Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства оборонной промышленности СССР. М.Н. Блюм – автор нескольких книг и статей. Награды М.Н. Блюма переданы в Военно-исторический музей в Санкт-Петербурге. Оба его сына, Михаил и Алексей, стали известными оружейниками и охотниками [17].

Среди конструкторов, изобретателей оружия и мототранспортных средств, выделяется инженер-исследователь **Василий Ефимович Воронков** (1899–1976).

В.Е. Воронков родился в д. Семенигино Ковровского уезда Владимирской губернии в бедной крестьянской семье. Окончил три класса сельской школы. В 1912–1919 гг. работал на ткацкой фабрике «Торгового дома О. Кочеткова и А. Спиридонова» в с. Вахромеево (позже – фабрика имени В. Володарского) в должности слесаря-смазчика, кочегара, молотобойца, электрика.

В 1919 г. В.Е. Воронков переехал в г. Ковров и поступил на оружейно-пулеметный завод. Вскоре он был призван в РККА, где служил до 1922 г. После демобилизации Василий Воронков вернулся на завод и работал там слесарем-отладчиком Отдела главного конструктора, мастером опытной мастерской, конструктором-изобретателем, старшим инженером, инженером-исследователем вплоть до ухода на пенсию в 1960 г.

Накануне Великой Отечественной войны, 10 марта 1941 г., В.Е. Воронков в соавторстве с И.И. Слостининым, Г.Ф. Кубыновым и А.И. Скворцовым создал «Приемник ИНГ» (приспособление для питания пулеметов патронами) [9], а уже в годы войны, 5 апреля

1943 г., он совместно с братьями Горюновыми и В.А. Дегтярёвым разработал «Станковый пулемет калибра 7,62 СП-ГВГ» [11], который относился к классу автоматического оружия, основанного на принципе отвода пороховых газов через специальное отверстие в канале. Питание пулемета производилось из металлической ленты В.А. Дегтярёва и матерчатой ленты «Максима» [11, л. 9]. Пулемет получил широкое применение на фронте. За его создание изобретатели в 1946 г. были удостоены Сталинской премии I степени [21].

После реорганизации завода часть производства перешла на проектирование мототранспортных средств. Воронков стал конструктором мототранспорта, в частности автором трехколесного грузового мотоцикла.

Георгий Семенович Гаранин (1913–1998) – советский оружейник, конструктор дымового гранатомета «Туча» и других видов вооружения. Георгий Гаранин родился в д. Мисайлово Ковровского уезда Владимирской губернии в семье ремонтника железной дороги, мобилизованного во время Первой мировой войны и умершего в немецком плену в 1917 г.

Окончив семилетнюю школу и Ковровский железнодорожный техникум, Георгий работал на Калужском заводе НКПС. Вернувшись в г. Ковров, 12 июля 1933 г. он поступил на оружейный завод на должность конструктора. В 1936 г. был призван в РККА. Во время службы вместе с А.С. Константиновым[4] разработал устройство перезарядки крыльевых авиационных пулеметов. После увольнения в запас в январе 1939 г. вернулся на Ковровский завод в проектно-конструкторское бюро. В октябре 1940 г. перевелся во вновь организованное КБ-2 В.А. Дегтярёва. 30 ноября 1940 г. конструктор Ковровского завода № 2 Г.С. Гаранин в соавторстве с К.Ф. Васильевым и Г.П. Марковым создали «Автоматический прицел» к 12,7-мм пулемету ДШКМ на спаренной тумбовой установке [8].

В первые дни Великой Отечественной войны Георгий Гаранин в составе группы конструкторов (Г.С. Гаранин, А.А. Дементьев и С.М. Крекин) участвовал в разработке противотанкового ружья.

В том же, 1941 г. Гаранин разработал принятую на вооружение зенитную треногу для пулемета ДС-39. В окончательный вариант ПТР вошли конструкции ствола и спускового механизма Г.С. Гаранина. За эту разработку он был награжден медалью «За оборону Москвы». В военные годы Г.С. Гаранин также дорабатывал станок для пулемета ДС-42 В.А. Дегтярёва, участвовал в разработке зенитной треноги для противотанковых ружей ПТРД и ПТРС, а также 14,5-мм противотанкового пулемета и полевого станка к нему.

В дальнейшем на должностях ведущего конструктора и главного конструктора проекта Г.С. Гаранин разработал полевой станок для 14,5-мм пулемета КПВ-44, вел разработки стрелкового оружия, в том числе различных вариантов пулеметов. В 1947 г. образцы пулемета, разработанные конструктором, проходили заводские и полигонные испытания.

В 1967 г. Георгий Семенович перешел на Ковровский механический завод (КМЗ), где руководил созданием дымового гранатомета «Туча». Это была одна из его последних разработок. В 1987 г. оружейник Г.С. Гаранин вышел на пенсию.

Иван Сидорович Лещинский (1901–1974) – конструктор-оружейник, один из лучших специалистов по станкам и установкам

---

[4] Константинов Александр Семенович (1913) – один из наиболее талантливых отечественных оружейников послевоенного периода. По окончании семилетки Константинов пошел учиться в фабрично-заводскую школу при Мытищинском механическом заводе, где с 1931 г. работал токарем. С 1936 по 1938 г. служил в армии стрелком-наблюдателем в авиации. Был приглашен на работу конструктором к В.А. Дегтярёву. В 1943–1948 гг. работал с главным конструктором Г.С. Шпагиным. С 1949 г. А.С. Константинов возвратился в Ковров и продолжил работу в ОКБ-2, активно участвуя в конкурсах по созданию новых образцов стрелкового оружия. Создатель десятков образцов автоматов, самозарядных снайперских винтовок, ручных пулеметов (1950–1980-е гг.).

для крупнокалиберных пулеметов и автоматического стрелкового оружия.

Иван Лещинский родился в г. Ярцево Смоленской области, в семье железнодорожного стрелочника. В 1917 г. окончил Ярцевское железнодорожное училище и поступил на работу слесарем на ткацкую фабрику. В 1919 г. Иван Лещинский уехал в г. Ижевск, где работал на Ижевском оружейном заводе слесарем по ремонту оборудования. В 1922 г. он был призван в Красную Армию и служил в кавалерийских частях. После демобилизации в 1924 г. вернулся на родину и снова поступил на Ярцевскую ткацкую фабрику. Через год по направлению предприятия поступил на рабфак в г. Смоленске. После окончания рабфака в 1928 г. И.С. Лещинский поступил в Ленинградский политехнический институт, откуда был переведен в Ленинградский военно-механический институт (ныне Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д.Ф. Устинова), который окончил в 1932 г. С дипломом инженера-механика по направлению стал работать в г. Коврове в опытно-конструкторском бюро инженером.

В декабре 1934 г. И.С. Лещинским был усовершенствован станок к новому пулемету. Это был первый творческий успех талантливого конструктора [18, с. 236]. В дальнейшем И.С. Лещинский разработал башенную установку для спаренных пулеметов ДШКМ, несколько тумбовых, стоечных и других станков и установок для пулеметов ДШК и КПВ.

30 апреля 1941 г. старший инженер-конструктор ковровского Отдела главного конструктора (ОГК) И.С. Лещинский разработал универсальный 12,7-мм пулемет [6], предназначенный для поражения объектов противника на дистанции до 3000 м с применением его во всех родах войск [6, л. 3]. Тем не менее Бюро изобретений НКО СССР своим решением от 18 апреля 1942 г. отказало изобретателю в выдаче авторского свидетельства. Подобные предложения в основном уже были реализованы в известных пулеметах: подающий механизм ДШК, затвор Модсена, подача патрона в патронник Гочкиса и др. [6, л. 18 об.].

Осенью и зимой 1941 г. именно Лещинский отвечал за вооружение бронепоезда «Ковровский большевик»[5], отправленного на оборону столицы. Среди других государственных наград ему по праву была вручена и медаль «За оборону Москвы». В конце войны и первые послевоенные годы на основе 14,5-мм крупнокалиберного пулемета С.В. Владимирова в ОКБ был создан комплекс зенитных установок. И.С. Лещинский сыграл большую роль в разработке счетверенной зенитно-пулеметной установки ЗПУ-4 [18, с. 276]. В 1949 г. за разработку 14,5-мм пулемета и комплекса зенитных установок И.С. Лещинский вместе с руководителем работы С.В. Владимировым и конструкторами завода имени В.А. Дегтярёва Л.М. Борисовым, Г.П. Марковым, А.П. Финогеновым, Е.Д. Водопьяновым и Е.К. Рачинским стал лауреатом Сталинской премии [19, с. 11].

3 февраля 1947 г. Лещинский подал заявку на изобретение «Счетверенной зенитной установки для пулеметов КПВ-44» калибра 14,5 мм собственной конструкции [14]. Установка Лещинского (УЛ-14,5 мм) предназначалась для эффективной борьбы с низколетящими самолетами противника [14, л. 2] и представляла собой открытую установку, на которой размещались четыре 14,5-мм пулемета КПВ-44 с ручным приводом вертикального и горизонтального наведения с автоматическим оптическим прицелом АПО-3. Прицел мог устанавливаться в кузове автомашины, на железнодорожной платформе и на кораблях

[5] «Ковровский большевик» – подразделение (бронепоезд) и изделие (броневой поезд), построенное во время Великой Отечественной войны. Бронепоезд был собран всего за 10 дней, а еще за 5 дней работники Ковровского инструментального завода установили на нем необходимое вооружение. Бронепоезд был построен не по приказу сверху, а по инициативе коллективов и руководства предприятий: Завода № 2 Наркомата вооружения и Ковровского машиностроительного завода Наркомата путей сообщения (будущий экскаваторный завод). Это был первый и последний опыт создания в городе такого вида бронетехники. Бронепоезд участвовал в битве под Москвой.

всех классов [14, л. 3]. В выдаче авторского свидетельства заявителю было отказано по причине того, что такие зенитные установки применялись немцами во Вторую мировую войну [14, л. 9].

22 октября 1948 г. старший инженер-конструктор ОГК И.С. Лещинский разработал «Приспособление для набивки патронных лент», выполненное в виде рычажного пресса, кинематически связанного с реечным механизмом подачи ленты [15, л. 16–17, 23], на которое ему было выдано авторское свидетельство № 13251 с формулировкой «Приспособление для набивки патронов в пулеметную ленту калибра 14,5 мм типа ленты КПВ[6] и Кольт-Браунинга[7]».

Изобретая и разрабатывая оружие и его компоненты, Иван Сидорович Лещинский 30 лет без перерыва (1932–1962), вплоть до ухода на пенсию, вносил огромный вклад в дело Победы в годы Великой Отечественной войны и укрепление обороноспособности страны в мирное время, пройдя путь от рядового инженера-механика до ведущего инженера-конструктора.

Гавриил Петрович Марков (1910–1980) заметно выделялся среди инженеров-конструкторов оружия отдела главного конструктора завода имени В.А. Дегтярёва. Он родился на ст. Куракино Курской железной дороги в семье железнодорожного служащего. В 1912 г. вместе с семьей переехал на родину родителей в г. Ковров, где в 1925 г. окончил школу-девятилетку, а в 1931 г. – техникум путей сообщения. После окончания техникума был призван в армию и служил на Дальнем Востоке в железнодорожных войсках до конца 1934 г.

Трудовая деятельность Г.П. Маркова началась в 1935 г. в одном из конструкторских бюро завода № 2. Там он проработал конструктором, ответственным исполнителем по объекту, ведущим инженером-конструктором, начальником отдела – до ухода на пенсию в 1970 г. Будучи конструктором ОГК завода № 2, Г.П. Марков 30 ноября 1940 г. вместе с К.Ф. Васильевым и Г.С. Гараниным разработал «Универсальный автоматический прицел» [8].

10 октября 1942 г. Г.П. Марков создал «Индуктивный аккумулятор и метод его зарядки-разрядки» [10]. Однако эксперты не поняли его объяснений при описании изобретения, так как заявитель излагал «содержание своего предложения недоступным для понимания способом» [10, л. 13].

За успешное выполнение заданий по выпуску оборонной продукции в годы войны он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1949 г. за разработку 14,5-мм пулемета и комплекса зенитных установок (ЗПУ-2, спаренная зенитная пулеметная установка) вместе с руководителем работы С.В. Владимировым и конструкторами завода имени В.А. Дегтярёва Л.М. Борисовым, И.С. Лещинским, Г.П. Марковым, А.П. Финогеновым, Е.Д. Водопьяновым и Е.К. Рачинским удостоен Сталинской премии [19, с. 11].

Павел Иванович Майн (1901–1976) – инженер-полковник, крупный советский инженер-конструктор стрелкового вооружения, автор первой отечественной специализированной книги по истории ручного стрелкового оружия.

Вскоре после издания его учебника «Стрелковое оружие» [20] для Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского, в 1934 г., П.И. Майн возглавил Ковровское конструкторское бюро стрелкового вооружения (ЦКБ-2). Павел Иванович составил ряд документов, направив их в самые высокие инстанции, где доказывал необходимость расширения конструкторских работ, создания крупных научно-технических центров, в том числе в г. Коврове – Центрального научно-исследовательского института авиационного и стрелкового вооружения.

---

[6] Крупнокалиберный пулемет Владимирова (КПВ) – станковый крупнокалиберный пулемет разработки С.В. Владимирова (1944).

[7] Кольт-Браунинг М1895 – американский станковый пулемет с воздушным охлаждением, разработанный Джоном Браунингом.

Одновременно П.И. Майн сам принимал активное участие в разработке оружия. 26 июля 1938 г. он в соавторстве с сотрудником ЦКБ В.А. Введенским разработал «Крупнокалиберный авиационный пулемет калибра 12,7 мм системы Майна П.И. – Введенского В.А.» [5]. Пулемет предназначался для вооружения самолетов. Его вес составлял 20 кг, а скорострельность – 1000 выстрелов в минуту. Он имел рассыпную матерчатую ленту типа «Кольт-Браунинг», полусвободный затвор, действующий на принципе сил трения [5, л. 1]. Однако эксперты Отдела изобретений НКО СССР, рассмотрев 9 ноября 1938 г. предложенный пулемет, не увидели в нем особой новизны, отметив, что автоматическое оружие, построенное на данном принципе, давно известно. Сославшись на пистолет Томсона, где запирание патрона осуществлялось затвором [23, с. 17], а также на систему подачи итальянского ручного пулемета Эрнесто Бреда, не найдя новизны и в остальных механизмах, Отдел изобретений отказал П.И. Майну в выдаче авторского свидетельства [5, л. 7–7 об.].

31 июля 1938 г. П.И. Майн и С.М. Крекин разработали «Автоматический пистолет калибра 7,62 системы Майн-Крекин» [4; 5], но вскоре, в конце 1938 г., Павел Иванович Майн был репрессирован за преимущественный интерес к американским и европейским образцам вооружений и пренебрежение советскими технологиями. Конструктор провел в тюрьме около полутора-двух лет и был освобожден в 1940 г.

После освобождения Павел Иванович продолжил изобретательскую деятельность по созданию и совершенствованию оружия. Он был изобретателем различных образцов стрелкового оружия: крупнокалиберного пулемета, пистолета калибра 7,62 мм.

19 мая 1944 г. П.И. Майн в соавторстве с В.И. Ивановым разработал «Самозарядный карабин» [13]. Десантный карабин калибра 7,62 мм под патрон образца 1943 г. принадлежал к системе автоматического оружия, действующего на принципе отвода пороховых газов через специальное отверстие в неподвижном стволе [13, л. 1]. Экспертами Бюро изобретений Госплана СССР было установлено, что из материалов, приложенных к заявке, установить конструктивное устройство отдельных узлов и их взаимодействие не представляется возможным. В частности, нельзя было понять устройство спускового механизма, узла запирания и др. Поэтому у автора запросили дополнительные схемы и чертежи, из которых можно было бы полностью уяснить конструкцию и действие предлагаемого карабина. Автору было также предложено указать, что он считает новым в своем карабине [13, л. 4]. Однако дополнительных данных автор не прислал, поэтому авторского свидетельства не получил.

П.И. Майн работал преподавателем Военно-воздушной академии РККА, затем руководил ЦКБ-14 в Туле, в 1944–1946 гг. возглавлял Научно-исследовательский институт стрелково-пушечного вооружения авиации (НИИ СПБВ НКВ СССР) в г. Подольске, а с 1946 г. работал на Тульском оружейном заводе. При нем в Центральном научно-исследовательском институте точного машиностроения (ЦНИИТочмаш) начались исследования авиационных пушек.

Таким образом, даже краткий обзор изобретательского творчества ковровских оружейников показывает, что за спинами первого ряда великих советских оружейников – В.А. Дегтярёва, Г.С. Шпагина, С.Г. Симонова, П.М. Горюнова, А.И. Судаева, Ф.В. Токарева, – имена которых вошли в народную память в названиях оружейных систем, всегда стояли фигуры не столь известные, но не менее важные. Ими гордится город воинской славы Ковров. За пределами Коврова их имена известны очень немногим, но их смелые идеи и замыслы, вклад в создание самых известных образцов автоматического оружия XX в. невозможно переоценить.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив в г. Самаре (далее РГА в г. Самаре). Ф. Р-1. Оп. 47-5. Д. 745.
2. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 47-5. Д. 862.
3. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 47-5. Д. 863.
4. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 48-5. Д. 2275.
5. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 48-5. Д. 2283.
6. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 49-5. Д. 2019.
7. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 49-5. Д. 2078.
8. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 49-5. Д. 2127.
9. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 49-5. Д. 2161.
10. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 50-5. Д. 171.
11. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 50-5. Д. 2277.
12. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 51-5. Д. 251.
13. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 51-5. Д. 656.
14. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 81-5. Д. 1025.
15. РГА в Самаре. Ф. Р-1. Оп. 83-5. Д. 1621.
16. *Блюм М.Н.* Малокалиберные пулеметы. М. : Редиздат Осоавиахима, 1940. 180 с. : ил.
17. *Блюм М.* Охота и оружие в моей жизни // Охота и охотничье хозяйство. 2003. № 10. С. 17–18.
18. *Болотин Д.Н.* История советского стрелкового оружия и патронов. СПб. : Полигон, 1995. 302 с.
19. Дегтяревец. 2020. № 6. 12 февраля.
20. *Майн П.И.* Стрелковое оружие. История развития огнестрельного оружия. Современные винтовки. Описание современных винтовок. Атлас чертежей / Артиллерийская академия РККА им. Дзержинского. Л., 1934. 241 с. : ил.
21. Правда. 1946. № 23 (10105). 27 января.
22. *Соколов А.* Отечественные оружейники. Конструктор М.Н. Блюм // Охота и охотничье хозяйство. 1987. № 9. С. 26–27.
23. *Фёдоров В.Г.* Основания устройства автоматического оружия. Вып. 1. М. : ОРПО, 1931.

Сведения об авторе

Поздняков Юрий Валентинович, специалист 1-й категории отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Российского государственного архива в г. Самаре.
E-mail: pirce@yandex.ru

Для цитирования

Поздняков Ю.В. Ковровские оружейники: малоизвестные страницы творчества // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 41–48.

УДК 908+553.982

МУХАНОВСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ: ЛЮДИ, СУДЬБЫ, СОБЫТИЯ

MUKHANOVO DEPOSIT: PEOPLE, FATES, EVENTS

О.И. Юдинцева
Самарская областная универсальная научная библиотека (Россия, Самара)

O.I. Yudintseva
Samara Regional Universal Scientific Library (Samara, Russia)

Аннотация. Статья посвящена знаковому событию в истории нефтяной промышленности России – открытию и разработке на территории Куйбышевской области около села Муханово крупнейшего нефтяного месторождения, которое впоследствии привело к созданию мощной нефтяной базы, а также дало жизнь городу нефтяников – Отрадному. Особое внимание в статье уделяется людям, которые внесли значительный вклад в разработку Мухановского месторождения, а также рассматриваются некоторые новаторские достижения в области бурения и добычи нефти.

Abstract. The article is devoted to a landmark event in the history of the Russian oil industry – the discovery and development of the largest oil field in the Kuibyshev region near the village of Mukhanovo, which subsequently led to the creation of a powerful oil base, and also gave life to the city of oil workers – Otradny. The article focuses on the people who have made a significant contribution to the development of the Mukhanovo deposit, discusses some of the innovative achievements in the field of drilling and oil production.

Ключевые слова: нефть, нефтяники, Мухановское месторождение, нефтехимическая промышленность, новаторы.

Keywords: oil, oilmen, Mukhanovo deposit, petrochemical industry, innovators.

На сегодняшний день Самарская область является крупным регионом с хорошо развитой нефтедобывающей и нефтехимической промышленностью. Крупнейшим по запасам нефти в Самарском регионе считается Мухановское месторождение, расположенное в Кинель-Черкасском районе на территории нынешнего города Отрадного [6, с. 4].

К сожалению, история эксплуатации Мухановского месторождения практически не изучена и слабо освещена специалистами, поэтому основным источником при написании статьи явились местные периодические издания [2; 8; 10].

Месторождение было открыто геологами в 1944 г. В газете «Волжская коммуна» от 21 марта 1945 г. можно найти статью главного геолога треста «Куйбышевнефтеразведка» Л. Задова, в которой он авторитетно заявляет, что открытие газонефтяного района около поселка Муханово является большим достижением наших нефтеразведчиков. «Разведочные работы продолжаются, но уже сейчас получе-

ны данные о промышленном значении вскрытой нефтяной залежи и предполагаются скопления нефти. Мухановское месторождение имеет большое практическое значение, так как оно расположено всего в 90 км от г. Куйбышева на линии газопровода Похвистнево – Куйбышев» [3, с. 2].

Первую промышленную нефть на Мухановском месторождении получили в ноябре 1945 г., а уже к концу 1946 г. Мухановское месторождение ввели в эксплуатацию. В том же году был создан Мухановский нефтепромысел, первым заведующим которого стал Алексей Павлович Травкин. В январе 1947 г. нефтепромысел перешел в подчинение треста «Кинельнефть».

Кунгурская нефть, открытая около поселка Муханово, оказалась самой легкой и качественной из всех известных к тому времени в нашем регионе.

Началом «большой» мухановской нефти принято считать 30 сентября 1952 г. В этот день на месторождении из скважины № 1, пробуренной бригадой мастера Насибулы Салахетдиновича Сафиулова, забил мощный фонтан высококачественной нефти.

Очевидец этого события, мастер подземного ремонта скважин Василий Дмитриевич Торохов отмечал, что приехавший на скважину Виктор Иванович Муравленко, руководивший в то время объединением «Куйбышевнефть», сказал фразу, которую долго потом вспоминали нефтяники: «Большую нефть мы нашли. Объем работ будет большой, людей приедет много, здесь будем строить город» [7, с. 5].

Открытие и разработка залежей нефти и газа Мухановского месторождения дали жизнь городу нефтяников Отрадному, который вырос из одноименного небольшого рабочего поселка. В 1956 г. Отрадный стал городом районного подчинения, а в 1958 г. – областного [4, 128 с.].

Добыча нефти на Мухановском месторождении росла быстро. Постоянно нарастающий объем добытой нефти послужил основным толчком для активизации разведочных буровых работ не только на Мухановской площадке, но и во всём Кинель-Черкасском нефтегазоносном районе.

1 мая 1954 г. приказом № 379 по Министерству нефтяной промышленности для разработки и освоения месторождения было создано новое нефтепромысловое управление, названное в честь первомайского праздника НПУ «Первомайнефть». С апреля 1969 г. НПУ было преобразовано в нефтегазодобывающее управление НГДУ «Первомайнефть».

Высокопрофессиональная работа нефтепроходчиков НГДУ «Первомайнефть», а также открытие и разработка новых нефтяных и газовых скважин вывели Куйбышевскую область на третье место в стране по добыче нефти. Максимальный уровень добычи нефти в области был достигнут в 1963 г. – более 15,9 млн т. В масштабах всей страны каждая 13-я тонна «черного золота» была добыта нашими земляками-нефтяниками.

Коллектив НГДУ «Первомайнефть» по праву можно было назвать кузницей кадров для нефтяной индустрии страны. Специалисты-нефтяники, прошедшие хорошую производственную школу, помогали осваивать недра на месторождениях Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, многие из них неоднократно оказывали помощь зарубежным коллегам. Некоторые из специалистов, пройдя определенные ступени роста, перешли на руководящую работу в министерство или возглавили отраслевые научно-исследовательские институты.

Яркий пример – Виктор Муравленко, который возглавлял управление «Куйбышевнефть». Его называли руководителем-реформатором. Он модернизировал работу управления, стал применять научные разработки для нефтяной отрасли. По его инициативе была построена первая в СССР комплексно-механизированная установка, которая стала применяться по всей стране.

Нельзя не сказать о Дзандаре Авсимайховиче Такоеве. «Нефтяной король, в жилах которого течет нефть» – так его называли журналисты в многочисленных публикациях. Этот человек начал трудовой путь рабочим нефтяного промысла, пройдя все этапы становления специалиста, занимал высокий пост заместителя министра нефтяной промышленности СССР.

Родился Д.А. Такоев в 1916 г. в Северной Осетии, в селении Дигора (ныне г. Дигора). В 1941 г. закончил Азербайджанский нефтяной институт. Получив профессию горного инженера по нефтепромысловому делу, приехал по направлению в Башкирию в суровые военные годы и быстро от помощника мастера по добыче нефти вырос до начальника участка. С 1955 по 1957 г. был начальником управления «Первомайнефть», которое он и создал.

О своей работе на посту начальника НГДУ «Первомайнефть», а затем в системе объединения «Куйбышевнефть» Д.А. Такоев впоследствии напишет книгу «Волжская нефть», вышедшую в Куйбышевском книжном издательстве [9].

Инженер-нефтяник, управляющий трестом «Ставропольнефть», заведующий промышленно-транспортным отделом Куйбышевского обкома КПСС, начальник объединения «Куйбышевнефть», заместитель министра нефтяной промышленности СССР – таков путь Д.А. Такоева в профессии.

Заслуги Дзандара Авсимайховича Такоева оценены 36-ю орденами и медалями, среди которых два ордена Ленина, два – Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов, «Знак Почета», иностранные награды. Он лауреат Ленинской премии, почетный нефтяник СССР, заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности СССР, изобретатель, имеющий на своем счету семь патентов, заслуженный рационализатор, отличник нефтяной промышленности СССР.

Еще один представитель нефтяников-первопроходцев Мухановского месторождения – Степан Амирович Асланов. По словам профессионалов, его знающих, он был если не первым, то в первой тройке лучших бурильщиков своего времени. Подробно о жизни и деятельности этого человека мы узнали от его дочери.

С.А. Асланов родился в г. Баку в многодетной семье нефтяника. С 1934 по 1939 г. учился в Азербайджанском индустриальном институте имени Азизбекова по специальности «Нефтепромысловое дело» и получил квалификацию горного инженера. С 1939 по 1944 г. работал в бурении и геологоразведке в должностях старшего инженера, главного инженера и начальника различных подразделений треста «Туркменнефть».

Когда началась Великая Отечественная война, С.А. Асланов написал рапорт с просьбой отправить его на фронт и 13 августа 1941 г. был уволен с занимаемой должности «ввиду ухода в РККА», но уже 16 августа восстановлен в должности и продолжил работу по специальности – так важны были для страны специалисты-нефтяники.

В 1944 г. в должности главного инженера конторы бурения треста «Туркменнефть» С.А. Асланов был откомандирован в распоряжение Наркомнефти, занимался восстановлением затопленных фашистами шахт в Донбассе. 6 апреля 1945 г. С.А. Асланов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С 1946 по 1948 г. С.А. Асланов работал в должности главного инженера конторы бурения треста «Укрнефть» в Западной Украине в г. Бориславе Львовской области. А в 1948 г. был переведен в трест «Дагнефть» в г. Избербаше, где с 1949 г. работал директором конторы турбинного бурения № 1. Это была морская контора бурения, и нефть добывалась со дна Каспийского моря. Сегодня морское бурение – будни нефтяников, а тогда это были первые успешные шаги. В 1948 г. была смонтирована и пущена в эксплуатацию первая морская скважина. В гости к нефтяникам приезжал И.Д. Папанин. Его, как исследователя арктических и внутренних морских глубин, очень интересовали перспективы и первые результаты морской добычи нефти.

В августе 1951 г. Степан Амирович был откомандирован в Москву на учебу в Академию нефтяной промышленности, которую окончил с отличием в июле 1953 г. Темой его аттестационной работы был первый вариант гидрофицированной буровой установки – цель и смысл всей его последующей жизни. Он очень хотел остаться в Москве в институте, так как понимал, что кратчайший путь к созданию установки – профильный институт. Ему обещали, однако направили в объединение «Куйбышевнефть» на должность управляющего трестом «Чапаевскнефть». С 1957 по 1959 г.

Степан Амирович возглавлял трест «Первомайнефть».

Целью своей жизни он считал создание гидрофицированной буровой установки (ГБУ). И в конце 1959 г. Степан Амирович был откомандирован в порядке перевода в Куйбышевский научно-исследовательский институт нефтяной промышленности (НИИНП первого управления совнархоза). В институте он возглавил отдел бурения. Его единоличная работа над ГБУ со времен академии не прекращалась. Практически эскизные чертежи и описания вечерами и в свободное время выполняла его жена и верный друг, которая закончила в 1944 г. тот же институт и по той же специальности. За свою работу в 1959 г. Асланов был награжден первым орденом Трудового Красного Знамени.

В 1969 г. в связи с изменениями структуры института С.А. Асланова назначили руководителем отдела гидрофицированных буровых установок, а в 1970 г. он был выбран руководителем отдела по конкурсу.

Лаборатория ГБУ уже в 1969 г. имела законченный рабочий проект установки с полной механизацией и автоматизацией процесса бурения. Испытания показали, что проходка скважин идет с опережением графика, что гидропривод позволяет увеличить производительность установки на 20–40 %, уменьшить габариты, вес и стоимость установки и повысить надежность и долговечность узлов. На 10–20 % уменьшаются потери энергии в передачах за счет исключения механических трансмиссий, значительно облегчается труд буровой бригады за счет автоматизации основных процессов проходки скважин установкой КГБУ-125. В газете «Социалистическая индустрия» за 8 августа 1969 г. [2, с. 1] отмечается, что в районе села Черновка, вблизи г. Отрадного (в то время еще поселка нефтяников) в полевых полукустарных условиях была собрана, налажена и заработала первая в мире комплексная гидрофицированная буровая установка КГБУ-125 с одним гидроподъемником, а уже в 1970 г. бригада под руководством Н.П. Тарасова из Управления буровых работ № 1 объединения «Куйбышевнефть» на новой установке с двумя гидроцилиндрами успешно заканчивала проходку второй скважины с опережением нормативного графика.

В 1971 г. Президиум Центрального правления НТО нефтяной и газовой промышленности наградил Степана Амировича Асланова дипломом за удостоенную премии имени академика И.М. Губкина работу «Комплексная гидрофицированная буровая установка грузоподъемностью 125 т (КГБУ-125)». За работу над принципиально новыми буровыми установками он был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени и Золотой медалью ВДНХ.

Эти награды неслучайны. Разумеется, всё это Степан Амирович считал заслугой коллектива. И когда головной НИИ пригласил его к себе возглавить отдел, свой коллектив Асланов не оставил и от предложения отказался.

Зимой 1969–1971 гг. в главном зале павильона нефти ВДНХ был выстроен действующий макет КГБУ-125, при включении которого установка очень наглядно демонстрировала процесс бурения и свои несомненные преимущества перед серийными установками. Копия КГБУ-125 была гордостью нашей области: когда наш фирменный поезд «Жигули» подъезжал к городу, диктор по радио сообщала, что Куйбышев – крупнейший в СССР центр космической и авиационной науки и техники и что в районе г. Отрадного «трудится» первая в мире принципиально новая гидрофицированная буровая установка КГБУ-125.

За заслуги в области изобретательской деятельности С.А. Асланову присвоено почетное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР», он удостоен звания «Почетный нефтяник». Имя Степана Амировича Асланова занесено в Книгу почета г. Куйбышева.

Еще два ярких представителя первых нефтяников Мухановского – Аркадий Зиновьевич Шефер и Сергей Меликович Данелянц.

В 1954 г. А.З. Шефер был назначен начальником промышленного отдела вновь организованного треста «Первомайнефть», а с 1956 г. он работал старшим инженером промысла. С 1962 по 1964 г. – главным инженером НГДУ «Первомайнефть». В 1964 г. возглавил Управление и проработал в этой должности до 1971 г.

За время своего руководства Аркадий Зиновьевич вывел НГДУ «Первомайнефть» на передовые позиции в области. Особое внимание уделял внедрению всего нового в технике и технологии добычи нефти. Благодаря этому нефтегазодобывающее управление г. Отрадного неоднократно становилось победителем Всесоюзного социалистического соревнования и завоевывало переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. В 1968 г. этот символ был передан коллективу на вечное хранение.

За небольшой срок А.З. Шефер прошел трудовой путь от мастера до главного инженера. За годы его работы на месте маленького поселка выросло целое «нефтяное государство». Управление стало одним из ведущих в объединении «Куйбышевнефть».

Сергей Меликович Данелянц родился 26 января 1928 г. в г. Кировабаде Азербайджанской ССР в семье рабочего. В 1941 г. окончил среднюю школу. С 1945 по 1951 г. учился на нефтепромысловом факультете Азербайджанского индустриального института, по окончании которого в 1951 г. был направлен на работу в объединение «Куйбышевнефть».

С 1951 г. по февраль 1962 г. работал на инженерных должностях: старшим инженером, начальником участка бурения, начальником ПТО, главным инженером и директором конторы разведочного бурения, управляющим треста буровых работ (г. Отрадный).

С марта 1962 г. по август 1976 г. работал заместителем начальника, а затем заместителем директора объединения «Куйбышевнефть». С августа 1976 г. по 1988 г. занимал должность директора Всесоюзного научно-исследовательского института разработки и эксплуатации нефтепромысловых труб («ВНИИТнефть», г. Куйбышев). В 1973 г. С.М. Данелянцу после защиты диссертации присуждена ученая степень кандидата технических наук.

После выхода на пенсию Сергей Меликович продолжал работу в научно-техническом центре «Нефтепромдиагностика» (при ОАО «ВНИИТнефть») в должности заведующего планово-экономическим отделом, а с февраля 2003 г. в должности главного специалиста. С 1968 по 1984 г. являлся председателем государственной экзаменационной комиссии по кафедре бурения Куйбышевского политехнического института.

С.М. Данелянцем изданы три книги, пять брошюр и более 40 статей. Им разработано и внедрено более 40 рационализаторских предложений и получено 37 авторских свидетельств на изобретения. Почетное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР» присвоено ему в 1975 г.

С.М. Данелянц также был удостоен званий «Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РСФСР», «Почетный нефтяник», «Почетный работник топливно-энергетического комплекса». Сергей Меликович был отмечен почетными грамотами Миннефтепрома и областного комитета КПСС, дипломами ВСНТО и ЦПНТО нефтяной и газовой промышленности и шестью медалями ВДНХ СССР, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Благодаря самоотверженному труду нефтяников Мухановского месторождения Куйбышев стал вторым Баку и вышел на третье место по добыче нефти в СССР, а маленький поселок стал современным городом Отрадным [1, с. 4].

За годы эксплуатации на Мухановском месторождении добыто около 195 млн т «черного золота». Фонд скважин месторождения на сегодняшний день составляет более 700 единиц. Только в 2020 г. пробурено шесть новых скважин. По мнению специалистов, запасы углеводородов остались еще весьма солидными, а само месторождение остается в перспективных планах АО «Самаранефтегаз» [5, с. 8].

Список литературы

1. *Брискин А.* Рабочая поступь. Объединению «Куйбышевнефть» – 50 лет // Волжская коммуна. 1986. 27 декабря. С. 4.
2. *Воробьев А.* Гидросилач берет старт // Социалистическая индустрия. 1969. № 34 (8 августа). С. 1.
3. *Задов Л.* Волжская нефть // Волжская коммуна. 1945. 21 марта. С. 2.
4. З*ахаров Ю.В.* Город Отрадный: историко-экономический очерк. Куйбышев : Куйб. кн. изд-во, 1977. 128 с.
5. Месторождение с историей // Волжская коммуна. 2020. 23 сентября. С. 8.
6. Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30–50-е годы XX в.). Становление и развитие : сборник документов. Самара : Кредо, 2005. 672 с.
7. Отрадный – город нефтяников // Вестник Отрадного. 2018. 22 марта. С. 5.
8. *Сокольский А.* «Черное золото» Среднего Поволжья // Волжская заря. 1986. 6 сентября. С. 3.
9. *Такоев Д.А., Иванов А.И.* Волжская нефть. Куйбышев : Куйб. кн. изд-во, 1960. 96 с.
10. *Федоров А.* Нефть и люди // Волжский комсомолец. 1990. 29 апреля. С. 4.

Сведения об авторе

Юдинцева Ольга Ивановна, ведущий библиограф отдела правовой и патентно-технической информации Самарской областной универсальной научной библиотеки.
E-mail: cppti@libsmr.ru

Для цитирования

Юдинцева О.И. Мухановское месторождение: люди, судьбы, события // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 49–54.

Самарское краеведение
Samara Local History

УДК 908

ЭНЕРГОУЗЕЛ У САМАРСКОЙ ЛУКИ: ЗАМЫСЛЫ И СУДЬБЫ ПРОЕКТОВ

ENERGY CENTER AT THE SAMARA LUKA: PLANS AND FATES OF PROJECTS

М.В. Борисов
Российский государственный архив в г. Самаре
(Россия, Самара)

M.V. Borisov
Russian State Archive in Samara
(Samara, Russia)

Аннотация. Рассматриваются этапы проектирования гидротехнических сооружений в районе Самарской Луки в период с начала XX в. до 1980-х гг. На основе документов Российского государственного архива в г. Самаре вместе с ключевыми моментами состоявшегося строительства Жигулевской ГЭС сделан обзор неосуществленных намерений развития гидроузла за счет установки на нем дополнительных гидроагрегатов, сооружения канала с гидроэлектростанцией на Волго-Усинском перешейке и т. п. Приводятся факты, прямым и косвенным образом повлиявшие на принятие решений о начале проектных работ и их прекращении.

Abstract. The stages of designing hydraulic structures in the area of Samarskaya Luka in the period from the beginning of the 20th century to the 1980s are considered. Based on the documents of the Russian State Archive in Samara, along with the key moments of the construction of the Zhigulevskaya HPP, an overview of the unfulfilled intentions of developing the hydroelectric complex through the installation of additional hydroelectric units on it, the construction of a canal with a hydroelectric power station on the Volga-Usinsk Isthmus, etc. and indirectly influenced the decision-making on the start of design work and their termination.

Ключевые слова: гидроэнергетика, Волго-Камский каскад ГЭС, Жигулевская (Куйбышевская, Волжская им. В.И. Ленина) ГЭС, Переволокская ГЭС, Жигулевская (Средневолжская № 1) ГАЭС, Единая энергетическая система, экология, охрана природы, архивные документы.

Keywords: hydropower, Volga-Kama HPP cascade, Zhigulevskaya (Kuibyshevskaya, Volzhskaya named after V.I. Lenin) HPP, Perevolokskaya HPP, Zhigulevskaya (Srednevolzhskaya No. 1) PSP, Unified Energy System, ecology, nature conservation, archival documents.

Актуальность темы

Темы, связанные с гидроэлектростанциями Волго-Камского каскада, являются резонансными для современного общественного сознания. Противоречивость мнений о достоинствах и недостатках объектов гидростроительства порождает как дискуссии в публичном информационном пространстве, так и категоричность суждений в научных публикациях. Гидросооружения на Волге и Каме рассматриваются, с одной стороны, как основополагающий элемент цивилизованной жизни, с другой – как результат недальновидности научно-технической мысли и неоднозначных решений руководства страны.

В этой связи представляется полезным уделить более пристальное внимание причинам, побуждавшим к разработке планов создания ГЭС, а также рассмотреть обстоятельства, которые стали препятствием для их воплощения. В таком ключе очень показательной является судьба неоднократно проектируемого энергоузла, частью которого является ныне действующая Жигулевская ГЭС. Описание поиска способов оптимального использования конфигурации русла Волги в районе Самарской Луки с конца 1940-х до начала 1980-х гг. содержится в документах Всесоюзного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института «Гидропроект», его Куйбышевского филиала, Энергетического института им. Г.М. Кржижановского, Государственного проектного института «Теплоэлектропроект», находящихся на постоянном хранении в Российском государственном архиве в г. Самаре (Ф. Р-109, Ф. Р-28, Ф. Р-249, Ф. Р-272).

Извлеченные из архивных документов данные имеют существенное значение для восполнения пробелов самарского краеведения. В известных автору публикациях, в том числе цитируемых ниже, сведения о проектах энергоузла в районе Самарской Луки относятся к начальным этапам их создания. Материалы большинства архивных документов, освещающих последующие этапы, вводятся в научный оборот впервые.

1910–1940 гг. Рождение идеи, предварительные наработки

Еще в начале XX в. возникла идея спрямления русла Волги посредством сооружения канала на узком перешейке Волго-Усинского водораздела, образованном изгибом Самарской Луки у с. Переволоки (рис. 1). Благодаря

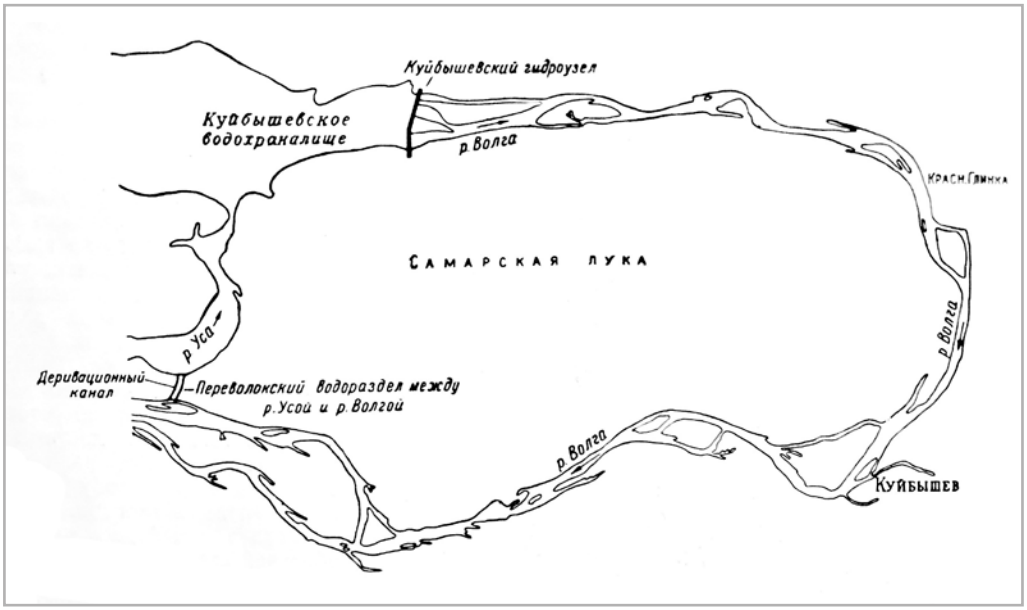

Рисунок 1. Схематическая карта Самарской Луки с показанием деривационного канала на Волго-Усинском (Переволокском) водоразделе. 1960 г.

этому каналу речные суда получили бы возможность миновать десятки километров излучины Волги по прямой. В дальнейшем идея получила развитие в виде замысла установки на этом канале гидроэлектростанции. Достоинствами данного проекта являлись скальное основание из пород, слагающих Жигулевские горы, а также уникальный для равнинных рек перепад высот, способный создать значительный напор воды для выработки электроэнергии.

С 1910 г. самарский инженер К.В. Богоявленский проводил работу по техническому обоснованию строительства гидроэлектростанции на р. Волге у Самарской Луки. Он предполагал сооружение гидроустановки в составе электростанции и плотины в Жигулях, электростанции, канала и шлюзов в Переволоках. В 1919 г. К.В. Богоявленский возглавил «Комиссию по электрификации р. Волги в районе Самарской Луки», которая входила в состав научно-технического отдела Самарского губернского совета народного хозяйства (позже этот проект получил название «Волгострой»). К 1924 г. Комиссией было создано обоснование варианта Жигулевского гидроузла в составе плотины на Волге с гидроэлектростанциями, канала «Ставрополь – Переволоки», гидроэлектростанции, шлюзов и плотоходов у с. Переволоки [52, с. 4, 5].

В конце 1920-х гг. в СССР был принят курс на форсированную индустриализацию, проведение которой потребовало большого количества электроэнергии. В связи с этим особое внимание было уделено потенциалу гидроэнергии Волжского бассейна. Это стало причиной создания в 1931–1936 гг. планов коренной реконструкции реки в энергетических, а также транспортных и ирригационных целях, объединенных концептуальным названием «Большая Волга» [54, с. 3]. Именно в этот период оформилось представление об исключительной ценности гипотетической «Самарской гидроэлектроцентрали» в силу ее уникального географического положения. Оно совпадало с пересечением водных и железнодорожных магистралей, именно здесь было целесообразно организовать стратегический энергетический узел, способный стать связующим звеном обособленных электросистем Центральной России, Донбасса, Урала и иных [47, л. 3, 4, 22, 23].

В общем русле создания «Большой Волги» в районе Самарской Луки с целью технического обоснования возможности строительства гидроузла и выбора его местоположения в 1929 г. были проведены исследования Волго-Усинского водораздела. В 1931 г. к обсуждению результатов проектирования привлекались специалисты из Италии. По мнению итальянцев, постройка гидроузлов, каналов и шлюзов на Волго-Усинском водоразделе являлась трудным, но вполне осуществимым мероприятием. 10 августа 1937 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1339 «О строительстве Куйбышевского гидроузла на р. Волге и гидроузлов на р. Каме» [60, с. 103]. В проектном задании, законченном в 1938 г., были проработаны две схемы – речная и деривационная. По первой схеме все сооружения гидроузла сосредотачивались на Волге, в районе Царева Кургана или Красной Глинки, а по второй – значительная часть мощности располагалась на Волго-Усинском водоразделе, другая часть – при Волжской плотине. После экспертизы в 1939 г. проектное задание по второй схеме в составе плотины и двух ГЭС было утверждено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). После дополнительных обследований и сравнения вариантов в 1940 г. был принят Красноглинский створ: 11 агрегатов планировалось разместить на приплотинной ГЭС, а 9 – на деривационной (Волго-Усинский водораздел) общей мощностью 3,6 млн кВт и производством 15,2 млрд кВт·ч электроэнергии в год. Проектно-изыскательские и строительные работы по Куйбышевскому гидроузлу были законсервированы в связи с признаками приближающейся войны постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1940 г. № 1780-741с [55, с. 4, 5, 7]. Из запланированных по проекту работ выполнить удалось в основном инженерно-геологические исследования местности и недр. Были проведены также гидрологические испытания: в устье р. Сок намыта «опытная» плотина, в теле которой установлены динамометры для определения давлений в грунте [26, л. 7].

1949–1960 гг. Строительство Куйбышевской (Жигулевской) ГЭС. Проекты увеличения мощности строящейся гидроэлектростанции

К планам по сооружению гидроузла в районе Самарской Луки, прерванным военным временем, вернулись в конце 1940-х гг. Проект 1930-х гг. был серьезно переработан: местом размещения плотинных сооружений стал створ русла Волги возле Ставрополя-на-Волге (будущий Тольятти) с более благоприятными геологическими условиями.

Советом Министров СССР (далее – СМ СССР) 30 июня 1949 г. было принято постановление № 2826-1180 «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на р. Волге» [53, с. 19]. Приказом по проектно-изыскательскому управлению Главгидростроя МВД СССР от 20 августа 1949 г. № 513 «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на р. Волге» было предписано безотлагательно начать работы. Главными задачами были обозначены: «…снабжение дешевой электроэнергией промышленных предприятий Москвы, Куйбышева, Саратова; использование дешевой электроэнергии для орошения земель Поволжья; создание судоходных транзитных глубин на р. Волге от Чебоксар до Астрахани не менее 3,2 метра; создание дополнительного магистрального железнодорожного перехода через р. Волгу». Для выполнения задания предусматривалось в том числе: «…а) организовать проектное бюро Куйбышевской гидроэлектростанции с местопребыванием в г. Москва; б) …приступить к выполнению изысканий по Куйбышевской гидроэлектростанции…; в) организовать в г. Куйбышеве филиал Гидропроекта…» [44, л. 11, 12].

Подготовка проекта оказалась значительно сложнее, чем представлялось изначально. По версии, высказанной главным инженером Куйбышевгидростроя Н.В. Разиным, которая воспроизводится в публикациях по теме до настоящего времени, срок подготовительного этапа строительства Жигулевской ГЭС затянулся до 1953 г. [59, с. 346], но реально он был более продолжительным. Об этом свидетельствует протокол заседания Коллегии Министерства электростанций от 11 августа 1954 г., на котором был окончательно утвержден проект строительства ГЭС. Коллегия постановила: «…Принять, в основном, представленный Гидропроектом и рассмотренный экспертной комиссией Министерства электростанций технический проект на строительство Куйбышевской гидроэлектростанции со следующими основными показателями: установленная мощность 2100 тыс. кВт; гарантированная среднесуточная мощность 807 тыс. кВт; средняя многолетняя выработка электроэнергии 11,3 млрд кВт·ч; отметка нормального подпорного горизонта 53 м» [43, л. 2, 3 об.].

В 1953 г. на Волго-Усинском водоразделе также велись некие «крупные комплексные геофизические исследования» [20, л. 224]. Изыскательские работы продолжались здесь в 1954 г. [6, л. 10] и в 1955 г. [7, л. 14; 8, л. 92]. В мае 1955 г. в Министерство электростанций СССР был направлен схематический проект судоподъемника «…при Куйбышевской гидроэлектростанции. Местоположение этого судоподъемника выбрано в основании Самарской Луки у с. Переволоки…» [45, л. 9]. В данном случае Волго-Усинский перешеек не рассматривался в качестве места размещения гидроэлектростанции. Однако уже в следующем, 1956 г. этот вариант приобрел особую актуальность в связи с необходимостью повышения энергетических показателей всего Волго-Камского каскада ГЭС. Достижение этого планировалось увеличением объема стока вод Волги за счет «переброски» северных рек[1].

Причина столь энергичного принятия решений заключалась в необходимости скорейшего формирования Единой высоковольтной систе-

[1] Замысел «переброски» возник при разработке проекта комплексного использования водных ресурсов Волго-Камского бассейна еще в 1930-е гг. Предполагалось перенаправить часть стока Печоры, Вычегды и Северной Двины на юг, в русла Волги и Камы, повысив тем самым судоходные глубины [1, л. 5, 6, 17] . К этой теме вернулись в середине 1950-х гг. На основании Постановления СМ СССР от 9 февраля 1956 г. № 185-112сс был издан приказ министра электростанций от 23 февраля 1956 г. № 4с, которым утверждался план изыскательских и проектных работ института «Гидропроект» на 1956 г. Согласно этому плану, к 1 декабря 1956 г. следовало представить технико-экономический доклад по схеме переброски стока северных рек [46, л. 7, 11].

мы (ЕВС) (в последующие годы вместо данного термина стало использоваться понятие «Единая энергетическая система» – ЕЭС) Европейской части СССР для удовлетворения возрастающих потребностей страны в электрической энергии. В ЕВС следовало определить существующий баланс электромощностей на различных территориях, предусмотреть их развитие. В документах Гидропроекта это комментировалось следующим образом: «В связи с созданием ЕВС <...> становится совершенно очевидной значительная заниженность принятых установленных мощностей ГЭС <…> Увеличение уровней электропотребления по ЕВС к 1965 году в сочетании с разуплотнением графиков нагрузки в связи с переходом на 7-часовой рабочий день и увеличением удельного веса коммунально-бытового потребления должно привести к тому, что гидростанции в перспективе смогут развить в графике ЕВС значительно большую расчетную рабочую мощность…» [41, л. 4, 6, 7].

Так, еще до·окончания строительства Куйбышевской ГЭС начались проектные работы, направленные теперь уже на ее модернизацию. В проектном задании, подготовленном Гидропроектом в 1956 г., указывалось: «…В связи с постановкой вопроса переброски стока северных рек <…> рассмотрена возможность развития установленной мощности Куйбышевской ГЭС… Вариант первый – строительство на Волго-Усинском водоразделе деривационной гидроэлектростанции. Вариант второй – строительство гидроэлектростанции в створе сооружений Куйбышевской ГЭС» [38, л. 4].

При сопоставлении названных вариантов проектировщики пришли к выводу, что второй вариант («совмещенной гидростанции») наилучшим образом соответствует геологическим, экономическим и прочим условиям [42, л. 8]. Поэтому данный вариант в проектной документации был обозначен в качестве «второй очереди» строительства Куйбышевской ГЭС. Согласно ему, дополнительно к 20 гидроагрегатам на плотине Жигулевской ГЭС предполагалось установить 8 энергоблоков, работающих на потоках из водосливной плотины: «Гидроэлектростанция второй очереди располагается на существующей бетонной плотине, при этом водосливная часть плотины используется как водозаборное устройство, а водобой и рисберма ее – как основание напорных трубопроводов, подводящих воду к турбинам» [40, л. 5]. Помимо рациональной конструкции, у этого варианта имелось дополнительное достоинство: «…для выработки электроэнергии станцией используется около 215 куб. км, или 93 % полезного притока в водохранилище, а свыше 15 куб. км воды в среднем за год сбрасывается вхолостую через сооружения гидроузла. Таким образом, установка дополнительных агрегатов на гидроэлектростанции позволяет увеличить годовую выработку электроэнергии за счет уменьшения холостых сбросов и повысить суммарную располагаемую мощность ее» [36, л. 9 об.].

В проекте модернизации Куйбышевского гидроузла имелся упоминавшийся вариант «третьей очереди» на Волго-Усинском водоразделе. Проектирование данного варианта было в значительной мере облегчено благодаря как работам в 1950-х гг., так и исследованиям 1940 г. [39, л. 4]. «Третья очередь» получила официальное утверждение и вошла в состав планируемых объектов гидроэнергетики: «Проектное задание было утверждено заместителем министра электростанций… (решение от 20 ноября 1958 г. № ПЗ-174). В своем решении министерство определило: “Одобрить принятое в проектном задании увеличение установленной мощности гидроэлектростанции (II очередь) на 840 тыс. кВт в восьми агрегатах… В дальнейшем рассмотреть подробнее технико-экономические и производственные условия размещения дополнительной мощности гидроэлектростанции на Волго-Усинском водоразделе у с. Переволоки» [37, л. 3, 4]. На основании этого решения и технического задания МСЭС от 7 июня 1960 г. Гидропроектом в конце ноября 1960 г. было подготовлено сокращенное проектное задание.

Решением Технического совета МСЭС от 13 июля 1961 г. № 36 было обосновано, что более предпочтительным всё-таки является вариант Переволокской гидроэлектростанции. Были определены временные рамки осуществления этого проекта и сформулированы основные условия, предусматривающие не только возможности переброски части стока северных рек, но и окончание строительства основных гидросооружений Волго-Камского каскада: «…к строительству Переволокской гидростанции следует

приступить в конце будущего пятилетия и пустить ее в 1973 г., ко времени, когда будет осуществлена переброска р.р. Печоры и Вычегды в р. Волгу, дающая возможность использовать Переволокскую ГЭС на полную мощность <…> строительство Переволокской ГЭС будет эффективным после сооружения Саратовской, Чебоксарской и Нижне-Камской ГЭС <…> вариант увеличения мощности Волжской ГЭС путем сооружения Переволокской гидроэлектростанции <…> имеет значительные экономические преимущества <…> по сравнению с ранее представленным решением строительства гидроэлектростанции на рисберме действующей водосливной плотины» [22, л. 238].

1963–1964 гг. Проект Переволокского энергетического узла в составе Переволокской ГРЭС и Переволокской ГЭС

Решением Технического совета Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации СССР (такое наименование имело Министерство энергетики и электрификации СССР в 1963–1965 гг., далее – ГПКЭиЭ) была обозначена основа нового замысла энергоузла на Волго-Усинском водоразделе: «В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 8 июня 1962 г. № 570 Госплан СССР рассмотрел с участием Министерства энергетики и электрификации СССР и Главгаза СССР технико-экономические обоснования по выбору пункта строительства новой ГРЭС в районе Поволжья, предоставленные Министерством энергетики и электрификации СССР, и устанавливает <…> в качестве основного топлива для ГРЭС – природный газ (имея в виду ввод в действие газопроводов из Средней Азии и Казахстана в районы Европейской части СССР в 1967–1968 гг.) и в качестве резервного – высокосернистый мазут <…> Проектную мощность ГРЭС – 2800–3200 тыс. кВт с увеличением мощности…» [48, л. 242]. Таким образом, для проектируемого энергоузла планировалось задействовать новый источник энергии – природный газ. Получать его предполагалось из газопровода «Средняя Азия – Центр»[2].

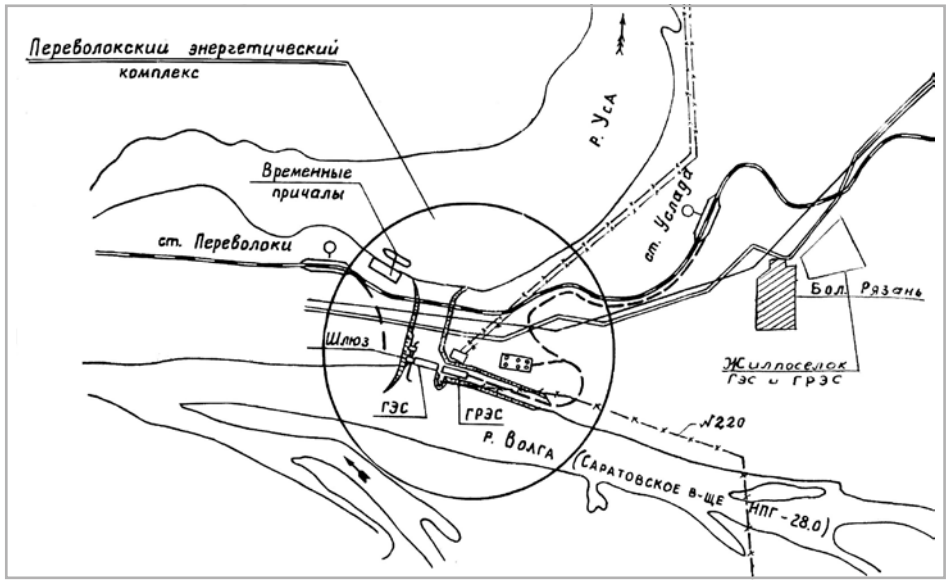

Рисунок 2. Переволокский энергетический комплекс. Схематическая карта района. Фрагмент. 1963 г. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 64. Л. 1

[2] Газопровод «Средняя Азия – Центр» – один из первых трансконтинентальных газопроводов, проектирование и строительство которого происходило в СССР в 1960-е гг. [51, с. 24].

Кроме указанной тепловой станции (ГРЭС) в состав энергоузла должна была войти гидроэлектростанция на канале через Переволокский перешеек (рис. 2).

По заданию ГПКЭиЭ, на основании распоряжения по институту «Гидропроект» от 15 апреля 1963 г. № 55, «по заданиям и графикам отдела переброски северных рек» был подготовлен технико-экономический доклад по Переволокскому энергетическому узлу [25, л. 93]. Как следует из приказа по Гидропроекту от 16 августа 1963 г. № 47, «Председатель ГПКЭиЭ СССР <…> приказом от 31 июля 1963 г. № 117 <…> утвердил разработанный институтом “Гидропроект” технико-экономический доклад о создании Переволокского энергетического комплекса» [24, л. 88–92]. Проектное задание Приволжской ГРЭС в составе Переволокского энергокомплекса было рассмотрено специальной комиссией, результат анализа зафиксирован в протоколе от 13 июня 1964 г. № 67. По итогам работы комиссии было принято решение: «…4. Одобрить выводы проектного задания <…> 7. Проектные материалы по Приволжской ГРЭС в увязке с Переволокской ГЭС представить в ГПКЭиЭ на утверждение» [27, л. 284–287].

В отчете о работе Куйбышевского филиала Гидропроекта за 1964 г. имеется описание будущего гидроэнергоузла: «В Переволокский энергокомплекс входят следующие сооружения: 1. Приволжская ГРЭС. Проектная мощность определена в 2800 тыс. кВт в составе шести энергетических блоков <…> Здание ГРЭС проектировалось Львовским отделением института “Теплоэлектропроект”, компоновки и техническое водоснабжение – Куйбышевским филиалом Гидропроекта <...> 2. Переволокская ГЭС. Установленная мощность 1800 тыс. кВт. В состав сооружений входит деривационный канал длиной 1,9 км <...> Имея общее водохранилище с Волжской ГЭС им. Ленина, Переволокская ГЭС будет совместно с ней участвовать в выработке э/энергии и покрытии графиков нагрузки. Дополнительная выработка электроэнергии после ввода в эксплуатацию Переволокской ГЭС составит 1,7 млрд кВт·ч, а после переброски северных рек в объеме до 40 куб. км в год – около 2,3 млрд кВт·ч. Судоходный шлюз. В связи с ростом грузооборота в створе Куйбышевского гидроузла пропускная способность построенных шлюзов будет исчерпана к 1975 г. Предусмотренный в проекте шлюз <…> обеспечит пропуск планируемых грузопотоков, <…> можно будет сократить пробег на 144 км…» [2, л. 110–112].

Проект Переволокского энергоузла в составе ГРЭС и ГЭС развития не получил. Наиболее вероятной причиной тому можно предположить изменение ВНИПИтрансгазом, проектировщиком газопровода «Средняя Азия – Центр», первоначального плана, по которому одновременно со строительством основной магистрали предполагалось ее соединение с элементами существующей газовой инфраструктуры европейской части страны: «В целях обеспечения маневренности в работе газопровода предложено предусмотреть пропускную способность газопровода на участке Петровское – КГМО [Кольцевой газопровод Московской области. – *М. Б.*] с учетом возможности подачи на этом участке всего газа, транспортируемого по газопроводу, т. е. без сброса его в газопровод Саратов – Горький – Череповец» [50, л. 2].

В данном эпизоде очень интересен сам факт поиска способа задействовать источники природной энергии для выработки электричества, превышающие ресурс естественного волжского стока, с тем чтобы гидравлическая энергия использовалась как вспомогательная. При взгляде на движение научно-технической мысли с такой точки зрения представляет интерес информация, указывающая на поиск способа адаптации гидроэлектростанций к решению этой задачи, а также расширения их функций с учетом потребностей растущих энергосистем и минимизации нагрузки на экологию речных бассейнов. По всей видимости, этим обусловлено появление темы «Гидроаккумулирующие электростанции» в плане проектно-изыскательских работ московского производства на 1959 г. [21, л. 24]. В отчете по основной деятельности московского производства Гидропроекта за 1961 г. дана развернутая характеристика работ по этой теме: «Институт в 1961 году продолжал работы по проектированию новых для энергосистем Советского Союза гидроаккумулирующих электростанций (ГАЭС). Был закон-

чен технико-экономический доклад по “Энерго-экономическому и инженерно-техническому обоснованию строительства ГАЭС в энергосистемах Юга, Центра, Поволжья, Урала и Западной Сибири” по материалам обследований 1959–1960 гг. Этим докладом была доказана необходимость и актуальность работы по ГАЭС и продолжение ее в 1962 г. с распространением на энергосистемы Северного Кавказа и Средней Азии, а также были выявлены первоочередные ГАЭС для строительства. Составлено 10 схематических проектов гидроаккумулирующих электростанций для систем Мосэнерго, Челябэнерго, Оренбургэнерго, Куйбышевэнерго, Харьковэнерго, Донбассэнерго, Киевэнерго и Винницкого энергетического управления. При этом по Киевской ГАЭС развернуть строительство <…> Загорская ГАЭС системы Мосэнерго и Зюраткульская ГАЭС системы Челябэнерго рекомендованы для строительства в ближайшие годы. По параметрам этих станций необходимо приступить с 1962 г. к разработке обратимых турбин <…> Проведенные институтом энергетические и технико-экономические обоснования строительства гидроаккумулирующих электростанций в системах Советского Союза доказали, что в энергетическом строительстве <…> ГАЭС должны занять необходимое место» [23, л. 21–22].

1968–1970 гг. Проект Переволокской ГЭС на деривационном канале и судоходного канала через Переволокский перешеек

Продолжение проектных работ по увеличению мощности Куйбышевского гидроузла, запланированных в конце 1950-х гг., по их масштабу и содержанию возможно выделить в отдельный этап. Он начался с распоряжения СМ СССР от 8 апреля 1968 г. № В-725с «О составлении проектного задания на строительство 2-й очереди Волжской ГЭС им. В.И. Ленина – Переволокской ГЭС на р. Волге» [29, л. 95]. Во исполнение распоряжения Министерством энергетики и электрификации было сформировано Техническое задание от 22 июля 1968 г., где окончание проектирования было назначено на IV квартал 1969 г. [19, л. 42]. Задание определенно являлось приоритетным среди прочих, на это указывает информация из отчета Куйбышевского филиала Гидропроекта за 1968 г.: «В связи со срочным выполнением изысканий по Переволокской ГЭС и Волжской ГЭС им. Ленина <…> экспедицией № 25 не выполнен тематический план работ по Волжской ГЭС им. Ленина на 1968 г.» [30, л. 2].

Место будущего строительства было выбрано на перешейке Самарской Луки, в наиболее пониженной и узкой его части, где расстояние между берегами Усинского залива Куйбышевского водохранилища с севера и руслом Волги на южной оконечности излучины составляет около 2 км. Разность отметок нормального подпорного горизонта здесь была определена равной 25 м. В зону строительства попадало с. Переволоки в составе 275 дворов с населением 945 человек, которых предполагалось переселить в близлежащие населенные пункты. Жителям 194 дворов предстояло переселение в пос. Междуреченск, 81 двора – в с. Печерское [18, л.1, 1 об.]. В Междуреченске планировалось строительство новых благоустроенных квартир в многоэтажных домах, новой школы. В подготовительные работы по организации строительной площадки были включены снос жилых и бытовых строений с последующей санобработкой территории, перенос трех кладбищ и сибироязвенного скотомогильника, лесоочистка [11, л. 7, 18]. В составе гидроузла планировалось строительство плотины Переволокской гидроэлектростанции на деривационном канале и судоходного канала со шлюзом (рис. 3).

Были рассмотрены и выбраны варианты сооружения переходов через каналы магистральных нефтепроводов, ЛЭП, линий связи, сооружения моста для железнодорожной ветки Сызрань – Жигулевск и автомобильной дороги Москва – Куйбышев [15, л. 4, 5; 13, л. 7; 14, л. 16; 12, л. 5–7; 10, л. 2]. Срок завершения основного объема земляных работ вместе с сооружением этих объектов был определен в четыре года [16, л. 14, 15].

Согласно плану Куйбышевского филиала Гидропроекта на 1969 г., окончание проектно-изыскательских работ было назначено на июнь 1969 г., а утверждение проектного задания было перенесено на 1970 г. [3, л. 4].

В плане на 1970 г. для доработок по проекту был отведен IV квартал и назначен год начала строительства – 1972-й [34, л. 17].

В общем виде проект был подготовлен уже в 1968 г. и заслужил высокую оценку со стороны Куйбышевского производственного объединения энергетики и электрификации «Куйбышевэнерго». На совместном совещании Технического совета Куйбышевэнерго и руководителей гидроэнергетики Куйбышевской области было принято решение: «Одобрить представленное на рассмотрение проектное задание Переволокской гидроэлектростанции. Отметить высокое качество, простоту и экономичность проекта» [17, л. 15–21]. В этом решении было рекомендовано приступить к подготовительным работам уже в ближайшее время, в 1969 г., с развертыванием строительства в 1970 г. и вводом первых агрегатов в 1975 г.

На согласование Куйбышевским исполнительным комитетом областного Совета депутатов трудящихся проект Переволокского гидроузла был представлен 11 августа 1969 г. В докладе заместителя начальника, главного инженера института «Гидропроект» доктора технических наук Н.А. Малышева были перечислены достоинства будущей гидроэлектростанции, включающие как улучшение условий судоходства, так и достижение высочайшего для своего времени уровня энерго-экономических показателей: «Переволокский гидроузел ждет комплексное значение <…> Волжская ГЭС им. В.И. Ленина и Переволокская ГЭС, суммарная мощность которых будет достигать 4,7 млн кВт, будут соединены с энергосистемами европейской части Советского Союза. Линии электропередач обеспечивают переброску больших мощностей на Урал, в Московскую энергосистему, в Поволжье и на юг страны <...> В техническом проекте Переволокской ГЭС рассмотрено два эксплуатационных этапа. На первом этапе Переволокская ГЭС будет работать как пиковая, а Волжская ГЭС им. В.И. Ленина – как базисная электростанция. На втором этапе работы Переволокская ГЭС и Волжская ГЭС им. В.И. Ленина поменяются ролями. Это изменение их участия в покрытии графиков нагрузки позволит выработать ежегодно дополнительно 700 млн кВт·ч электроэнергии» [18, л. 18–25]. В выступлении имелось упоминание негативного воздействия на течение р. Волги, а именно – образования противотечения Волги вдоль юж-

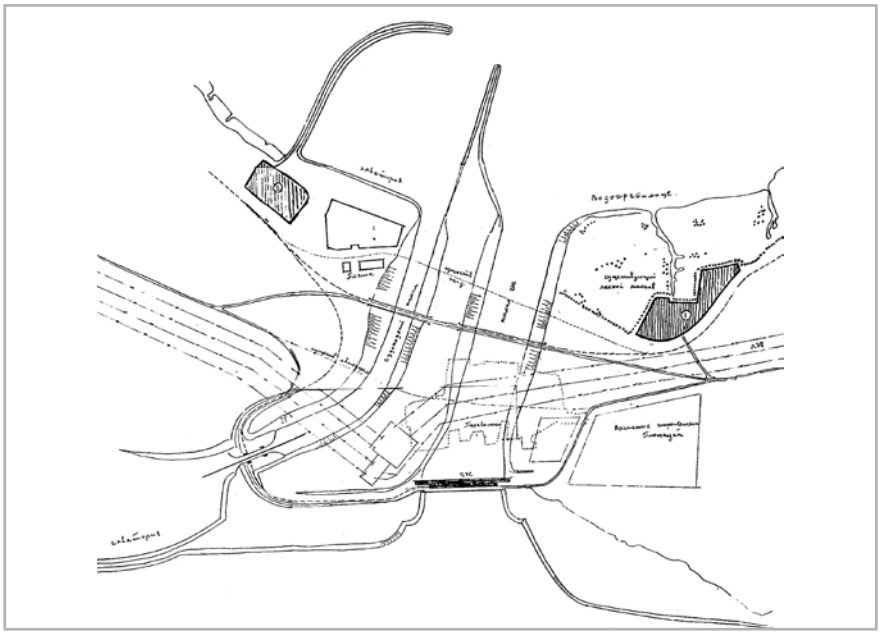

Рисунок 3. Ситуационный план судоходного канала
и деривационного канала с плотиной ГЭС. Схема. 1969 г.
РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 125. Л. 26

ного и юго-восточного абриса Самарской Луки, достигающего г. Куйбышева, на втором этапе из-за мощного водосброса проектируемой ГЭС. Ремарка не исчезла в потоке информации, слушатели обратили на нее самое пристальное внимание. В итоге совещание приняло постановление, практически полностью состоящее из перечня тревожных опасений, связанных с угрозой возникновения опасных последствий такого радикального изменения течения Волги, а также требований дополнительного изучения и согласований этого вопроса.

Первоначальный вариант был доработан на основе замечаний, сделанных Куйбышевским облисполкомом и касающихся главным образом вопросов обеспечения экологической безопасности региона, а также предложений Министерства речного флота РСФСР по ускорению сроков строительства, увеличению пропускной способности шлюзов и т. п. В конце 1969 г. – начале 1970 г. проект был вновь направлен на согласование. Несмотря на внесенные в него изменения и дополнения, касающиеся природоохранных мероприятий, со стороны организаций, ответственных за охрану, санитарное состояние и использование водных ресурсов, поступили отрицательные оценки перспектив работы проектируемой ГЭС и жесткие условия по изысканию способов и средств для недопущения негативных последствий этой работы.

Государственный проектный институт «Гидрокоммунводоканал» Министерства коммунального хозяйства 27 января 1970 г. согласовал проектное задание, но при условии выполнения дополнительных условий: «Эксплуатация Переволокской гидроэлектростанции на полную мощность (использование 79 % стока) возможна лишь только после завершения строительства канализационных очистных сооружений и осуществления санитарной очистки (планово-регулярной) в г.г. Жигулевске, Тольятти, Куйбышеве, Новокуйбышевске и Чапаевске…» [17, л. 22].

Куйбышевский научно-исследовательский институт гигиены Министерства здравоохранения РСФСР 20 февраля 1970 г. представил обстоятельное заключение, в котором внимание акцентировалось на изменении гидрологического режима Волги выше Переволокской ГЭС в результате ее работы: «…скорости течения у г. Куйбышева будут только отрицательные (обратные), около Тольятти – нулевые. Запланированные мероприятия не могут обеспечить должное санитарное состояние водоема в условиях эксплуатации Переволокской ГЭС <…> При обратных течениях загрязненные стоки могут доходить до водозаборов и отрицательно сказываться на качестве воды в водопроводе. С постройкой Переволокской ГЭС цветение сточных вод увеличится <…> Ввод в эксплуатацию Переволокской ГЭС может быть разрешен только при достижении удовлетворительной гигиенической эффективности очистки всех сточных вод…» [17, л. 25–28].

Существенные претензии были высказаны со стороны организаций, входящих в структуру Министерства рыбного хозяйства СССР. В аналитических записках от 18 февраля и 6 апреля 1970 г. содержался подробный разбор существующей экологической ситуации в районе предполагаемого строительства Переволокской ГЭС и ожидаемых последствий после ввода ее в действие. Анализ Министерства рыбного хозяйства СССР приводил к удручающим выводам: «Со строительством Переволокской ГЭС Усинский залив потеряет значение как нерестилище. Изменение гидрологического режима, интенсивное судоходство, сплав леса (и связанное с этим загрязнение) нарушат нерестовые миграционные пути рыбы. <…> участок Саратовского водохранилища от Переволок до плотины ГЭС им. В.И. Ленина полностью потеряет рыбохозяйственное значение» [9, л. 42, 43].

Работы по Переволокской ГЭС были прекращены в том же году. В уточненном варианте плана проектно-изыскательских работ на 1970 г. Куйбышевского филиала Гидропроекта от 27 августа 1970 г. значилось: «…по Переволокской ГЭС прекращены работы; в настоящее время ведется камеральная обработка геологических полевых материалов» [4, л. 90–90 об.]. Из отчета о работе экспедиции № 25 Куйбышевского филиала Гидропроекта за 1970 г. следует, что это прекращение было «непредвиденным»: «Во II квартале, в соответствии с распоряжением Гидропроек-

та, были проведены ликвидационные работы: окончание документации, <…> извлечение труб из разведочных и наблюдательных скважин, укладка керна, вывозка оборудования <…> Осложняющим обстоятельством в деятельности экспедиции в истекшем году было непредвиденное прекращение изысканий по Переволокской ГЭС...» [35, л. 27, 121].

Указания на главное препятствие для осуществления проекта Переволокской ГЭС содержатся в протоколе Технического совета института «Гидропроект» от 21 июля 1970 г. № 48, в котором зафиксировано решение обратиться с ходатайством в Минэнерго о переносе срока представления доработок к проекту. Лейтмотивом обсуждения являлась тема негативного влияния проектируемой ГЭС на состояние Волги в районе Самарской Луки: «…куйбышевские областные организации при согласовании проекта Переволокской ГЭС решительно возражали против какого-либо уменьшения объема стока Волги…», «…независимо от состояния очистных сооружений <…> проект ГЭС местными властями согласован не будет…». Совету была сообщена сторонняя оценка Переволокской гидроэлектростанции: стенограмма Технического совета зафиксировала эмоциональную реплику о том, что само это название «действует как красная тряпка» [32, л. 2, 4, 10]. Обращает на себя внимание то, что заседание Технического совета было посвящено по большей части не выполненной работе, а возможности преобразования запроектированной ГЭС в ГАЭС. Это требовало дополнительных затрат, но, по общему мнению, имело шанс обеспечить удовлетворительные санитарно-экологические последствия. Вскоре, 3 сентября 1970 г., Технический совет возобновил свою работу по этой повестке. Следуя логике изменений в видении специалистами Гидропроекта будущей гидроэлектростанции, это событие можно считать прелюдией к новому этапу проектирования.

1978–1981 гг. Проект Жигулевской (Средневолжской № 1) ГАЭС в комплексе с Тольяттинской АЭС

Известно, что интерес к такой разновидности гидростанций, как ГАЭС, в Гидропроекте возник в конце 1950-х гг. К концу 1960-х гг. планировалось начало практической реализации теоретических разработок. Так, из приказа от 18 января 1968 г. № 15 по институту следует: «…Гидропроект предполагает в ближайшей перспективе развернуть проектирование указанных электростанций, намечаемых к строительству в новой пятилетке. <…> 1. Дальнейшее проектирование гидроаккумулирующих станций (ГАЭС) на всех стадиях возложить с 1 февраля с. г. на отдел Волжских ГЭС» [28, л. 55]. Впрочем, как уже известно, данное намерение на содержание проекта Переволокской ГЭС не повлияло.

Уместно вспомнить, что проектировщики Переволокской ГЭС в 1968 г. получали рекомендации по пересмотру проекта в пользу ГАЭС (информация об этом содержится в протоколе совместного совещания Технического совета Куйбышевэнерго и руководителей гидроэнергетики Куйбышевской области, решение которого приведено выше), но не воспользовались этой возможностью[3].

[3] При прочтении документов создается ощущение, что над проектировщиками довлела некая установка, побуждающая к соблюдению максимальной экономии времени и средств. Возможно, таковым являлось требование избегать удорожания сметной стоимости энергетических объектов, которое было адресовано проектным институтам, в том числе напрямую Гидропроекту, в приказе председателя ГПКЭиЭ от 2 ноября 1964 г. № 278 [49, л. 1–5]. Также есть основания предполагать, что причиной спешки и стремления к достижению максимальных показателей являлся приближающийся срок знаковых и исторических вех: окончание пятилетки, 100-летний юбилей рождения В.И. Ленина, 50-летний юбилей принятия плана ГОЭЛРО в 1970 г. Этими праздничными поводами были ознаменованы многие достижения, о которых отрапортовали коллективы энергетиков и энергостроителей, как это следует из приказа министра энергетики и электрификации СССР от 31 декабря 1970 г. № 315 [31, л. 271–272 об.]. Но Переволокской ГЭС среди достижений юбилейного года оказаться было не суждено.

Как упоминалось, 3 сентября 1970 г. Технический совет Гидропроекта приступил к рассмотрению возможных перспектив проекта Переволокской ГАЭС. В результате 16 октября 1970 г. советом было принято решение № 73, в котором были обозначены вопросы стратегического характера о совершенствовании Единой энергетической системы, о необходимости строительства Переволокской ГЭС-ГАЭС для ее развития, об упорядочении системы водопользования региона Самарской Луки и т. д. И всё же заключение содержало сомнение в рациональности дополнительных затрат на сооружение Переволокской ГАЭС с теми же энергетическими показателями, которые планировались для ГЭС, по причине опять-таки уязвимости состояния Волги [33, л. 41–63]. Несмотря на данную скептическую оценку, идея создания ГАЭС на Самарской Луке возникла вновь.

В ведомственном выпуске Гидропроекта 1982 г. представлены перспективы строительства гидростанций СССР согласно Постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 9 октября 1980 г. № 878. В перечне гидроаккумулирующих станций, строительство которых должно было быть начато в 1986–1990 гг., фигурирует Средневолжская ГАЭС № 1 на Волго-Усинском водоразделе [58, с. 5]. Из отчета Куйбышевского филиала института «Гидропроект» за 1980 г. известно, что Средневолжская ГАЭС № 1 была включена в указанное постановление как часть комплекса вместе с Тольяттинской атомной электростанцией: «ТЭО [технико-экономическое обоснование. – *М. Б.*] Жигулевской ГАЭС разрабатывается на основании задания-программы № 162, утвержденной Минэнерго СССР 17 декабря 1978 г. Срок окончания разработки ТЭО намечен планом проектно-изыскательских работ ГлавНИИпроекта на конец 1981 г. В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР о перспективах развития гидроэнергетики указывается срок выпуска ТЭО Средневолжской ГАЭС № 1 в Куйбышевской области (под этим названием понимается Жигулевская ГАЭС) – 1982 г. В 1980 г. отделом экспертизы Гидропроекта была проведена экспертиза материалов ТЭО к выбору пункта размещения Жигулевской ГАЭС в составе энергокомплекса с Тольяттинской АЭС…» [5, л. 23, 24].

На этот раз в составе проектируемых сооружений судоходный канал не предусматривался, разрабатывались только электроэнергетические объекты (рис. 4, 5). Известны их основные характеристики и, что особен-

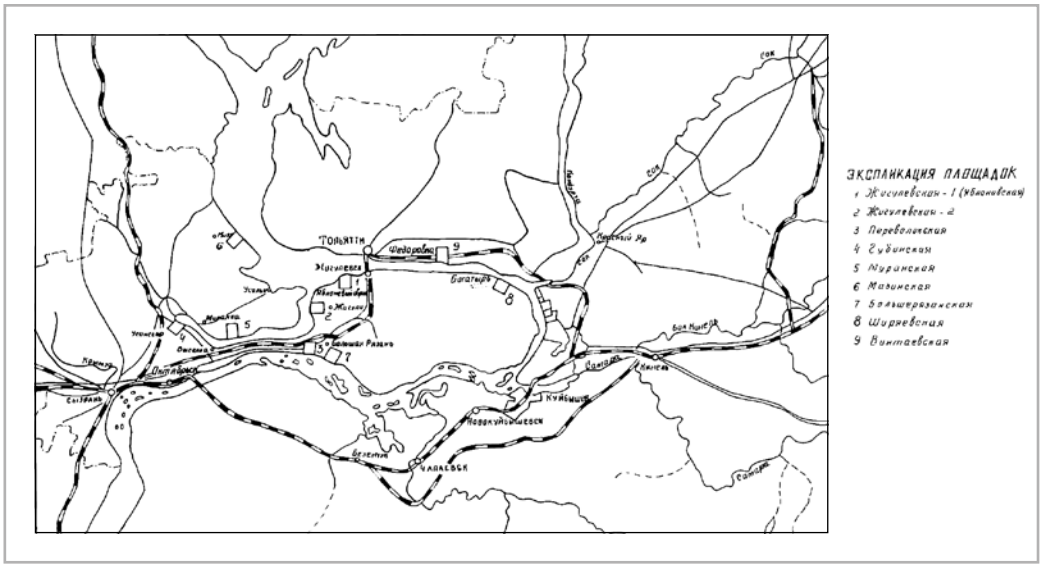

Рисунок 4. Варианты расположения площадок ГАЭС Жигулевского энергокомплекса. Схема. 1979–1981 гг.

но важно, – причина прекращения работ по проекту. Эти сведения содержатся в отчете «О результатах инженерно-геологических изысканий, проведенных в 1979–1981 гг. для технико-экономического обоснования Жигулевской ГАЭС в комплексе с Тольяттинской АЭС в Куйбышевской области» Куйбышевского филиала Гидропроекта. «…Выбор местоположения ГАЭС намечалось провести по 9-ти площадкам <…> В соответствии с решением Минэнерго СССР за № ФО-3947 от 30 марта 1979 г. и 29 июня 1979 г. УралТЭПу [Уральскому отделению Теплоэлектропроекта. – *М. Б.*] совместно с Куйбышевгидропроектом была поручена разработка ТЭО Тольяттинской АЭС в комплексе с Жигулевской ГАЭС <…> УралТЭП, являющийся генпроектировщиком по объекту в целом, разрабатывал ТЭО комплекса сооружений Тольяттинской атомной электростанции мощностью 6 млн кВт, Куйбышевгидропроект выполнял проектные работы по сооружениям гидроаккумулирующей электростанции мощностью 2 млн кВт <...> Намеченный комплекс изысканий Жигулевской ГАЭС и Тольяттинской АЭС не был завершен в связи с организацией на Самарской Луке национального парка и аннулированием Куйбышевским облисполкомом разрешения на проектно-изыскательские работы по энергокомплексу» [57, с. 11–13].

Итак, и на этот раз осуществления проекта энергетического комплекса на Самарской Луке в составе Тольяттинской АЭС и Средневолжской № 1 (Жигулевской) ГАЭС не произошло. И на этот раз решающим в выборе между достижением экономических выгод и обеспечением сохранности природных богатств Самарского края оказалось слово Куйбышевского исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся. Стоит отметить, что аннулирование разрешения на проектно-изыскательские работы произошло за три года до основания национального парка, созданного в 1984 г.

Выводы

1. Рассмотрение событий, связанных с проектированием и сооружением энергоузла в районе Самарской Луки, пополняет материал для реконструкции процесса создания Единой энергетической системы СССР. Данные о нереализованных проектах позволяют более объективно оценивать судьбу осуществленных альтернатив, в том числе с использованием иных видов природной энергии, развитие

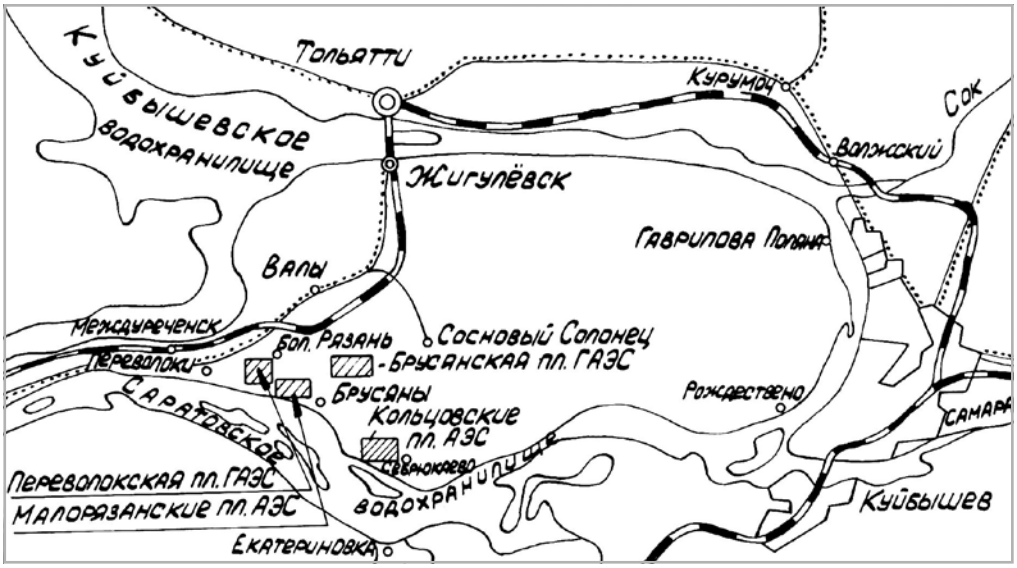

Рисунок 5. Варианты расположения площадок Жигулевского энергокомплекса на Самарской Луке. Схема. 1979–1981 гг.

научно-технической мысли в области отечественной энергетики.

2. Рассмотрение неосуществленных проектов по созданию энергоузла в районе Самарской Луки имеет ценность для составления картины экологического самосознания в СССР, развития государственного контроля в деле охраны окружающей среды, в частности, роли ответственных решений руководства Куйбышевской области в этом процессе.

Заключение

23 декабря 2008 г., со дня подачи заявки № 2008151333/03, начался срок действия патента RU 2475588 C2 «Способ создания условий для предотвращения затопления территории Балаковской атомной электростанции», зарегистрированного Федеральной службой по интеллектуальной собственности Российской Федерации. В преамбуле к описанию запатентованного изобретения излагаются опасения постепенного саморазрушения Жигулевской ГЭС из-за вибраций, имеющих признаки микроземлетрясений, создаваемых сбросами воды через плотину. Для доказательства реально существующей угрозы приводятся опубликованные в СМИ мнения ученых-экспертов и официальных лиц. Необходимо отметить, что в перечне обоснования предмета изобретения научные работы по указанной проблематике отсутствуют.

В патенте для устранения опасности предлагается новация, по своей сути повторяющая уже пройденные ранее этапы проектирования гидротехнических сооружений на Переволокском перешейке. «…Для устранения вибраций под основанием гидросооружений Жигулевской ГЭС необходимо весь избыточный сток волжской воды направить <…> в акваторию Саратовского водохранилища через водопропускные тоннели в районе населенного пункта Переволоки, где ширина перешейка между Жигулевским и Саратовским водохранилищами не превышает двух километров <…> необходимо завершить строительство новой ГЭС, гидроагрегаты которой будут использовать энергию воды, поступающей по водопропускным тоннелям из Жигулевского водохранилища, имеющего отметку +53 метра по балтийской системе высот, в Саратовское водохранилище, имеющее отметку +28 метров…» [56, с. 5, 6].

Не очевидно, что идея такого рода, даже облеченная в вид официально признанного изобретения, может повлиять на осуществление очередного проекта по управлению течением Волги в районе Самарской Луки. Но, принимая во внимание реалии современной рыночной конъюнктуры, полностью это исключить невозможно. С учетом изложенного здесь следует вновь обратить внимание на то, что в Российском государственном архиве в г. Самаре хранится целый пласт информации, освещающий неоднократные аналогичные попытки вмешаться в естественный порядок вещей, предпринятые в XX в., и включающий компетентные мнения по поводу негативных последствий таких действий, а также содержащий результаты исследований тех самых явлений, которые послужили причиной появления уже в XXI в. очередного проекта гидроэнергоузла в Самарском Поволжье.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре). Ф. Р-26. Оп. 3-4. Д. 58.
2. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 1-6. Д. 254.
3. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 1-6. Д. 352.
4. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 1-6. Д. 377.
5. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 1-6. Д. 616.
6. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 2-6. Д. 1.
7. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 2-6. Д. 3.
8. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 2-6. Д. 4.

9. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 12.
10. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 87.
11. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 88.
12. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 93.
13. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 96.
14. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 97.
15. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 100.
16. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 106.
17. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 115.
18. РГА в г. Самаре. Ф. Р-28. Оп. 7-4. Д. 125.
19. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 69.
20. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 124.
21. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 177.
22. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 209.
23. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 218.
24. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 260.
25. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 261.
26. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 266.
27. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 302.
28. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 653.
29. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 654.
30. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 698.
31. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 818.
32. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 832.
33. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 833.
34. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 846.
35. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 1-6. Д. 873.
36. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 138.
37. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 146.
38. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 165.
39. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 167.
40. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 169.
41. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 170.
42. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 174.
43. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 4-4. Д. 175.
44. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 6-6. Д. 2.
45. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 6-6. Д. 17.
46. РГА в г. Самаре. Ф. Р-109. Оп. 6-6. Д. 25.
47. РГА в г. Самаре. Ф. Р-249. Оп. 1-1. Д. 41.
48. РГА в г. Самаре. Ф. Р-272. Оп. 9-6. Д. 373.
49. РГА в г. Самаре. Ф. Р-272. Оп. 9-6. Д. 395.
50. Центральный государственный научно-технический архив Украины. Ф. Р-84. Оп. 5. Группа 1-254. URL: https://cdnta.archives.gov.ua/images/opis/CDNTAU_1-254_1_1-197.pdf (дата обращения: 17.07.2022).
51. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1969–1978. Т. 6. 678 с.
52. *Бурдин Е.А.* Волгострой начинался в Самаре // Вестник УлГТУ. 2010. № 4. 80 с.
53. *Бурдин Е.А.* Опыт проектирования Куйбышевского и Сталинградского гидроузлов в 1949–1962 гг. // Вестник УлГТУ. 2011. № 1. 80 с.
54. *Бурдин Е.А.* Основные факторы сооружения Волжского каскада гидроузлов (1930–1950-е годы) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. 150 с.
55. *Бурдин Е.А.* Проектно-изыскательские исследования по Куйбышевскому гидроузлу в 1919–1940 гг. // Вестник УлГТУ. 2011. № 1. 80 с.

56. Описание изобретения к патенту RU 2475588 C2 «Способ создания условий для предотвращения затопления территории Балаковской атомной электростанции». URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2475588C2_20130220.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

57. Отчет о результатах инженерно-геологических изысканий, проведенных в 1979–1981 гг. для технико-экономического обоснования Жигулевской ГАЭС в комплексе с Тольяттинской АЭС в Куйбышевской области. Куйбышев. 1987 г. // Электронный каталог геологических документов – Российский федеральный геологический фонд. URL: https://efgi.ru (дата обращения: 15.07.2022).

58. Программа строительства гидравлических и гидроаккумулирующих электростанций на 1981–1990 гг. М., 1982. 61 с.

59. *Разин Н.В.* Куйбышевская гидроэлектростанция // Энергетическое строительство СССР за 40 лет (1917–1957 гг.). М. – Л. : Государственное энергетическое издательство, 1958. 398 с.

60. *Синельник А.К.* Градостроительная история Самарского края. Самара : ООО НВФ «СМС» : Самарская государственная архитектурная академия, 2000. 192 с.

Сведения об авторе

Борисов Максим Вениаминович, главный специалист отдела сохранности и государственного учета документов Российского государственного архива в г. Самаре.

E-mail: mirmasterov@mail.ru

Для цитирования

Борисов М.В. Энергоузел у Самарской Луки: замыслы и судьбы проектов // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 55–70.

УДК 908+378

ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ г. КУЙБЫШЕВА НА ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС 1966–1967 гг. (по документам Самарского областного государственного архива социально-политической истории)

IDEOLOGICAL REFLECTION RESEARCH OF THE TECHNICAL UNIVERSITIES' INTELLIGENTSIA IN THE CITY OF KUIBYSHEV ON THE DECISIONS OF THE CPSU CENTRAL COMMITTEE DATED 1966–1967 (according to the documents of the Samara Regional State Archive of Socio-Political History)

Д.Л. Головашкин
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва;
Институт систем обработки изображений РАН — филиал Федерального государственного учреждения «Федеральный научно-исследовательский центр "Кристаллография и фотоника" Российской академии наук»
(Россия, Самара)

D.L. Golovashkin
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev;
Image Processing Systems Institute – branch of the Federal Scientific Research Centere «Crystallography and Photonics» of Russian Academy of Sciences
(Samara, Russia)

Аннотация. На примере двух постановлений ЦК КПСС и архивных материалов Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ), с ними связанных, исследуются идеологическое воздействие на интеллигенцию технических вузов г. Куйбышева в 1967–1968 гг. и отклик на него. Делаются выводы о субъекте и объекте воздействия, отмечаются особенности идеологического отклика.

Abstract. On the example of two resolutions of the Central Committee of the CPSU and archival materials of SRASPH associated with them, the ideological impact on the intelligentsia of technical universities in the city of Kuibyshev in 1967–1968 is studied and response to it. Conclusions are drawn about the subject and object of influence, the features of the ideological response are noted.

Ключевые слова: постановления ЦК КПСС, интеллигенция технических вузов, идеология.

Keywords: resolutions of the Central Committee of the CPSU, intelligentsia of technical universities, ideology.

Введение

История отечественной интеллигенции длительное время составляла предмет исключительно исторической науки, пока усилиями В.С. Меметова не получило развитие *интеллигентоведение* – междисциплинарное направление на стыке философии, истории, социологии и культурологии [4, с. 37]. Не углубляясь в обсуждение многочисленных определений самого понятия «интеллигенция» (направим интересующегося читателя к обзорной работе [7]), отметим лишь такую важную, на наш взгляд, особенность, свойственную интеллигенции в наибольшей степени в отличие от других социальных групп, как способность к рефлексии, – тем более важную в рамках интеллигентоведения, где интеллигенция является как объектом, так и субъектом исследования. Рефлексия, вместе с упомянутой и еще шире понимаемой междисциплинарностью, и послужила причиной выбора интеллигенции технических вузов (будем отличать ее от более узкого понятия научно-технической вузовской интеллигенции, к которой не принадлежат, например, сотрудники кафедр общественных наук) как предмета предлагаемого читателю рассмотрения за авторством непрофессионального историка.

Под идеологической рефлексией здесь будем понимать отклик предмета исследования на идеологическое воздействие, задаваемое двумя постановлениями ЦК КПСС – от 3 сентября 1966 г. и 14 августа 1967 г., во многом характеризующими начало того исторического периода, что принято именовать «брежневским». Значимость второго постановления подтверждается его широким обсуждением в научной исторической литературе как того времени (например, первая работа [3] вышла уже через год после публикации в том же журнале самого постановления [10]), так и современной [8, с. 31–32]. Интерес к первому постановлению обусловлен возможностью наблюдать с его помощью идеологическое воздействие в динамике. Автор настоящей работы не обнаружил публикаций, посвященных воздействию обсуждаемых постановлений на куйбышевскую интеллигенцию (тем более основанных на архивных материалах); предлагаемое исследование ориентировано на восполнение указанного недостатка. Об актуальности настоящего рассмотрения свидетельствует неослабевающий интерес к истории куйбышевской научно-технической интеллигенции того времени [6; 13].

1. Два постановления ЦК КПСС

Предваряя представление и обсуждение архивных документов, кратко охарактеризуем причины, инициировавшие их появление, а именно постановления ЦК КПСС от 3 сентября 1966 г. и 14 августа 1967 г., рассмотрев их в хронологическом порядке и интересуясь исключительно идеологическим содержанием.

Первое, как следует из названия постановления [11], адресовано партийным органам и работникам высшего и среднего специального образования. В описательной части подчеркивается несоответствие положения дел в образовании задачам XXIII съезда КПСС, а именно: «Партийные органы некоторых республик и областей ослабили внимание к идейно-воспитательной работе среди студентов и учащихся, снизили требовательность к органам по руководству учебными заведениями, к партийным и комсомольским организациям высших и средних специальных учебных заведений» [11]. В резолютивной части постановления из идеологических мероприятий предписывается лишь организация нескольких институтов повышения квалификации преподавателей общественных наук.

Второе постановление носит значительно более выраженный идеологический характер и адресовано не только партийным и вузовским работникам (в отличие от предыдущего постановления преимущественно сотрудникам общественных кафедр), но и академическому сообществу (также обществоведческому). К обобщающей формулировке описательной части следует отнести следующее: «Наблюдается отставание в исследовании фундаментальных теоретических проблем, всесторонне раскрывающих механизм действия закономерностей современного общественного развития» [10, с. 5].

В резолютивной части от адресата ожидается принятие действенных мер по устранению указанного недостатка. Среди них: «…разработка проблем социальной структуры обще-

ства, совершенствования социалистических общественных отношений и их перерастания в коммунистические; выработка методологии научного предвидения развития социальных процессов; исследование закономерностей общественного сознания; теоретическая разработка проблем личности и коллектива, общества и государства…» [10, с. 6], «…выявление социальных результатов научно-технической революции…» [10, с. 7]. Постановление однозначно свидетельствует о серьезных идеологических проблемах, вызванных усложнением объекта идеологического воздействия (советского общества) и несоответствием ему имеющегося идеологического инструментария.

2. Стенограмма областного совещания преподавателей общественных наук высших и средних учебных заведений от 29 сентября 1967 г.

Хронологически первым зафиксированным в СОГАСПИ идеологическим откликом интеллигенции технических вузов г. Куйбышева является «Стенограмма областного совещания преподавателей общественных наук высших и средних учебных заведений» [1], повесткой которого объявляется постановление [10]. Основной докладчик, А.Г. Окулов (директор института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС), в первой части выступления фактически пересказывает постановление, значительно обостряя (очевидно, не в инициативном порядке) его критическую направленность. В частности, он указывает на разрыв естествознания и обществознания, неразвитость социальной психологии, отсутствие информации об изменении классового состава советского общества, проблемы философского анализа отдельной человеческой личности, выпадение из тематики социологических исследований мировоззрения советского студенчества, беззубость критики буржуазной философии и социологии, недостаток партийной страстности (sic!) [1, л. 11–22]. Касательно последнего отметим, что в идеологической работе действительно много театрального и фальшивая игра категорически недопустима. Однако страстность, являясь индикатором уровня социальной энергии, не регулируется постановлениями ЦК.

Во второй части выступления упоминается недельная инспекция сотрудниками института научного атеизма обществоведческих кафедр куйбышевских вузов и ее результаты. Признается слабость кадрового состава кафедр (из 285 преподавателей – шесть профессоров) и недостаточность научной активности, заметная на фоне других городов [1, л. 25–28]. Указывается и на общий недостаток всего советского обществоведения, когда преподаватели устраняются от обсуждения с молодежью насущных вопросов современности [1, л. 29].

Особенный интерес представляют ответные выступления в прениях сотрудников куйбышевских технических вузов, освещающие рефлексию научно-технической и научно-обществоведческой интеллигенции и сами такой рефлексией являющиеся. Так, заведующий кафедрой истории КПСС политехнического института К.Я. Няшкин обращает внимание на «мягкотелость» кафедр общественных наук, нежелание разрабатывать крупные научные темы, робость и леность мысли, заорганизованность, отсутствие достаточного финансирования и несогласованность тематик исследований (почему-то приводя в пример кафедру математики) [1, л. 37–44]. То есть, он признает собственную профессиональную непригодность в ходе ритуала «разоружения перед партией», традиционного в данном формате дискуссии. В противоположность ему секретарь парткома того же вуза М.В. Калмыков указывает на идеологическую активность его парторганизации, упоминая проведение 32 семинаров для преподавателей технических дисциплин и привлечение научно-технических кадров (12 человек) к пропагандистской работе [1, л. 53]. Отметим массированность идеологического воздействия на научно-техническую интеллигенцию политехнического института и одну из наиболее эффективных форм воздействия, когда к ведению пропаганды привлекаются сами ученые технических отраслей. Действительно, нет лучшего средства проникнуться определенной идеологией, чем стать ее проводником. Кроме того, между студентами и преподавателем технических дисциплин зачастую устанавливаются доверительные отношения на основе исчерпывающего владения

последним предметной областью. Пользуясь этими отношениями, преподавателю удается (иногда даже неосознанно) в ненавязчивой форме транслировать студентам свои политические взгляды без отторжения. Учитывая, что все преподаватели – бывшие студенты, упомянутая трансляция «преподаватель – студент» фактически направлена в существенной степени и на преподавателей, пусть и с некоторой временной задержкой.

Вместе с тем в выступлении Кветного, заведующего кафедрой научного коммунизма авиационного института, приводятся примеры идеологических неудач. Так, «На втором курсе при изучении Тезисов Центрального Комитета КПСС мне был задан такой вопрос – если социалистическая революция составляет закономерность неизбежного развития буржуазного общества, то почему же так подчеркивается сознательное начало» [1, л. 67]. Здесь поневоле вспоминается беспощадная критика исторического материализма С.Г. Кара-Мурзой, по мнению которого истмат «идейно подготовил перестройку» [5]; даже само название работы – «Официальное советское обществоведение и незнание общества, в котором мы живем» [5] – превосходно коррелирует с духом постановления [10].

3. Справки вузов о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 сентября 1966 г. № 729 «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием»

Далее рассмотрим архивный документ СОГАСПИ [2] (датированный декабрем 1967 г.), формально являющийся отчетом по выполнению [11], в действительности имеющий в идеологической части непосредственное отношение к [10]. Как уже отмечалось, идеологическая направленность [10] выражена значительно отчетливей и в [11] зачастую отсутствуют те директивы, о выполнении которых отчитываются в [2]. При этом, сопоставляя даты [2] и [10], не следует удивляться столь скорой реакции парторганизаций вузов на свежее постановление ЦК; ведь согласно [1, л. 3, 4] работа над [10] велась два года, сопровождаясь несколькими совещаниями идеологических работников, созданием ряда комиссий общей численностью свыше 400 ученых, в силу чего неизбежно носила публичный характер.

Открывает [2] справка Куйбышевского политехнического института (от 6 декабря 1967 г.), подписанная в том числе ранее упомянутым М.В. Калмыковым, не содержащая, однако, тех идеологических мероприятий, на которые он обращал внимание в [1, л. 53]. Предположим, что ему было указано на неуместность демонстрации этих успехов в ходе «разоружения перед партией». Однако даже без них работа парткома политехнического института впечатляет: за год для научно-технических сотрудников прочитано семь лекций; проведено несколько конференций (в том числе молодежных), приуроченных к 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции; в рамках празднования той же годовщины проведены диспуты и литературные вечера (в том числе по актуальным молодежным темам); отдельно отслеживались успехи каждого студента по общественным наукам; на общественных началах создана социологическая лаборатория, одним из направлений деятельности которой положено изучение мировоззрения студенчества [2, л. 3–6]. Примечательно, что последнее мероприятие является точным исполнением одного из предписаний [10], хотя в [2] оно приурочено к [11], где об этом ни слова. Анализируя многочисленные методы идеологического воздействия, упомянутые в рассматриваемой справке, отметим направленность большей части из них на идеологическое освещение прошлого, заметная доля посвящена настоящему, и ни одно из мероприятий не формирует у научно-технической интеллигенции картины будущего, хотя в доктринальном издании [12] этому формально уделяется большое внимание. Подчеркнем размывание картины будущего как характеризующую всю наступившую брежневскую эпоху в целом особенность, о чем пишет на основании другого материала в своей докторской диссертации С.И. Никонова [9].

Далее в [2] следует справка Куйбышевского авиационного института (без даты, однако по различным признакам относящаяся к ноябрю-декабрю 1967 г). Из идеологических мероприятий, представленных в ней и направленных на научно-техническую интел-

лигенцию, выделим следующие: семинары профессорско-преподавательского состава по вопросам логики, педагогики, философским проблемам естествознания и техники (к политпросвещению привлечены все преподаватели); рассказы преподавателей о посещении капиталистических стран; социологические исследования среди студентов [2, л. 20–23, 31]. В перечисление не попали многочисленные мероприятия из справки, проведение которых не подтверждено никакими конкретными данными (темами лекций, названиями конференций и т. п.). Подобного рода «действиями без подробностей», в отличие от справки политехнического института, изобилует рассматриваемая. Учитывая скрупулезность в представлении конкретных данных в неидеологическом разделе изучаемой справки, предположительно отнесем «действия без подробностей» к произведенным преимущественно на бумаге. Кроме того, умалчиваются результаты социологических опросов (завершившихся за полгода до времени представления справки), в то время как все научно-технические достижения представлены достаточно подробно. Данное замечание предполагает либо несерьезное отношение к упомянутым результатам опросов (следовательно, такое же отношение к [10]), либо несоответствие этих результатов ожиданиям (что еще примечательнее).

На фоне предыдущих материалов из [2] лаконичностью идеологического содержания отличается справка-отчет Куйбышевского инженерно-строительного института (без даты). В качестве достижений в ней отмечаются лишь хорошая успеваемость студентов-коммунистов и завершение на кафедре истории КПСС работы под названием «История партийных организаций Среднего Поволжья» [2, л. 41, 48]. Учитывая еще и пассивность представителей парторганизации и обществоведческих кафедр инженерно-строительного института (ни одного выступления) на областном совещании 29 сентября 1967 г., можно говорить о провале там идеологической работы. Еще более резкой характеристики заслуживает справка-доклад Куйбышевского электротехнического института связи (датирована 24 ноября 1967 г.), не содержащая никакой конкретной и доказательной информации о действительной идеологической работе в этом институте [2, л. 52–58]. Под ней даже отсутствует подпись секретаря парткома, хотя справка посвящена отчету о выполнении постановления ЦК. Примем изложенное как идеологическую рефлексию научной интеллигенции двух последних технических вузов на постановления [10] и [11]. Партийные организации инженерно-строительного института и электротехнического института связи, состоящие в том числе и из научно-технических работников, проявили себя совершенно безынициативно, не организовав предписанное упомянутыми постановлениями идеологическое воздействие ни на студентов, ни на своих коллег по работе; последние, в свою очередь, также не потребовали исполнения постановлений (отсутствие «инициативы снизу»).

Заключение

Вторая половина 1960-х гг. характеризуется складыванием предпосылок к кризису советской идеологии, что подтверждается на примере интеллигенции технических вузов г. Куйбышева.

1. ЦК КПСС утратил ясное понимание объекта идеологического воздействия и обращается за помощью к ученым-обществоведам, в том числе куйбышевским, с просьбой о проведении социологических поисковых исследований.

2. Научное сообщество технических вузов г. Куйбышева не охвачено фрондирующими настроениями, проявляющимися во второй половине 1960-х в некоторых университетских городах [14]. Одна его часть активно вовлечена в идеологическую работу (в политехническом институте в большей степени, в авиационном – в меньшей), другая устранилась от такого участия (в инженерно-строительном институте и электротехническом институте связи).

3. На основе архивных данных документально подтверждается мнение С.Г. Кара-Мурзы [5] о негативном влиянии механистического понимания исторического процесса на результаты идеологической работы.

4. Подтверждается отступление советской идеологии от формирования образа будущего, отмеченное С.И. Никоновой [9].

Список источников и литературы

1. Самарский областной архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 143. Д. 62. Л. 1–100.

2. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 143. Д. 64. Л. 1–80.

3. *Велютин В.П.* О мерах по выполнению постановления ЦК КПСС по общественным наукам в системе высшей школы // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 16–27.

4. *Золотарев О.В.* Основатель интеллигентоведения // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 33–40.

5. *Кара-Мурза С.Г.* Официальное советское обществоведение и незнание общества, в котором мы живем. URL: http://www.kara-murza.ru/books/istmat/istmat_content.htm (дата обращения: 12.11.2022).

6. *Кривопалова Н.Ю.* Формы социальной активности молодой интеллигенции 1960-х годов в пространстве провинциального города // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 115–124.

7. *Меметов В.С., Комиссаров В.В.* Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 70–79.

8. *Немцев М.Ю.* К истории советской академической дисциплины «Основы научного коммунизма» // Идеи и Идеалы. 2016. Т. 1. № 1 (27). С. 23–35.

9. *Никонова С.И.* Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности (середина 60-х – середина 80-х годов XX века) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009. 45 с.

10. О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве : постановление Центрального Комитета КПСС от 14 августа 1967 г. // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 3–11.

11. О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране : постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР от 3 сентября 1966 г. № 729 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6463.htm (дата обращения: 12.11.2022).

12. Основы научного коммунизма // под ред. П.Н. Федосеева. 2-е изд., доп. и уточн. М. : Политиздат, 1967. 575 с.

13. От КуАИ до СГАУ: 1942–2002 : сборник очерков / сост. В.Л. Балакин, А.Л. Новикова. Самара, 2002. 492 с.

14. *Пенская Е.Н.* 1960-е годы. Молодежная политика и студенческие протесты в России // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 238–266.

Сведения об авторе

Головашкин Димитрий Львович, доктор физико-математических наук, профессор, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва; ведущий научный сотрудник Института систем обработки изображений РАН – филиала Федерального государственного учреждения «Федеральный научно-исследовательский центр "Кристаллография и фотоника" Российской академии наук».

E-mail: golovashkin2010@yandex.ru

Для цитирования

Головашкин Д.Л. Исследование идеологической рефлексии интеллигенции технических вузов г. Куйбышева на постановления ЦК КПСС 1966–1967 гг. (по документам Самарского областного государственного архива социально-политической истории) // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 71–76.

УДК 908+343.85

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ В СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ В НАЧАЛЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. (на примере г. Куйбышева)

TEENAGE AND YOUTH CRIME IN THE SOVIET CITY EARLY 1950s – THE FIRST HALF OF THE 1980s (on material of Kuibyshev city)

А.М. Доценко
Самарская областная библиотека для молодежи
(Россия, Самара)

A.M. Dotsenko
Samara Regional Library for Youth
(Samara, Russia)

Аннотация. Эпохи Хрущёва и Брежнева – три стабильных послевоенных десятилетия в истории Советского Союза, вошедших в историю масштабным жилищным строительством и развитой социальной политикой государства. Но, несмотря на это, в стране продолжала расти преступность, и в первую очередь среди несовершеннолетних и молодежи. В статье на документальных примерах рассматриваются причины роста преступности среди несовершеннолетних, а также методы ее профилактики.

Abstract. The Khrushchev and Brezhnev eras were three stable post–war decades in the history of the Soviet Union, which went down in history with large-scale housing construction and a developed state social policy. But despite this, crime continued to grow in the country, primarily among teenagers and youth. The article examines the reasons for the growth of teenage delinquency, as well as methods of prevention against it, using documentary examples.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, история повседневной жизни, Куйбышев, СССР, Н.С. Хрущёв, Л.И. Брежнев.

Keywords: crime, teenagers, history of everyday life, Kuibyshev, USSR, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev.

История нового общества, создание которого началось в России после Октябрьской революции 1917 г., традиционно изображалась в советской историографии как успешно развивающийся поступательный процесс. Особенно это касалось переустройства повседневной жизни, семейного уклада, системы домашнего хозяйства, жилища, сферы досуга – того, что оказывало непосредственное влияние на формирование облика «нового человека». В советской литературе много писалось о быстром и безвозвратном искоренении так называемых пережитков, или родимых пятен капиталистического прошлого: пьянства, проституции, преступности, особенно преступности среди несовершеннолетних. Однако действительность постоянно опровергала подобного рода оптимистические суждения.

В период правления Хрущёва, потом и Брежнева, когда уже, казалось бы, был преодолен послевоенный жилищный и социально-экономический кризис, серьезной проблемой остава-

лась преступность среди несовершеннолетних и молодежи. Именно подростками и молодыми людьми в большинстве своем совершались преступления и правонарушения. Этого мнения придерживаются как отечественные, так и зарубежные социологи и правоведы [23; 28]. В специальной записке МВД СССР в середине 1950-х гг. по этому поводу отмечалось: «Крайне высока преступность среди молодежи, безнадзорность детей, многие из них не работали и не учились. Эти лица праздно коротают время в парках, садах, у кинотеатров и клубов, на вокзалах и на рынках, нередко допускают хулиганские действия и совершают карманные кражи и другие преступления» [21, с. 187]. Так, в январе 1955 г. трое подростков нанесли семь ножевых ранений некоему гражданину и ограбили его. С той же целью они 20 января того же года убили экспедитора Куйбышевского Райпищеторга [6, л. 4]. Другой пример: пятеро рабочих куйбышевских заводов, в возрасте от 17 до 19 лет, организовавшись в группу, в нетрезвом состоянии 24 мая 1956 г. напали на гражданку Мишкину, с которой под угрозой ножа сняли часы, а на следующий день в трамвае у кондуктора срезали сумку [12, л. 31–32].

В ряде случаев молодежь становилась на путь преступления в результате бездушного к ней отношения со стороны руководителей предприятий и организаций. Например, в конце 1950-х гг. в тяжелых производственных и бытовых условиях находились молодые рабочие СМУ № 1 «Средволговодстроя». Работница этого объединения Синицына, воспитанница детдома, за два месяца получила зарплату в 45 рублей (в ценах 1947–1960 гг.). Оказавшись в тяжелом материальном положении, она стала заниматься мелкими кражами продуктов в общежитии, а затем, боясь ответственности, покончила жизнь самоубийством [1, л. 13]. Уместно здесь замечание Л. Фейербаха: «Если у тебя от голода и бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоем сердце нет пищи для морали» [22, с. 295].

Однако это не означает, что от закона отступали лишь люди, социально и материально не обеспеченные. Напротив, зачастую преступления совершались детьми вполне обеспеченных родителей. В послевоенном Советском Союзе эта проблема была связана в первую очередь с так называемой «золотой молодежью» – детьми высокопоставленных работников. Миф о вседозволенности в умах таких молодых людей становился реальностью. С другой стороны, начиная уставать от пресной роскоши, представители элитной молодежи искали азарта и «приключений». Так, например, ученик 72-й куйбышевской школы Петров, сын руководящего работника одного из учреждений города, нарушая дисциплину в классе, всегда находил защиту у своего отца, устраивавшего скандалы с учителями и директором. Даже после перевода его в другую школу ситуация не изменилась. Наоборот, дело дошло до того, что с группой своих сверстников, учеников 13–15 лет, родители которых также занимали руководящие должности, Петров в январе 1953 г. совершил кражу 67 бутылок вина со склада ресторана «Жигули» для того, как они сами потом заявили, «чтобы в первомайские праздники иметь спиртные напитки» [5, л. 23–24].

Характеризуя состояние преступности среди несовершеннолетних и молодежи в г. Куйбышеве в середине 1950-х гг., областная прокуратура отмечала ее «нетерпимо высокий рост» (если в 1950 г. было предано суду 59 несовершеннолетних, то в 1955 г. – 367) [13, л. 1].

Особую тревогу у работников прокуратуры вызывало увеличение числа осужденных за такое особо опасное преступление, как изнасилование. Например, если за весь 1956 г. за это было осуждено двое несовершеннолетних, то за 10 месяцев 1957 г. – 22 человека [13, л. 2]. Так, в октябре 1957 г. за изнасилование была осуждена группа несовершеннолетних в возрасте от 15 до 17 лет. Следствием было установлено, что компания из девяти юношей и трех девушек, заранее договорившись о поездке с ночевкой на природу, остановилась в районе питомника Горзеленхоза на лесной поляне, где многие из участников «цинично исполняли стильные танцы, выпивали вино, курили анашу». В процессе этой вечеринки «под руководством» 17-летнего О. Манукяна произошло групповое изнасилование одной из девушек, сопровождаемое особым цинизмом и жестокостью (девушка была без сознания,

но это никого из участников не остановило). Как писали в отчете работники прокуратуры, «юноши лишь толпились около нее и ссорились между собой из-за очередности». После подверглись насилию еще две девушки [13, л. 11]. В большинстве случаев изнасилование происходило в нетрезвом состоянии.

Инструктор ЦК ВЛКСМ Шишигин на VI пленуме Куйбышевского горкома комсомола в январе 1963 г. в своем выступлении затронул проблему пьянства среди несовершеннолетних. Он, в частности, задал присутствующим такой вопрос: «Почему подростки и молодежь в наших условиях, когда у нас сейчас столько хорошего, почему подростки 14–15 лет прибегают к искусственному взбадриванию, к алкоголю?» И сам же на него ответил: «Человек погружается в состояние веселья, а мы ему не даем этого настоящего веселья. Интересные мероприятия, занимающие дела – этого мы им не даем» [10, л. 45–46].

Прокурор области Ф.А. Полозков на областном совещании в 1964 г., говоря о высоком уровне подростковой преступности, отметил, что «за это в ответе школа, семья и производство» [2, л. 24]. Однако довольно часто на правонарушения молодых людей подталкивали взрослые. Так, в начале 1963 г. руководитель фотокружка куйбышевского Дворца пионеров Шарипов принес в фотолабораторию Дворца пионеров фотопленку с порнографическими снимками, переснятыми из приобретенного инженером куйбышевского телецентра Бурденко иностранного журнала. Пленку унес домой ученик 94-й школы и отпечатал с нее несколько снимков, которые были отобраны у него пионерским патрулем школы [7, л. 10].

В середине – конце 1960-х гг. в г. Куйбышеве и городах области более 30 % преступлений совершалось молодежью до 25 лет, в большинстве своем несовершеннолетними [8, л. 51; 3, л. 7–8]. В газетах и журналах в те годы много писалось о подростковой преступности (как учащихся, так и рабочих). Главная мысль заключалась в том, что пристрастие подростка к алкоголю, совершаемые им хулиганские действия – всё это результат недостаточного воспитания как в трудовом коллективе, так и по месту жительства. Писалось, что «домовые комитеты, формируемые, как правило, из пенсионеров, организовать работу среди молодежи не в состоянии» [23, с. 116]. В этом, конечно, есть доля правды. Дело в том, что в возрасте 14–16 лет у подростков появляется потребность в некоторой самостоятельности, они склонны нигилистически воспринимать утверждения взрослых. Поэтому в данном возрастном периоде им важен авторитет старших по возрасту товарищей (18–25 лет). Страницы газет убеждали, что «воспитание подростков – прежде всего комсомольская забота» [24]. Специалисты предлагали по этому поводу такой метод: «К каждому дому или ЖЭК следует прикреплять группу комсомольцев для организации ежедневного досуга подростков. Комсомольцы должны периодически проводить с ними экскурсии, походы и др., чтобы заполнить их свободное время полезными делами. Они должны знать всех подшефных подростков, круг их интересов и наклонности, упорно бороться и завоевывать каждого несовершеннолетнего, применяя индивидуальный подход, учитывая психологию и особенности характера» [23, с. 116].

У многих комсомольских организаций области и города к началу 1970-х гг. уже был накоплен некоторый опыт работы по профилактике антиобщественных проявлений: на ряде предприятий традиционными стали «дни посвящения в рабочий класс», вечера встреч кадровых рабочих с молодежью, в праздничной обстановке вручалась первая зарплата, квалификационное удостоверение, передавались инструменты и т. п. На таких предприятиях, как Куйбышевский нефтеперерабатывающий завод, завод имени А.А. Масленникова, КАТЭК, в практике было закрепление подростка за кадровым рабочим, а за трудными подростками закрепляли активных комсомольцев (особенно это касалось тех, кто проживал в общежитии, «чтобы они всегда были вместе – и дома, и на работе») [9, л. 2–3].

Для организации внерабочего и внеучебного времени подростков в городе, по месту жительства, при клубах, домах и дворцах культуры, на предприятиях создавались подростковые клубы. Так, на 1970 г. в Куйбышеве насчитывался 91 клуб по месту жительства [9, л. 4]. Наиболее распространенными назва-

ниями подростковых клубов были такие, как «Юность», «Орленок», «Спутник», «Бригантина», «Современник» и др. В каждом клубе работа велась по секциям: секция старшеклассников, секция красных следопытов, спортивная секция.

Основными видами преступлений, совершаемых несовершеннолетними, помимо хулиганства и нанесения телесных повреждений продолжали оставаться кражи государственного и личного имущества. Подростки крали спиртные напитки, деньги, продукты питания, папиросы. Объясняя распространенность имущественных преступлений среди несовершеннолетних, сотрудники областной прокуратуры связывали это не с материальными трудностями в семье, не с тяжелым имущественным положением подростков, а прежде всего с такими «пережитками прошлого» и результатом «тлетворного влияния Запада», как алчность, корысть, и с тем, что «в семье плохо прививают подросткам уважение к социалистической и трудовой собственности граждан» [14, л. 105]. Если первые причины в некоторой степени отражали идеологическую специфику, то последнее утверждение имело совершенно справедливую основу, поскольку именно от семейного воспитания зависело формирование мировоззрения подростка.

Одной из главных причин пьянства несовершеннолетних являлась, как правило, неблагополучная обстановка в семье, пьянство родителей и слабое воздействие на них со стороны школы, общественности, государственных органов и коллективов по месту работы. Например, в апреле 1976 г. два несовершеннолетних учащихся ГПТУ, Ю. Мартынов и В. Спиридонов, в нетрезвом состоянии ограбили гражданина Самарина. В ходе расследования было установлено, что Спиридонова к спиртному приучал его отец, систематически злоупотреблявший алкоголем. Так, он распивал с сыном спиртные напитки в мае 1974 г. по случаю окончания сыном 8-го класса, затем в августе по случаю поступления в ГПТУ. Совместные пьянки происходили у них постоянно [15, л. 89].

Отличительная черта русской питейной культуры, к сожалению, заключается в том, что социализация в процесс пьянства, как правило, происходит в довольно раннем возрасте, когда отец, давая сыну стакан водки или вина, утверждает, что «только так он станет настоящим мужчиной» [27, p. 41].

В большинстве случаев учащиеся совершали преступления в свободное от учебы время. Так, в 1978 г. по Куйбышевской области из 905 учащихся профтехучилищ, совершивших правонарушения и преступления, 865 человек совершили их в свободное от занятий время, каникулы или выходные дни, и лишь девять человек – в период занятий (в результате прогула), и 31 человек – в период производственной практики [4, л. 116–117]. Педколлективами школ и ПТУ организация досуга учащихся была сведена лишь к воспитательной работе с подростками по месту учебы. Мало уделялось внимания проведению мероприятий по месту жительства, особенно в летний период. Отсюда – появление так называемых «благополучных мальчиков» («хороших» в школе, «плохих» на улице), когда «видимое благополучие, принятое за истинное, ослепляло, ослабляло бдительность» родителей и педагогов [18].

К концу 1970-х гг. значительно расширилась сеть подростковых клубов по месту жительства, при домоуправлениях. Особо большое внимание уделялось трудовому воспитанию подростков. С этой целью, например, в клубах «Огонек» и «Дружба» Железнодорожного района г. Куйбышева проводились встречи по профориентации, экскурсии на предприятия города (на кукольную фабрику, на завод «Стройкерамика», на хлебозаводы № 2 и 9, на завод бытовой химии). В летнее время организовывались походы на Волгу. Расширились и кружковые секции клубов: «Умелые руки», рисования и лепки, вышивания и выжигания, фотокружка, ВИА, радиоконструкторского кружка, драмкружка, вязания и др. В клубах имелись небольшие библиотеки из книг, собранных жильцами и самими ребятами [11, л. 1–4].

Детские, подростковые и молодежные клубы по месту жительства продолжали воспитательный процесс учебного заведения после занятий. Они были призваны «оторвать» подростков от улицы, а если подросток стоял

на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, то помочь ему исправиться.

Пресса тогда призывала: «Ограждение подрастающего поколения от пагубного воздействия вина и пьяниц – часть общенародной борьбы с алкоголизмом, за укрепление коммунистической морали, здорового быта». На частных примерах показывались судьбы попавших в алкогольную зависимость: «Подростком он пристрастился к вину, в двадцать лет стал алкоголиком, совершил преступление, попал в тюрьму» [25].

В начале 1980-х гг. широкий размах получила групповая преступность. Социолог В.Г. Алексеева в своей работе показала, что более 90 % школьников и учащихся ПТУ считают себя принадлежащими к относительно стабильным неформальным группам («компаниям»), в которых они проводят значительную часть своего свободного времени [17, с. 61]. Неформальные группы, в свою очередь, могли стать источником негативных влияний, антисоциальных настроений, если выходили «из-под влияния и контроля общественности» [26, с. 31]. Так, за период с 1982 по 1984 г. число групповых преступлений несовершеннолетних в г. Куйбышеве возросло на 17,2 %, а лиц, их совершивших, – на 14,9 % [16, л. 1].

Разновидностью неформальных групп в начале 1980-х гг. в г. Куйбышеве были так называемые «быки» и «фураги». У каждой из этих групп были свои излюбленные места обитания, своя «униформа». Так, «фураги» коротко стриглись, ходили в брюках-дудочках, белых шарфах и фуражках (даже зимой). «Быки» предпочитали длинные волосы и расклешенные брюки. Эти компании враждовали между собой. Местная газета писала: «Если вам доведется увидеть на стене дома или заборе призыв “Бей фураг!”, значит, тут побывали “быки”. Особых причин для взаимной неприязни нет. Достаточно одних внешних признаков принадлежности к другому “клану”, чтобы обрушить на себя ненависть противной стороны» [19].

После того, как в конце 1982 г. осудили троих представителей «фураг» за то, что они жестоко избили парня из «быков», в редакцию «Волжского комсомольца» посыпались письма, в которых подростки выражали свои симпатии «фурагам». Практически единственным «трезвым» оказалось письмо одного, более старшего по возрасту, учащегося. Он писал: «Мне непонятно, почему всё-таки такие группы существуют. По-моему, это просто детство. Возраст таких ребят – 12–18 лет. Попробуйте найти среди взрослых парней или мужчин “быков” и “фураг”. Смешно? Конечно. По-моему, “фурагами” и “быками” часто становятся те, у кого нет любимого занятия, надежных и верных друзей. А разве мало в Куйбышеве библиотек, различных клубов, кружков, стадионов? Хочется верить, что многие из вас, “быки” и “фураги”, своевременно возьмутся за ум. Опомнитесь, еще не поздно! Ведь детство – чудесная, веселая, но и невозвратимая пора. И горько будет потом сознавать, что вы сами его искалечили, что самые прекрасные годы могут пройти в заключении» [20].

Таким образом, в период хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя» серьезной проблемой оставалась преступность среди несовершеннолетних и молодежи. Власти, постоянно пытаясь снизить рост преступности, в большинстве случаев приходили к совершенно противоположным результатам. Пагубность ситуации отчасти осложнялась «закрытостью» г. Куйбышева как такового. Проникновение в город «запретных плодов» капитализма, не без осознанной помощи взрослых, приводило молодежь, и в первую очередь несовершеннолетних, в опьянительное состояние «свободы».

В свою очередь, миграционные процессы, усилившиеся в постсталинское десятилетие массовым переселением молодежи из сёл в города, предопределили изменения ее взаимоотношений с незнакомой социальной средой, а отсюда и вовлечение части молодежи в девиантные процессы ее повседневного быта.

Куйбышев, как областная столица, в конце 1950-х – начале 1980-х гг. стал местом сосредоточения не только мигрировавшей из сельской местности молодежи, но и центром бесконтрольного поведения так называемой «золотой молодежи» – детей высокопоставленных чиновников, превративших вседозволенность в повседневные устои. Отсюда и высокий уровень преступности среди подростков и молодежи в рассматриваемый период.

Список источников и литературы

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 90. Д. 107.
2. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 141. Д. 82.
3. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 145. Д. 17.
4. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 186. Д. 138.
5. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1761.
6. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1992.
7. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2436.
8. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2474.
9. СОГАСПИ. Ф. 1683. Оп. 34. Д. 232.
10. СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 12. Д. 6.
11. СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 20. Д. 38.
12. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-2972. Оп. 4. Д. 259.
13. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 4. Д. 262.
14. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 4. Д. 615.
15. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 4. Д. 723.
16. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 6. Д. 107.
17. *Алексеева В.Г.* Неформальные группы подростков в условиях города // Социологические исследования. 1977. № 3. С. 60–70.
18. Волжская коммуна. 1974. 27 января.
19. Волжский комсомолец. 1983. 5 января.
20. Волжский комсомолец. 1983. 21 января.
21. *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. 416 с.
22. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М. : Гос изд-во политической литературы, 1961. Т. 21. 782 с.
23. Опыт комплексного обследования причин и условий, способствующих совершению преступлений подростками / О.И. Морозов, Н.И. Гуковская, В.И. Иванов, В.Ф. Статкус // Советское государство и право. 1963. № 9. С. 110–116.
24. Правда. 1965. 26 июля.
25. Правда. 1979. 15 января.
26. *Харчев А.Г., Алексеева В.Г.* Образ жизни, мораль, воспитание. М. : Политиздат, 1977. 144 с.
27. *Connor W.D.* Deviance in Soviet society. Crime, delinquency, and alcoholism. New York ; London : Columbia university press, 1972. 327 p.
28. *Field M., Anderson D.* The Family and Social Problems // Prospects for Soviet society // ed. by A. Kassof. New York : Frederick and Praeger for the Council on foreign relations, 1968. 586 p.

Сведения об авторе

Доценко Артем Михайлович, кандидат исторических наук, сотрудник Самарской областной библиотеки для молодежи.
E-mail: nixon1980@mail.ru

Для цитирования

Доценко А.М. Преступность среди несовершеннолетних и молодежи в советском городе в начале 1950-х – первой половине 1980-х гг. (на примере г. Куйбышева) // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 77–82.

УДК 908+94(47)

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ»: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ НКВД В 1939–1941 гг. (на примере Управления НКВД по Куйбышевской области)

"THE PERSONNEL DECIDE EVERYTHING": THE PERSONNEL POLICY OF THE NKVD IN 1939–1941 (on the example of the NKVD Administration in the Kuibyshev region)

И.Б. Полуэктов
Архив Самарского государственного медицинского университета
(Россия, Самара)

I.B. Poluektov
Archive of the Samara State Medical University
(Samara, Russia)

М.А. Тумшис
(Россия, Самара)

M.A. Tumshis
(Samara, Russia)

Аннотация. Статья, подготовленная в год 105-летия создания отечественных органов государственной безопасности на основе документов государственных и ведомственных архивов, материалов электронных ресурсов сети Интернет, собственных исследований авторов, является продолжением цикла материалов по истории региональных структур советских спецслужб 1920–1930 гг. [18; 19] и представляет собой краткий анализ мероприятий по укреплению кадрового состава УНКВД по Куйбышевской области в рамках очистки органов НКВД от лиц, нарушавших революционную законность в 1937–1938 гг.

Abstract. The article, prepared in the year of the 105th anniversary of the creation of the national state security bodies on the basis of documents from state and departmental archives, materials from electronic Internet resources, and the authors' own research, is a continuation of the cycle of materials on the history of regional structures of the Soviet special services of 1920–1930 [18; 19] and presents a brief analysis of measures to strengthen the personnel of the NKVD in the Kuibyshev region, as part of the purge of NKVD bodies from persons who violated revolutionary legality in 1937–1938.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, НКВД СССР, УНКВД по Куйбышевской области, кадровый состав, репрессии 1937–1938 гг., «Большой террор», нарушения революционной законности, оперативная работа.

Keywords: state security agencies, the NKVD of the USSR, the NKVD in the Kuibyshev region, personnel, repressions of 1937–1938, the «Great Terror», violations of revolutionary legality, operational work.

Научное исследование структуры и функций правоохранительных органов бывшего СССР (в частности – Наркомата внутренних дел СССР), а также их деятельности невозможно без подробного изучения их кадрового состава. Только разобравшись в том, как проходили процесс формирования аппарата, расстановка и ротация штатного состава, можно реально приблизиться к более или менее точной реконструкции деятельности НКВД СССР в предвоенный период.

Громкое событие омрачило для сотрудников Управления НКВД по Куйбышевской области предпоследний день декабря 1938 г.: под стражей оказался капитан госбезопасности, орденоносец, почетный работник ВЧК-ОГПУ, депутат Верховного Совета РСФСР, начальник областного УНКВД И.Я. Бочаров (фото 1). При этом его арестовали столь поспешно, что ни постановление об избрании меры пресечения, ни предъявление обвинения не были официально санкционированы прокурором [1, л. 87]. Бочарова немедленно этапировали из Куйбышева в Москву, в распоряжение Следственной части по особо важным делам ГУГБ НКВД СССР.

В начале нового, 1939 г., в течение трех недель, состоялись назначения новых руководителей УНКВД: 17 января 1939 г. в должность начальника Управления вступил И.Е. Нетипанов (фото 2), а Н.Т. Цикляев (фото 3) стал заместителем начальника УНКВД (по оперативной работе); 8 февраля 1939 г. врид начальника отдела кадров УНКВД был назначен Л.В. Неудобнов, позднее занявший пост заместителя начальника УНКВД по кадрам.

Вскоре в Куйбышев прибыла комиссия из Москвы, которую возглавлял заместитель особоуполномоченного НКВД СССР майор госбезопасности А.Г. Стефанов. По результатам проверки на имя наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии была направлена докладная записка «О результатах рассмотрения извращений при арестах и следственной работе в УНКВД Куйбышевской области» [8, л. 15–16]. В ней, помимо уже арестованного Бочарова, назывались новые виновники противозаконных методов следствия.

24 апреля 1939 г. под стражей оказались: бывший заместитель начальника УНКВД Н.А. Деткин, начальник следственной части

Фото 1. Иван Яковлевич Бочаров

Фото 2. Иван Елисеевич Нетипанов

УНКВД Г.Д. Гринберг, начальник 2-го отдела ЭКУ УНКВД А.М. Углёв, начальник 2-го (секретно-политического) отдела УГБ УНКВД А.В. Коган, начальник 1-го отделения 2-го отдела УГБ УНКВД Н.В. Филиппов, начальник Хворостянского РО НКВД Г.И. Тюкаев. Обвинения в адрес арестованных были однотипными: «…проводил вражескую линию в оперативной работе, выразившуюся в необоснованных арестах, извращении методов следствия, нарушении советских законов и фальсификации [уголовных] дел» [10, л. 183].

Известия об арестах вызвали в среде сотрудников УНКВД явное замешательство. Начальник Управления НКВД И.Е. Нетипанов так описывал произошедшее: «Нам не секрет, что после решения 17.11.1938 люди растерялись, и только начали выбираться, как после ареста этой “шестерки” [они] почувствовали растерянность» [10, л. 143].

Позднее к «этой “шестерке”» (к слову, немедленно этапированной в Москву) присоединились еще три бывших куйбышевских чекиста: особоуполномоченный УНКВД по Хабаровскому краю В.А. Подольский (в 1938 г. – особоуполномоченный УНКВД по Куйбышевской области), начальник 4-го (секретно-политического) отдела УГБ УНКВД по Хабаровскому краю (в 1938 г. – помощник начальника 4-го отдела УГБ УНКВД по Куйбышевской области) В.П. Столяров и арестованный еще в марте 1939 г. бывший оперуполномоченный 3-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела УГБ УНКВД И.Е. Лейн. Он считался одним из самых жестких следователей Управления и был прикомандирован к 4-му отделу УГБ УНКВД, где активно участвовал в фабрикации уголовного дела «О правотроцкистской организации в Куйбышевской области».

Фото 3. Николай Тимофеевич Цикляев

8 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла свое решение: И.Я. Бочарова приговорили к высшей мере наказания, Н.А. Деткина – к 15 годам лишения свободы, а остальных (Когана, Подольского, Столярова, Гринберга, Углёва, Филиппова, Тюкаева и Лейна) осудили каждого на 10 лет лишения свободы в ИТЛ [1, л. 87].

«Чистка» аппарата УНКВД не закончилась арестом и осуждением вышеперечисленных сотрудников. Аресты продолжались весь 1939 г. и захватили даже 1940 г. Недаром в отчетах отдела кадров областного УНКВД 1939 г. именовался не иначе как «…год решительной очистки органов НКВД от лиц, нарушавших революционную законность в 1937–1938 гг., от лиц, морально разложившихся, не внушающих политического доверия» [2, л. 1].

В 1939–1940 гг. были арестованы и осуждены: врид начальника отделения 11-го отдела УГБ УНКВД Н.Н. Нуритдинов (за «извращенные методы следственной работы и нарушение революционной законности» он получил 7 лет лишения свободы), врид начальника 3-го (КРО) отделения УГБ Ульяновского ГО НКВД Н.А. Рогов, начальник 3-го отделения УГБ Сызранского ГО НКВД В.Ф. Минеев, бывший начальник Сызранского ГО НКВД Н.Ф. Андронов, начальник Барышского РО НКВД П.К. Филихин. В 1940 г. расстрелян начальник секретариата УНКВД по Куйбышевской области Г.И. Колодин (в 1937–1938 гг. – врид начальника Сызранского ГО НКВД).

Громким стало и уголовное дело, возбужденное в отношении руководства Водного от-

дела УГБ УНКВД по Куйбышевской области – С.А. Краевого (Нахалова) и А.С. Винокура. Уже к апрелю 1939 г. выяснилось, что множество уголовных дел, расследованных в этом отделе, пройдя проверку в органах прокуратуры и суда, были возвращены на доследование как крайне некачественные. Руководство Управления НКВД было вынуждено изъять все уголовные дела этого отдела и направить их в очередной раз в следственную часть УНКВД. В ответ Винокур стал повсюду заявлять, что руководство УНКВД «…заняло вражескую позицию и хочет скомпрометировать [уголовные] дела Водного отдела». Обком партии встал на сторону руководства Управления НКВД. Вскоре было получено разрешение от прокуратуры на арест А.С. Винокура и С.А. Краевого [11, л. 16].

«Чистка» коснулась не только руководящего состава, но и низового аппарата УНКВД. В январе 1939 г. были арестованы оперуполномоченный 4-го отделения УГБ Сызранского горотдела НКВД Н.К. Бобринев и помощник оперуполномоченного 4-го отделения УГБ того же горотдела В.Ф. Агафонов, приговоренные к 10 годам лишения свободы за фабрикацию фиктивных протоколов допросов вымышленных свидетелей и применение к арестованным изощренных методов следствия («стойки», «конвейер» и т. д.) [7, л. 7].

В целом, в 1939 г. были уволены из органов (с преданием суду) 14 сотрудников, в 1940 г. – еще 3 сотрудника. При этом общая численность уволенных сотрудников УНКВД в 1939 г. составила 69 чел., в 1940 г. – еще 21 чел. Основные причины увольнения – нарушение революционной законности и норм УПК, служебное несоответствие, наличие компрометирующих материалов [2, л. 2]. С учетом того, что на 1 января 1941 г. общая численность оперативно-чекистского аппарата УНКВД области составляла 352 чел., в процентном отношении за 1939–1940 гг. из штата УНКВД было удалено (т. е. арестовано) 17 чел., или 4,8 % личного состава.

На этом фоне было уволено без уголовного преследования значительно больше – 73 чел., или 20,7 % личного состава (подсчитано авторами по отчету отдела кадров УНКВД по Куйбышевской области за 1940 г.) [2, л. 2].

Кроме того, часть оперативных сотрудников УНКВД получили административные взыскания, в частности, в 1940 г. таковых было 84 сотрудника. Из них 17 чел. – это те, кто в 1937–1938 гг. нарушал революционную законность [2, л. 6].

Репрессии 1937–1938 гг. и кадровая чехарда, охватившая структуры НКВД, привели к серьезному понижению эффективности деятельности всего наркомата. Характерная ситуация сложилась и в УНКВД по Куйбышевской области. Частая смена руководящего состава, нехватка оперативного персонала, нацеленность руководства как самого НКВД, так и областного Управления лишь на производство репрессий значительно понизили планку оперативно-агентурной работы чекистского аппарата. На фоне этого снизился уровень качества следственной работы, наблюдалось и резкое падение трудовой дисциплины.

К 1939 г. оперативно-агентурная работа пребывала в плачевном состоянии в большинстве отделов УНКВД. По мнению большинства сотрудников УНКВД, даже в тех оперативных отделах, где еще имелись в наличии какие-то агентура и осведомление, требовалась немедленная и тотальная проверка этого негласного аппарата: «…многие из осведомления ни по развитию, ни по занимаемому положению как осведомление никакой ценности не представляют, просто числятся на [оперативном] учете и только» [14, л. 18]. Неблагополучным оказалось в УНКВД и положение с трудовой дисциплиной. Вот как описывала распорядок дня в оперативных отделах одна из сотрудниц УГБ УНКВД: «…в 10 часов утра многие на работу не приходят, вечером же являются, как кому вздумается, в 20–21 час и позже, а уходят одни [в] 23–24 часа, другие в 2–3 часа ночи. Днем полный день не загружен, все делятся впечатлениями вчерашнего дня, уходят в буфет» (сообщение на 15.01.1939) [14, л. 5].

В подобной «круговерти» особо страдали молодые сотрудники Управления, недавно назначенные на должность. Из сообщения сотрудника 4-го отдела УГБ УНКВД М.Г. Полянского: «…определенного участка работы я не имею, а больше всего выполняю отдельные поручения других работников аппарата. В те-

чение одного года [в 1938 г. прибыл в УНКВД как демобилизованный из РККА. – *И. П.*] я еще самостоятельно не принимал агентуру, и никто меня практически не учил» [9, л. 9 об.].

В 1939–1940 гг. произошло значительное обновление чекистского аппарата. По данным, представленным отделом кадров УНКВД, личный состав оперативно-чекистского аппарата УНКВД был обновлен почти наполовину – на 47 % [2, л. 1]. Только в 1940 г. на оперативную работу в Управление прибыло 79 молодых сотрудников. В основном это были молодые члены партии, направленные по партийной и комсомольской мобилизации. На 1 января 1940 г. чекистский стаж работы от 1 до 3 лет имели 45,1 % работников Управления, или 132 сотрудника (весь оперативно-чекистский штат УНКВД на 1 января 1940 г. составлял 311 чел.) [2, л. 1]. Общий штат Управления НКВД на 1 января 1940 г. – 490 чел.: 311 чел. – оперативный состав, 179 чел. – технический состав [3, л. 13].

Одновременно произошло и существенное омоложение чекистского аппарата областного УНКВД. В оперативно-чекистских подразделениях служили 211 чел., возраст которых составлял от 25 до 30 лет. Еще 27 чел. были младше 25 лет. В итоге молодых сотрудников (до 30 лет) насчитывалось 238 чел., или 76,5 % от общего числа работающих в оперативно-чекистских отделах УНКВД [2, л. 2].

Органы ОГПУ-НКВД и ранее, до так называемого «Большого террора», испытывали определенные трудности в комплектовании как руководящими, так и оперативными квалифицированными кадрами. Значительный процент руководящих работников УНКВД составляли ветераны, не получившие не только профессионального, но даже среднего образования. События 1937–1938 гг. значительно обострили эту проблему, фактически «выбив» из кадрового состава тех, кто овладел профессией в результате длительной практики.

Серьезно обновление кадров отразилось и на руководящем составе Управления. Его общая численность (от начальников отделений до начальника УНКВД) на январь 1941 г. составляла 42 чел.

Данная категория сотрудников по чекистскому стажу (времени службы в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД) распределялась следующим образом (выборка произведена авторами статьи по списку личного состава УНКВД на 1941 г.) [4, л. 66–88].

Самой многочисленной группой в руководстве УНКВД были чекисты, имевшие большой чекистский стаж (поступили на службу в период с 1919 по 1927 г.) – всего 14 чел., или 33,3 % от общего числа. Однако эти сотрудники с серьезным опытом чекистской работы занимали в Управлении отнюдь не ведущие должности. Так, П.С. Казачишин (в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1919 г., награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ») руководил АХО УНКВД, а А.Д. Юрченко (в органах с 1920 г.) являлся начальником мобилизационной инспекции УНКВД. Правда, в феврале 1941 г. А.Д. Юрченко был избран секретарем партийного бюро УНКВД области.

В то же время двое из данной категории всё же возглавляли оперативные отделы УНКВД. Так, начальником 3-го отдела ЭКУ УНКВД стал П.Е. Фёдоров (в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с мая 1921 г. (с перерывом в 1922–1924 гг.), до прибытия в Куйбышев в 1937 г. занимал пост заместителя наркома Мордовской АССР). Руководство 1-го отдела ЭКУ УНКВД осуществлял А.Г. Гаврилов (в органах ОГПУ-НКВД с апреля 1922 г., в дальнейшем сумел сделать большую карьеру в органах госбезопасности: в 1945–1948 гг. – начальник УНКГБ-УМГБ по Калужской области) [17, с. 271–272].

Далее следовала группа, представители которой начали служить в органах ОГПУ-НКВД в 1930–1937 гг., – 10 чел. (или 23,8 % от общего числа). Ее основу составляли начальники оперативных и неоперативных отделений Управления. Имелся в этой группе и один начальник отдела – В.Я. Зайцев. Он поступил на службу в органы ОГПУ в 1931 г. и к 1941 г. дослужился до должности начальника следственной части Управления, в феврале 1941 г. (после выделения НКГБ из НКВД) возглавил уже следственную часть УНКГБ по Куйбышевской области. В дальнейшем служебная карьера В.Я. Зайцева пошла по нисходящей: на 1942 г. он всего лишь начальник РО НКВД в г. Подбельске Куйбышевской области [5].

Третьей по численности была группа чекистов, начавших свою службу в органах НКВД с 1938 по 1940 г. Таких было всего 9 чел. (или 21,4 %), но они представляли всё руководящее звено Управления: начальник УНКВД И.Е. Нетипанов (в органах с декабря 1938 г.), его заместители Н.Т. Цикляев (в органах с декабря 1938 г.) и Л.В. Неудобнов (в органах с февраля 1939 г.), помощник начальника Управления П.В. Сурин (в органах НКВД с августа 1939 г.) (фото 4). Все они являлись в прошлом партийными работниками низового или среднего звена: Нетипанов – 2-й секретарь Василеостровского РК ВКП(б) г. Ленинграда, Цикляев – заместитель заведующего промышленным отделом Калининского обкома ВКП(б), Неудобнов – 1-й секретарь Дзержинского РК ВКП(б) г. Куйбышева, Сурин – в июне 1938 г. – январе 1939 г. заведующий отделом руководящих партийных органов (ОРПО) Куйбышевского обкома ВКП(б). Интересной фигурой в этой группе выглядел и начальник 3-го отделения УГБ УНКВД (подразделение вело агентурно-оперативное обслуживание органов связи, шоссейно-дорожного строительства и Гражданского воздушного флота) З.Ф. Саламатов. На фоне небольшого чекистского стажа (с 1940 г.) он одновременно являлся лишь кандидатом в члены ВКП(б), что не помешало ему занять руководящий пост в областном УНКВД [4, л. 75].

Фото 4. Петр Васильевич Сурин

В четвертую группу, также включавшую 9 чел. (или 21,4 %), входили чекисты, пришедшие на службу в органы госбезопасности в 1927–1932 гг., в основном – начальники отделений оперативных отделов. Исключением стал руководивший в 1939–1941 гг. работой 2-го (секретно-политического) отдела УГБ УНКВД А.Н. Печенкин (начал службу в органах ОГПУ с октября 1930 г.; в 1937 г., работая в УНКВД по Новосибирской области, награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ»). Из его служебной характеристики: «Правильно и умело руководит аппаратом. Провел успешно ряд оперативных мероприятий. Правильно сочетает партийную работу и государственную. Политически развит хорошо. Пользуется заслуженным авторитетом среди всего личного состава Управления НКВД» [6, л. 14].

В конце 1939 г. руководство областного УНКВД было вынуждено признать, что, получив в начале года значительно потрепанный чекистский аппарат (результат событий «Большого террора»), оно в ходе чистки его «от прогнивших вражеских элементов» совершенно упустило вопросы восстановления и развития агентурно-осведомительной работы Управления, пребывавшей в неудовлетворительном состоянии: вербовка новой агентуры велась плохо, руководство агентурной и осведомительной сетью было слабым, оперативные разработки шли крайне медленно [11, л. 17]. В результате значительная часть промышленных объектов области так и не была прикрыта агентурной и осведомительной сетью. В этой связи руководство УНКВД вступило в 1940 г. с новым лозунгом: «1940 г. – год упорной борьбы за улучшение качества агентурно-оперативной работы, год большой работы по воспитанию пополнения молодых чекистов, пришедших в органы НКВД в 1939–1940 гг.» [2, л. 1].

Вместе с тем, несмотря на определенные упущения в руководстве Управлением, начальнику УНКВД И.Е. Нетипанову в начале 1940 г. была дана положительная характеристика. Цитата из документа: «…за время работы… провел

большую работу по очистке чекистских кадров от примазавшихся социально чуждых элементов, лиц, проводивших вражескую деятельность в государственной работе, и их пособников, по ликвидации вредительства в наших органах. Чуткий, внимательный товарищ, авторитетом среди сотрудников пользуется» [15, л. 33].

С целью повышения агентурно-оперативных навыков вновь принятых в органы НКВД сотрудников, по личному распоряжению наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии, и в центре, и на местах развернулась активная чекистская подготовка. В первую очередь молодые чекисты были обязаны овладеть основными азами агентурно-оперативной работы. Помимо этого, шло изучение иностранного языка (в основном немецкого) и военного дела. По сути, были восстановлены требования, провозглашенные еще циркуляром НКВД СССР № 55597 от 11 марта 1935 г. «О перестройке оперативной работы и работы с кадрами». Именно этот документ предписывал организовать обучение оперативного состава на местах: «Ввести в обязательном порядке систематическую учебу (политическую, общеобразовательную, чекистскую) для всего опersостава УГБ без отрыва от работы… поощрять и учитывать знание иностранных языков» [16, с. 552].

Нужно отметить, что процесс обучения постоянно сталкивался как с объективными, так и с субъективными трудностями. Крайне непросто было выделить время для учебного процесса, собрать в учебные группы оперативных сотрудников, наблюдался и разный образовательный ценз обучаемых. Отдельные сотрудники УНКВД, прикрываясь рабочими моментами, отказывались посещать учебные занятия, плохо готовились к ним. Особо негативная ситуация сложилась в сфере изучения военного дела и иностранного языка [13, л. 42]. Партбюро УНКВД области было вынуждено «…строго предупредить членов и кандидатов в члены ВКП(б) на предмет несерьезных отношений к выполнению приказов наркома [внутренних дел] по учебе» [13, л. 43].

В этих условиях ускорению обучения молодых сотрудников способствовало то обстоятельство, что с приходом молодежи в Управлении значительно вырос процент сотрудников, имевших высшее и неоконченное высшее образование, а также среднее и неоконченное среднее образование. Таковых на 1 января 1941 г. было 246 чел., или 69,8 % от общего числа оперативных сотрудников [2, л. 1]. Напомним, что буквально 8 лет назад – в 1933 г. – в Полпредстве ОГПУ по Средне-Волжскому краю лишь 2 % сотрудников имели высшее образование, среднее – 27 %, остальные свой образовательный ценз обозначали как образование начальное [20, с. 337].

Учебные программы, наставничество старших товарищей и оперативная практика позволили к началу 1941 г. подтянуть принятый оперативный состав УНКВД до приемлемых пределов. Об этом можно судить по служебной характеристике помощника оперуполномоченного 1-го отделения 1-го ЭКО УГБ УНКВД области П.И. Васильева, откомандированного Куйбышевским обкомом ВКП(б) для работы в органы НКВД: «… работает по обслуживанию швейной промышленности. Как работник – энергичный, быстро ориентируется в обстановке, недостаточно серьезен и вдумчив. Агентурно-оперативную работу освоил удовлетворительно. Агентурой руководит недостаточно, в результате чего имеют место частые случаи срывов явок по его вине. Направление агентуре дает правильное. В данное время имеет на связи агентуры 27 чел., из коих 9 человек находятся на связи у резидентов. Производит самостоятельно вербовки общего и противодиверсионного осведомления. Освоил основные принципы ведения следствия. Проводит допросы свидетелей и обвиняемых. Однако вследствие слабой общеобразовательной подготовки – самостоятельно серьезных оперативных документов составлять не может» [12, л. 24].

Как видим, определенная часть оперативных сотрудников УНКВД, пришедших в органы после «Большого террора», всё же сумела приобрести минимум оперативных знаний и практических навыков и была готова к самостоятельному выполнению служебных обязанностей. Это позволило удовлетворительно обеспечить чекистское обслуживание большинства промышленных, транспортных и оборонных объектов в регионе и, в целом, на достойном уровне выдержать испытания и трудности неумолимо надвигавшегося противостояния со спецслужбами нацистской Германии.

Список источников и литературы

1. Отдел регистрации архивных фондов (ОРАФ) УФСБ по Самарской области. Архивное уголовное дело № П-5796 в отношении М.Д. Философова.

2. Отделение специальных фондов Информационного центра Главного управления МВД по Самарской области (далее – ОСФ ИЦ ГУ МВД по Самарской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 15.

3. ОСФ ИЦ ГУ МВД по Самарской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14.

4. ОСФ ИЦ ГУ МВД по Самарской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23.

5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Регистрационный бланк № 03887896 обр. 1954 г. на члена КПСС В.Я. Зайцева.

6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 32. Д. 204.

7. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 55. Д. 86.

8. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 113. Д. 1210.

9. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 253.

10. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 266а.

11. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 277.

12. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 279.

13. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 283.

14. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 284.

15. СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 321.

16. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 : справочник. М. : МФД, 2003. 768 с.

17. *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954 : справочник. М. : Звенья, 2010. 1006 с.

18. *Полуэктов И.Б.* Отдельные аспекты формирования системы «государственной информации» в Самарской губернии. 1921 г. (по материалам Самарского областного государственного архива социально-политической истории) // Самарский архивист : научный альманах. 2021. № 2. С. 42–46.

19. *Полуэктов И.Б.* От солдата колчаковской армии до красноармейца запасного полка – судьба почетного чекиста Б.М. Зефирова // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 3. С. 17–22.

20. *Тумшис М.А.* Кадровый состав органов ОГПУ начала 1930-х гг. (по материалам Средне-Волжского края) // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 333–341.

Сведения об авторах

Полуэктов Иван Борисович, заведующий архивом Самарского государственного медицинского университета.

E-mail: ivan.poluektov@yandex.ru

Михаил Антонасович Тумшис, независимый исследователь, г. Самара.

E-mail: nfago@mail.ru

Для цитирования

Полуэктов И.Б., Тумшис М.А. «Кадры решают всё»: кадровая политика органов НКВД в 1939–1941 гг. (на примере Управления НКВД по Куйбышевской области) // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 83–90.

Материалы к биографии
Materials for the Biography

УДК 929

ПИСЬМО МИКРОБИОЛОГУ З.В. ЕРМОЛЬЕВОЙ С ВОПРОСАМИ ПО ЗДОРОВЬЮ И СУДЬБА ЕГО АДРЕСАНТА Г.Ф. НОВОРОСЮКА

A LETTER FROM MICROBIOLOGIST Z.V. ERMOLYEVA WITH QUESTIONS ABOUT THE HEALTH AND FATE OF ITS ADDRESSEE G.F. NOVOROSYUK

А.В. Горшенин
Медицинский университет «Реавиз»;
Самарская областная универсальная научная библиотека
(Россия, Самара)

A.V. Gorshenin
Medical University “Reaviz”;
Samara Regional Universal Scientific Library
(Samara, Russia)

Аннотация. В представленной статье анализируется письмо студента техникума, написанное в 1937 г. и адресованное известному советскому микробиологу З.В. Ермольевой. В данной корреспонденции юноша обращается к ученой с просьбой ответить на вопросы относительно его здоровья. Устанавливаются условия написания письма, связь этого послания с актуальными научными разработками Зинаиды Виссарионовны. В статье реконструируется дальнейшая судьба автора письма.

Abstract. The presented artikle analyzes a letter from a college student written in 1937 and addressed to the famous Soviet microbiologist Z.V. Ermolyeva. In this correspondence, the young man addresses the scientist with a request to answer questions about his health. The conditions for writing a letter are established, the connection of this message with the current scientific developments of Zinaida Vissarionovna. The artikle reconstructs the further fate of the author of the letter.

Ключевые слова: З.В. Ермольева, антибиотики, лизоцим, история медицины, письма, источники, Великая Отечественная война.

Keywords: Z.V. Ermolyeva, antibiotics, lysozyme, history of medicine, letters, sources, the Great Patriotic War.

Письма в исторической науке нередко выступают как вспомогательный источник при проведении исследований. В рассматриваемой работе, напротив, предпринимается попытка поставить эпистолярное наследие в основу исследования.

Отметим, что, согласно классификации Е.И. Прохорова, выделяют три группы писем:

являющиеся литературно-художественными или критико-публицистическими произведениями, которые изначально предполагались для огласки; официально-деловая переписка, подразумевающая обмен разнообразными сведениями между различными учреждениями и определенными должностными лицами; частная переписка, выступающая иллюстрацией личного общения между автором корреспонденции и его адресатом [10, с. 142].

Нами будет анализироваться письмо из третьей группы – частной переписки.

Эпистолярное наследие писателей, поэтов, государственных и политических деятелей изучается довольно подробно литературоведами и историками уже несколько столетий. Что же касается переписки ученых, в особенности связанных с медициной, то эта сторона подверглась куда меньшему анализу. Опубликованы значительные комплексы эпистолярных источников, связанных с именами значительных ученых-медиков XIX – начала XX вв. Это, например, письма знаменитого отечественного хирурга Н.Н. Пирогова [13], основоположника отечественной микробиологии и иммунологии И.И. Мечникова [11], одного из крупнейших отечественных медиков-терапевтов С.П. Боткина [7], видного отечественного физиолога И.П. Павлова [12] и ряда других.

Эпистолярное наследие крупных советских микробиологов публиковалось крайне редко, да и предметом исторического анализа практически не становилось.

Не очень значительный массив документов, связанных с перепиской известного советского микробиолога З.В. Ермольевой (фото 1), рассредоточен по разным фондам нескольких федеральных архивов. В этой связи определяется трудность в анализе эпистолярного наследия Зинаиды Виссарионовны. В выявленных нами письмах в большинстве случаев ученая выступает не в роли автора, а в качестве адресата. Но это не снижает исследовательского потенциала данных документов. Письма, адресатом которых была З.В. Ермольева, позволяют показать, например, тех исследователей, с которыми она имела довольно тесные связи. Так, например, нами выявлено письмо, полученное Зинаидой Виссарионовной в январе 1959 г. от члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР Григория Абрамовича Баткиса – организатора здравоохранения, крупного специалиста по социальной гигиене и санитарной статистике. В своей небольшой корреспонденции он поздравлял З.В. Ермольеву со «…знаменательной датой жизни и деятельности, творческими достижениями и большим вкладом в советскую профилактику» [2, л. 1].

Дело в том, что в 1959 г. Зинаида Виссарионовна отмечала 35-летие своей научной деятельности. К этой годовщине, в начале 1959 г., ученая была награждена несколькими почетными грамотами. Одна почетная грамота – от Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР (Общество «Знание»), а другая – от Президиума ЦК профсоюза медицинских работников [3, л. 2].

Кроме поздравительных писем большой интерес представляет корреспонденция от пациентов, страдающих различными заболеваниями и обращающихся к ученой за советом и рекомендацией.

Одно из таких писем пришло к З.В. Ермольевой в августе 1937 г. Оно отложилось в личном фонде ученой в Российском государ-

Фото 1. Зинаида Виссарионовна Ермольева

ственном архиве экономики. Данное письмо написал 19-летний студент Киевского кинематографического техникума Георгий Федосеевич Новоросюк [4, л. 3–4].

Родился он в старинном городе Овруче Овручского уезда Волынской губернии (ныне – Овручского района Житомирской области Украины) в 1917 г. [5, л. 384].

У юноши были проблемы со слухом, которые появились в результате несчастного случая. Молодой человек решил обратиться к Зинаиде Виссарионовне как к значительному специалисту и исследователю-новатору. Почему вдруг мысль написать ученой появилась у него в августе 1937 г.?

Объясняет он это сам в своем письме: дело в том, что юноша прочитал в газете «Комсомольская правда» заметку о научной деятельности З.В. Ермольевой 1930-х гг. и решил обратиться к ней напрямую [14, с. 3].

В указанной газетной публикации рассказывалось о научной деятельности ученой начиная с 1920-х гг., когда в сфере ее научных исследований лежало изучение ряда вопросов, связанных с холерой. В этой же заметке сообщалось, что в 1930-е гг. З.В. Ермольева вела большую работу по исследованию фермента лизоцима, его биолого-химическому изучению, а также внесла значительный вклад во внедрение данного антибактериального агента в медицинскую практику [8, с. 240].

Исследования З.В. Ермольевой данного фермента и возможностей его применения в здравоохранении и народном хозяйстве получили одобрение организаторов советского здравоохранения. Произошло это в рамках заседания научно-наблюдательного совета при Ученом медицинском совете Наркомздрава РСФСР в марте 1936 г. [1, л. 6].

Довольно значительный успех применения лизоцима отмечался ученой-микробиологом и клиницистами, сотрудничавшими с ней, в офтальмологии и оториноларингологии [9, с. 78]. Весьма положительный эффект лизоцим показал, например, в лечении гнойных хронических отитов в 1937–1938 гг. [6, с. 36]. В самой газетной заметке, побудившей юношу написать письмо, содержался сюжет о том, как лизоцим был применен ученой при заболевании ушей.

Произошло это спонтанно, как вспоминала сама Зинаида Виссарионовна. Она находилась в больнице у своего знакомого врача-лора. И в это время к нему на прием привели мальчика, у которого в ушной области образовалось нагноение. Для удаления гноя требовалось несколько раз сверлить кость, из-за чего мальчик сильно страдал. З.В. Ермольева увидела, как мальчика привели на очередную операцию, а он кричал, что пусть лучше его убьют, но он больше не пойдет на эту экзекуцию. Ученой стало жутко и вместе с тем жалко ребенка, и она предложила своему знакомому доктору попробовать лизоцим и пока повременить с очередным хирургическим вмешательством[1].

Отец согласился попробовать применить новое средство, предложенное докторами. В результате четырехкратного применения лизоцима, с учетом уже проведенных операций, гнойный процесс у мальчика совершенно прекратился и нового хирургического вмешательства не потребовалось [14, с. 3].

Это объясняет, почему автор письма со своей проблемой ищет помощи именно у Зинаиды Виссарионовны. Обратимся к письму Г.Ф. Новоросюка (фото 2) и приведем его полностью, с сохранением стилистических и грамматических особенностей. Части слов, восстановленные по смыслу, отмечены квадратными скобками.

«Дорогая Зинаида Виссарионовна!

Прежде всего, прошу извинить мне, что я своим письмом забираю у Вас такое дорогое для Вас время и что вообще пишу Вам.

Зинаида Виссарионовна! Прочтя статью в «Комсомольской правде» о Вашей замечательной работе, я решил написать Вам письмо, выразить свое восхищение Вашим самоотверженным поступком, когда Вы с опасностью для

[1] До этого лизоцим показал свою эффективность в опытах на животных, в клинической практике офтальмологии, а также в нескольких случаях лечения осложнений насморка.

[2] Речь идет об опыте Зинаиды Виссарионовны по заражению себя холерой, проведенном с целью подтверждения ее научной концепции в вопросе о холероподобных вибрионах.

жизни произвели научный опыт[2]. Кроме этого я пишу в надежде, что Вы ответите на интересующие меня вопросы и имеющие большое значение в моей жизни вопросы.

Но для того, чтобы Вы имели представление, кто Вам пишет, напишу пару слов о себе.

Я – студент 3 курса Киевского техникума кинематографии, комсомолец. Мне 19 лет, сын стрелочника, до поступления в техникум работал инструктором физической культуры. Очень жизнерадостный и веселый (это между прочим). Но одно обстоятельство меня очень беспокоит, вот об этом я Вам и пишу.

Дело в том, что у меня пять лет тому назад произошел несчастный случай – одно ухо пострадало от кипятка, слух был потерян на 50 %, но гноение в ухе продолжается.

Жил я тогда в районе, далеко от большого города. Лечиться в районе нельзя было, а в городе – средств не было. Будучи в Киеве, я обращался к многим врачам, но везде получал один и тот же ответ – ухо неизлечимо на всю жизнь, никакая операция не поможет (я добивался операции). Что второе ухо может тоже испортиться, что современная медицина этот дефект излечить не в состоянии. Я не знал, как быть. Но вот я прочел, что Вы произвели героический эксперимент, что Вы открыли новый способ лечения подобных болезней[3], и у меня появилась надежда ликвидировать этот дефект в моем организме.

Дорогая Зинаида Виссарионовна! Простите мне, что я Вам, профессору, своим письмом и своими вопросами надоедаю и так много пишу.

Ведь я еще молод, я только начал жить, я хочу заниматься парашютным спортом, быть летчиком – а у меня уже такой ужасный недостаток в организме, и в перспективе быть глухим в начале жизни.

Мне это очень тяжело переносить этот недостаток. Я один раз было обманул врачей и прыгал с парашютом, но больше мне не удалось это сделать, и все из-за этого уха, которое мне мешает нормально и полноценно учиться, работать и жить.

Зинаида Виссарионовна! Я надеюсь, что, прочтя мое письмо, Вы ответите на несколько интересующих меня вопросов.

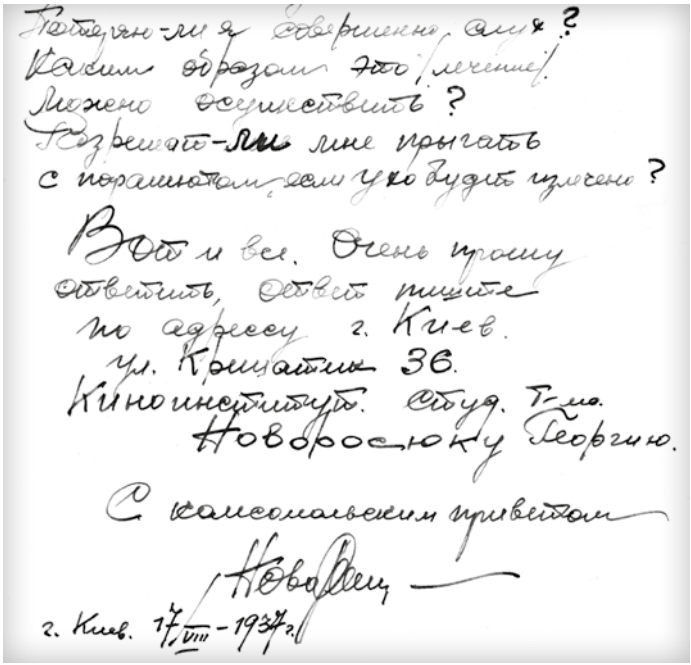

Фото 2. Окончание письма Г.Ф. Новоросюка

[3] Имеется в виду деятельность ученой по изучению фермента лизоцима и началу успешного применения его в практике здравоохранения.

Можно ли (после 5 лет болезни) вылечить мое ухо?

Потеряю ли я совершенно слух?

Каким образом это (лечение) можно осуществить?

Разрешат ли мне прыгать с парашютом, если ухо будет излечено?

Вот и все. Очень прошу ответить. Ответ пишите по адресу: г. Киев, ул. Крещатик, 36, Киноинститут. Студ[енту] т[ехнику]ма Новоросюку Георгию.

С комсомольским приветом

[Подпись]

г. Киев, 17/VIII – 1937 г.» [4, л. 3–4].

Нам неизвестно, ответила ли Зинаида Виссарионовна на это письмо. То, что она его сохранила в своих бумагах, а не выбросила, говорит о том, что всё же ученая довольно бережно относилась к тем обращениям, которые к ней поступали. Имеющиеся сведения о других случаях подобных корреспонденций и ответах на них З.В. Ермольевой, а также дальнейшая судьба этого юноши дают нам косвенную возможность предположить, что какое-то участие в жизни Г.Ф. Новоросюка ученая всё же могла принять.

В любом случае данное письмо имеет довольно важное значение для нашего анализа и позволяет сделать несколько довольно интересных выводов. Имя ученой было известно по всему Советскому Союзу благодаря публикациям в периодической печати. Ее исследования находили отклик не только в научном мире и структурах здравоохранения, но и у простых граждан, понимавших значение и новизну открытий микробиолога. Данное письмо показывает, что существовала возможность рядовых людей выступить с обращением и даже с просьбой к столичным ученым.

Благодаря наградным документам, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны РФ и доступным через электронный банк документов «Память народа 1941–1945 гг.», нам удалось установить дальнейшую судьбу молодого человека, обращавшегося к З.В. Ермольевой.

После начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., Г.Ф. Новоросюк был призван Балаклавским районным военкоматом Крымской области (фото 3). С октября 1941 г. лейтенант Г.Ф. Новоросюк воевал в составе 381-го стрелкового полка 109-й стрелковой дивизии Приморской армии на Крымском фронте в должности командира взвода связи. Принимал активное участие в боях по защите г. Севастополя от немецко-фашистских захватчиков, во время которых, 17 июля 1942 г., его тяжело ранили, после чего он был размещен в 475-м медико-санитарном батальоне. В ходе эвакуации, 30 июля 1942 г., Георгий Федосеевич был повторно ранен, в связи с чем не смог эвакуироваться и попал в плен [5, л. 384].

В период пребывания в плену он находился во вражеских лагерях для военнопленных в городах Джанкой, Кировград, Смела и на станции Северная Ленинградской области. Использовался на тяжелых физических работах. Находясь на работе в песчаном карьере, бежал из плена вместе с двумя товарищами и в районе г. Ропша Ленинградской области перешел линию фронта.

Бывший военнопленный Г.Ф. Новоросюк проходил государственную специальную про-

Фото 3. Георгий Федосеевич Новоросюк

верку в проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 174 с 23 января 1944 г. по 25 октября 1944 г., откуда его направили в 55-й офицерский полк резерва Московского военного округа, где он пробыл до 15 апреля 1945 г. Затем Георгия Федосеевича перебросили в Дальневосточный военный округ, где он участвовал в боях с Японией [5, л. 384].

Лейтенант Г.Ф. Новоросюк по состоянию здоровья был уволен из рядов Советской Армии в апреле 1946 г. Примечательно, что свою первую награду, орден Отечественной войны II степени, он получит лишь в 1957 г.

Резюмируя, отметим, насколько значительным может оказаться письмо в качестве исторического источника. Данное обращение студента техникума Г.Ф. Новоросюка к известному микробиологу З.В. Ермольевой показывает эффективность научной деятельности ученой и отклики на ее работы в практическом здравоохранении. Крайне любопытно было проследить дальнейшую судьбу этого юноши, который стойко прошел через все испытания Великой Отечественной войны и, несмотря на ранения и плен, достойно завершил свою службу в рядах Вооруженных сил СССР.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1136.

2. ГАРФ. Ф. А-579. Оп. 1. Д. 453.

3. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 72.

4. РГАЭ. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 83.

5. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 033. Оп. 0737292с. Д. 0101 // Подвиг народа 1941–1945 : электронный банк документов. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=1561534079&tab=navDetailManAward (дата обращения: 21.09.2022).

6. *Бокштейн А.С.* К вопросу о лечении гнойных хронических отитов // Вестник оториноларингологии. 1939. № 6. С. 34–37.

7. *Боткин С.П.* Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 374 с.

8. *Горшенин А.В.* Микробиолог З.В. Ермольева – пионер в изучении антибактериального агента лизоцима в СССР в 1930-е годы // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 237–240.

9. *Ермольева З.В.* Лизоцим // Успехи современной биологии. 1938. Т. 9. Вып. 1. С. 68–80.

10. *Кобак И.В.* Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 2. С. 142–148.

11. *Мечников И.И.* Письма к О.Н. Мечниковой, 1876–1899 / под ред. А.Е. Гайсиновича и Б.В. Левшина. М. : Наука, 1978. 325 с.

12. *Павлов И.П.* Переписка И.П. Павлова. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 436 с.

13. *Пирогов Н.И.* Севастопольские письма Н.И. Пирогова. 1854–1855. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 172 с.

14. *Присс А.* Победительница вибрионов // Комсомольская правда. 1937. 12 августа. № 184. С. 3.

Сведения об авторе

Горшенин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, доцент кафедры фармации Медицинского университета «Реавиз»; главный библиотекарь Самарской областной универсальной научной библиотеки.

E-mail: aleksandr_gorshenin@rambler.ru

Для цитирования

Горшенин А.В. Письмо микробиологу З.В. Ермольевой с вопросами по здоровью и судьба его адресанта Г.Ф. Новоросюка // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 91–96.

УДК 908+929

САМАРСКИЙ ФЕЛЬЕТОНИСТ ЗУДА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

SAMARA FEUILLETONIST ZUDA : TOUCHES TO THE PORTRAIT

М.А. Перепёлкин
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва; Самарский литературно-мемориальный музей имени М. Горького
(Россия, Самара)

M.A. Perepelkin
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev; Samara Literary and Memorial Museum named after M. Gorky
(Samara, Russia)

Л.О. Копылов
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
(Россия, Самара)

L.O. Kopylov
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev
(Samara, Russia)

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции биографии и творческого портрета самарского фельетониста 1910-х гг. А.С. Степанова (Зуды). Для этого исследуются все выявленные на сегодняшний день публикации Зуды в газете «Волжский день», журнале «Харакири» и в других изданиях, восстанавливаются детали личной жизни фельетониста, дается характеристика его творческой манеры автора фельетонов. Статья содержит полный перечень выявленных самарских публикаций Зуды, а также перечень известных публикаций омского периода.

Abstract. The article attempts to reconstruct the biography and creative portrait of the Samara feuilletonist of the 1910s. A.S. Stepanova (Zudy). To do this, all the publications of Zuda identified to date in the Volga Day newspaper, the Harakiri magazine and other publications are examined, the details of the feuilletonist's personal life are restored, and his creative manner of the author of the feuilletons is characterized. The article contains a complete list of identified Samara publications by Zuda, as well as a list of known publications of the Omsk period.

Ключевые слова: Самара, Зуда, А.С. Степанов, фельетонист, «Волжский день», «Харакири», «Гримасы старого режима», Омск.

Keywords: Samara, Zuda, A.S. Stepanov, feuilletonist, “Volga Day”, “Harakiri”, “Grimaces of the Old Regime”, Omsk.

Как известно, октябрьский переворот 1917 г. и последовавшие за ним события подвели черту под целой исторической эпохой, отправив в небытие и забвение сотни тысяч людей, инициатив, социальных и культурных проектов и т д. Многое ушло и забылось безвозвратно, от многого остались только фрагменты и крупицы, собирая которые мы можем попытаться если не восстановить полностью, то хотя бы наметить некоторые контуры той страны, в которой жили наши прапрадеды – россияне начала XX столетия. Попыткой такой реконструкции является настоящая статья, посвященная личности и творчеству только одного человека – журналиста, литератора Александра Степановича Степанова (Зуды), имя которого было хорошо известно в Самаре накануне октябрьских событий 1917 г. [2, с. 46], но оказалось полностью вычеркнутым из контекста самарской культуры после них[1]. Можно ли здесь полностью положиться на данные И.Ф. Масанова [50, с. 398] – вопрос, требующий дальнейших размышлений и обстоятельной проверки. Так, редактором выходившей в Самаре в 1917 г. газеты «Волжский день» значился некий С.В. Степанов, а например, в дневнике И. Ильина фигурирует некий «журналист Самосонов», смешивший журналистскую братию бесконечными анекдотами в купе поезда, следовавшего из Самары в Омск осенью 1918 г. Почти наверняка известно, что Зуда ехал этим же поездом и именно с этими людьми – в таком случае, не о нем ли пишет и автор дневника [84]?

Сведений о жизни А.С. Степанова почти не сохранилось, и главным источником, из которого можно почерпнуть хоть какие-то из них, являются принадлежащие ему же фельетоны, в которых прямо или косвенно упоминаются разрозненные факты и обстоятельства, складывающиеся примерно в следующую картину.

Будущий самарский фельетонист родился в 1885 или в 1886 г. (в одной из публикаций, помещенных в сатирическом журнале «Харакири» в 1918 г., он говорит о том, что ему теперь 32 года [99, с. 15]). В нескольких фельетонах, написанных от первого лица, говорится о том, что некогда он жил в Москве [см. 39, с. 3], где служил на железной дороге, и о том, что ему приходилось много работать, чтобы прокормить большую семью. Что касается семьи, то опять же, имея в виду один из собственных фельетонов Зуды 1918 г., мы можем говорить о том, что у него было семеро детей. О «многочисленных чадах и домочадцах» Зуды упоминает в своих воспоминаниях, относящихся к ноябрю 1919 г., и В.Н. Иванов, описывающий сцену прощания с сотрудниками «Русского бюро печати» в ходе их эвакуации из Омска в Иркутск [40, с. 73].

В 1915 г. А.С. Степанов начинает свое сотрудничество с печатным органом самарских кадетов – газетой «Волжский день» (рис. 1). Газета пользовалась большой популярностью

№ 51. Воскресенье, 5-го марта 1917 г. ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ. Воскресенье, 5-го марта 1917 г. № 5

ВОЛЖСКІЙ ДЕНЬ

Цѣна № 6 коп.

КОЛИЗЕЙ СТАВИТЪ 5, 6, 7 и 8 марта

Жизнь нашихъ сотрудниковъ на передовыхъ позиціяхъ

БОМБАРДИРОВКА АМЕРИКАНСКИХЪ ПОЗИЦІЙ.

Городской театръ РУССКАЯ ОПЕРА

АИДА

ТРАВІАТА

ЖИЗНЬ

ТАНЕЦЪ

ФАУСТЪ

Театръ-Фуроръ

СНИТЕ, ОРЛЫ БОЕВЫЕ!

Д-ръ М. Л. ОРЛИНЪ.

Курсы сестеръ милосердія.

Я. С. ГУРЕВИЧЪ.

Казино красоты Е. ВОЛНОВОЙ.

СБОРНЫЙ ПУНКТЪ ДЛЯ МАНИФЕСТАЦІЙ

А. С. ШОЛОМОВИЧЪ

Родильный домъ А. М. ШАРЕНОЙ

Д-РЪ П. Н. РАЗУМОВСКІЙ

Я. С. Ганнушкинъ

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБРАЩЕНІЕ.

А. С. МЕДЕМЪ

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вениаминъ Петровичъ ИЗОЛЬЕВЪ

Метелицъ Григорьевичъ СЕРДЮКОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ. САМАРСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА ОТКРЫТІИ МЯСНЫХЪ ЛАВОКЪ

В. В. КНЯЗЕВСКІЙ

Почтой получена СЕЛЬДИ

КАРАВЕЛЬ 1 РУБ. 50 КОП.

РУХЛОВА

М. Н. КАЦНЕЛЬСОНЪ

А. Ю. Шмоткинъ

ИЗУЧАЙТЕ ЯЗЫКИ.

М. И. ИСТОРИНЪ.

Ф. В. БЫХОВСКАЯ-РАТНЕРЪ

Продается ЗЕМЛЯ

Продается БѢЛАЯ БУМАГА.

Н. А. ЛЕВКОВИЧЪ

А. М. КЛИБАНОВЪ.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОДАРКИ.

Рисунок 1. Первая страница газеты «Волжский день». 5 марта 1917 г.

[1] О том, что сотрудника «Волжского дня» и других самарских газет, известного под псевдонимом «Зуда», звали А.С. Степановым, см. у И.Ф. Масанова [50, с. 398].

среди самарцев, о чем свидетельствовал ее тираж: если верить самой газете, летом 1917 г. он составлял 30 тысяч экземпляров – цифра очень солидная для сравнительно небольшого города, каким была в это время Самара.

Все фельетоны А.С. Степанова в «Волжском дне» публиковались под псевдонимом «Зуда» и касались широкого спектра тем: здесь и политика, и социальные вопросы, и разного рода услуги и развлечения. В самых разных направлениях летели и полемические стрелы фельетониста, высмеивавшего не только нравы самарских обывателей и властей города, но и открыто критиковавшего «революционные порядки», установившиеся в результате политических потрясений. Со временем фельетоны Зуды стали публиковаться в основном под рубрикой «На лету», обосновавшейся на третьей странице газеты. Название рубрики отражало один из основных аспектов работы фельетониста – необходимость быстро и метко откликнуться на случившееся, «на лету» схватить то, что еще не осело и не устоялось. Отметим, что под этой рубрикой публиковались также и заметки других авторов, но в сознании самарцев начала века она связывалась преимущественно с Зудой, сумевшим стать тем самым фельетонистом, корреспонденции которого воспринимались как родившиеся «на лету».

Нам удалось выявить около тридцати фельетонов Зуды, помещенных на страницах «Волжского дня», – ниже остановимся на некоторых из них.

Так, в фельетоне «Очередная “кража”» речь идет о «краже» спиртного со склада купцов Ивановых на углу Соборной и Заводской. Рассказывая об обстоятельствах этой «кражи», которой предшествовали арест и штраф, наложенные властями на отца и сына Ивановых, уличенных в тайной продаже спиртного, автор фельетона иронизирует над доверчивостью полицейских, которых почему-то не смутил тот факт, что воры умудрились вынести со склада «пять с лишним ведер вина и 245 штук посуды», весящих в общей сложности около 10 пудов, и к тому же, уходя, заперли за собой двери склада.

Работе самарской полиции посвящены и три других фельетона Зуды – «Всё благополучно», «Правосудие» и «Трехногий пристав».

В фельетоне «Всё благополучно» рассказывается о том, что городовые поймали на улице беглого солдата, – «впрочем, нужно сказать правду: не столько его поймали, сколько он сам поймался, ибо пьян был вдребезги». Далее говорится о том, что, задержав его, городовые привели солдата в часть, где избили до полусмерти. Между тем пристав, докладывая полицмейстеру обстановку, отрапортовал, что на его участке «всё обстоит благополучно». В заключение автор фельетона сетует на то, что приставу даже невдомек, что у него в части завелись «немецкие зверства».

В фельетоне «Правосудие» описывается вчерашнее происшествие на Хлебной площади, где поссорились две торговки, не поделившие телячью кожу. Заставший эту ссору городовой отвел обеих в часть, где их «заперли… в каталажку», в которой торговки провели несколько часов и были счастливы отказаться от чего бы то ни было, лишь бы их отпустили на волю.

Героем третьего фельетона – «Трехногий пристав» – стал околоточный надзиратель четвертой полицейской части, забравший у одноногого бывшего рядового Шерстянкина сломавшийся протез для того, чтобы отослать последний для починки в Москву, но так и не сделал этого, а когда инвалид явился узнать, когда же наконец он получит починенный протез, околоточный стал требовать с него денег на ящик для пересылки протеза. «Что ж, – иронизирует фельетонист, – потребуйте с него еще и денег за ящик, в котором вы похоронили его ампутированную ногу».

Нравам самарцев – как власть предержащих, так и простых обывателей – посвящены и два других фельетона – «Патока» и «Наш прием», в первом из которых рассказывается о том, что не так давно на Панской улице были пролиты две бочки патоки, и сейчас же к этому месту потянулся народ, который собирал пролитую сладость всем, чем придется. То же самое делали и приказчики Савинова, пролившие патоку и теперь собиравшие ее вместе с навозом и прочей грязью. На вопрос, зачем они это делают, приказчики ответили: «Вскипятят, очистят, и в дело пойдет». Услышав это, возмущенный народ добился того, чтобы собранная приказчиками патока была публично выброшена в Волгу.

В другом фельетоне – «Наш прием» – автор рассказывает о прошедшем недавно в Самаре крестьянском съезде, на который съехались крестьяне из сёл и деревень со всей губернии. Приветствуя этот съезд, самарцы произнесли много громких слов, а на вопрос приехавших, где они будут ночевать, никто из самарцев почему-то не ответил. В результате ночевать приехавшим пришлось в дешевых грязных лачугах, рядом с нищетой. В заключение фельетонист сетует на то, что если бы крестьяне приехали не на съезд, а на базар, внимания к ним было бы гораздо больше.

Другая серия фельетонов Зуды была посвящена нравам и реалиям нового, революционного, времени. Так, в фельетоне «Транспорт налаживается» речь идет, напротив, о том, что никакого транспорта ныне нет и в помине; в фельетоне «Без проводов», констатируя, что телеграф больше не работает, автор говорит о том, что «зато лихорадочно работает другой телеграф, обывательский, ежедневно приносящий неизвестно откуда самые убийственные новости»; в фельетоне «Новые резервы» автор фантазирует на тему о том, как могли бы выглядеть военные учения в монастыре, исполнись услышанное им на одном из митингов предложение отправить в армию всех монахов, а в фельетоне «Митинг на бойнях» описывается воображаемый митинг среди граждан-мясоторговцев, принявших следующие резолюции: оптовую таксу оставить, а розничную отменить, уволить управляющего бойней и назначить на его место лицо без ветеринарного образования («А то замучил») и т. п.

Наконец, несколько особняком от других стоят несколько «фельетонов», которые точнее было бы назвать репортажами или зарисовками с места событий; собственно фельетонное, сатирическое, начало в них практически отсутствует или едва намечено. Так, в фельетоне «Манифестация» изображается недавняя манифестация, проследовавшая от собора к памятнику по улице Дворянской. Пропустив процессию мимо себя, фельетонист примкнул к ее хвосту, где и увидел еще одно «чудо последних дней: милиционерку» – в плюшевой шубке, в туфельках, в ажурных чулках, но – с повязкой на рукаве и с ружьем. В другом фельетоне («В тюрьме») автор рассказывает о том, что он посетил тюрьму, куда были заключены арестованные революционным комитетом Самары губернатор князь Голицын, жандармский полковник Познанский, его помощник Станкевич и другие. При этом кто-то из арестованных, по словам фельетониста, впал в отчаяние, кто-то – терпеливо принимает случившееся. «Революция, – резюмирует автор, – разумно убрала со своей дороги всё, что опасно и что могло оказаться опасным». В третьем фельетоне – «Вербное гулянье» – фельетонист рассказывает о том, что, получив задание редактора сходить на вербный базар в театр «Олимп», он не ожидал найти там ничего интересного («у нас никогда ничего путного сделать не умеют»), но на этот раз ошибся: «самарская конюшня, “Олимп”, превратился в милый, уютный, с любовью убранный уголок, сплошь уставленный живописными киосками, палатками и столиками», а сам базар удался.

Отдельного упоминания заслуживает фельетон, помещенный в рубрике «На лету» и озаглавленный «Лотерея». Автор этого фельетона говорит о том, что в редакцию на его имя поступают трогательные письма с «еще более трогательными предложениями», заключающимися в том, что авторы этих писем предлагают отдать свои медали, муку, екатерининские пятаки и т. д. При этом каждый из них выдвигает собственную идею, во имя чего именно он готов принести эту жертву, что заставило автора фельетона выступить с предложением «устроить большую лотерею в пользу трех фондов: жертвам революции, на оборону и на памятник Свободе». Любопытно, что предложение фельетониста имело отклик среди самарцев, и газета еще не раз возвращалась к этой же теме. Так, вскоре в газете была помещена информация о том, что «для устраиваемой Зудой лотереи в пользу жертв революции, на оборону и на памятник Свободе в Самаре В. П. Пудовкиной присланы в редакцию три серебряные вилки», а еще несколько дней спустя от неизвестного были получены финский нож и Евангелие, от А.Г. Беручевского – две медали и золотой орден Станислава, а от А.А. Тубарина – картина [21, с. 3].

О популярности в городе Зуды и его фельетонов свидетельствует, например, история, описанная самим фельетонистом в фельетоне «Лжезуда», в котором идет речь о появившихся в городе аферистах, выдающих себя за автора заметок, помещаемых в «Волжском дне». Заслуживает внимания и следующее сообщение, также свидетельствующее о том, что фельетоны Зуды совсем не оставались незамеченными в городе. Летом 1917 г. публикации Зуды в «Волжском дне» стали предметом разбирательства на губернском съезде крестьянских депутатов. При этом фельетонист был обвинен в клевете, а газете был объявлен бойкот со стороны левых. И то и другое вызвало широкий резонанс в городе, и многие, в том числе именитые, горожане высказались в поддержку издания и его фельетониста. А в сентябре 1918 г. уже городской продовольственный комитет поручил своему юрисконсульту «привлечь г. Зуду за помещенные им в “Волжском дне” фельетоны о разгроме колбасной горпродкома к судебной ответственности» [17, с. 2; 21, с. 2].

Февральскую революцию 1917 г. Зуда встретил восторженно: в самый пик революционных событий фельетонист Зуда уступил место «гражданину Зуде», радовавшемуся революции без всякой иронии. А уже чуть позже, в период с осени 1917 до осени 1918 г., фельетонист Зуда получил известность как редактор сатирического журнала «Харакири», выходившего в Самаре в 1917–1918 гг.

Первый номер журнала «Харакири» (рис. 2) вышел в ноябре 1917 г. Редактором журнала первоначально значился А. Вдовин, а издателем – Л. Лукин. Как сообщалось в журнале, он должен выходить еженедельно по субботам, адрес редакции: улица Дворянская, дом Русского для внешней торговли банка, квартира 7. Здесь же перечислялись фамилии либо псевдонимы всех сотрудников журнала: «В еженедельнике “Харакири” принимают участие квалифицированные специалисты этого дела: Боремир, А. Вдовин, Гвоздь, Земляк, Зуда, Л. Л., Синьор, а также некоторые гастролеры – любители харакири. Жертвы “Харакири” еженедельно зарисовываются художниками: А. К., М. И. Швырковым, Бек, Яка, Гебель, Н. Сытиной и др.» [96, с. 8]. Однако вскоре редактором-издателем журнала стал Зуда, посвятивший этому событию следующий иронический «Манифест»: «Милостию Божией Мы, Зуда первый и последний, пародержец самарский, бузулукский, бугурусланский, новоузенский и прочая и прочая и прочая объявлям о том, что сочли за благо приять в руки свои верховное руководство журналом “Харакири”, дабы со страниц его разить сердце врагов родины пером нашим. Самара, декабря 15 дня» [97, с. 2]. В одном из номеров журнала были помещены такие иронические данные о новом редакторе-издателе: «Издатель: Зуда, 32-х лет, православный, женат трижды, семь раз отец, рост средний, цвет волос русый, особых примет нет; питается два раза в день; чай пьет целый день; галоши носит № 9. Редактор: он же; приметы те же; для отсидки неудобен, ибо хил и немощен; хватать удобнее всего в редакции с 11 до 12 часов дня; эти часы ежедневно про-

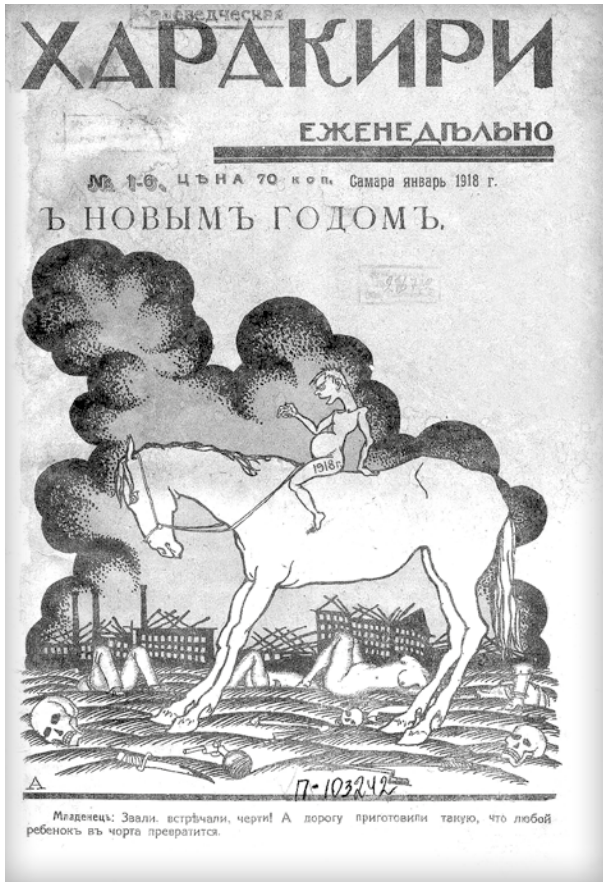
Краеведческая
ХАРАКИРИ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
№ 1-й. ЦѢНА 70 коп. Самара январь 1918 г.
Ъ НОВЫМЪ ГОДОМЪ.
1918
П-1032492
Младенецъ: Звали, встрѣчали, черти! А дорогу приготовили такую, что любой ребенокъ въ чорта превратится.

Рисунок 2. Первая страница журнала «Харакири». Январь 1918 г.

водит в ожидании жандармерии с поднятыми руками». Здесь же помещены так же иронически изображенные адреса редакции и конторы: «Адрес редакции: Дворянская, 98, квартира 7; паровое отопление, электрическое освещение, ход один – скрыться некуда. Контора: в кармане издателя; в случае обыска о кассе можно не беспокоиться, в ней всегда пусто» [100, с. 15]. Журнал «Харакири» просуществовал совсем недолго: он был закрыт «за контрреволюционное направление» 24 февраля 1918 г. [34, с. 96] (но фактически выходил до конца марта этого же года) и ненадолго возобновил свой выход уже при КОМУЧе, летом-осенью 1918 г.

Представляет интерес, например, помещавшаяся почти в каждом номере этого журнала рубрика «Почтовый ящик», в которой редактор отвечал на письма читателей, выбирая, как правило, для ответов самые нелепые из них. При этом сами письма не публиковались, так что читатели могли только догадываться об их содержании по ответам редактора корреспондентам (например: Зине Борисовой: «Не бойтесь. До сих пор они отнимали только оружие. Часы отнимает другая секция»; Габриэлю Д.: «Прислал 48 страниц своих сочинений и пишет: “большинство моих острот очень тонко”. Зачем же так приуменьшать свои достоинства? Наоборот, мы их еле в корзину втиснули» [98, с. 14]; Лили Звездочке: «Пишите, пишите, звездочка! Может быть, и воссияете» [98, с. 14] и др.).

И в 1917-м, и позже, в 1918 г., Зуда находился в центре общественного внимания в Самаре: его читали, кому-то его фельетоны нравились, кого-то они возмущали и раздражали. Иначе трудно объяснить тот факт, что известный самарский краевед К.П. Головкин упомянул в своей картотеке его имя среди известных самарцев [31, с. 239], а журналист И.Я. Галкин уже в советское время вспомнил, как «особенно изощрялся», изображая большевиков как разбойников с большой дороги и немецких шпионов, «фельетонист газеты “Волжский день”, писавший под псевдонимом Зуда» [27, с. 69]. «Суетливым дядей» и вместе с тем «довольно популярным в городе человеком» называет Зуду и упоминавшийся уже Н.А. Абалкин, вспоминая о том, как он «старательно усаживал в сани» («а потом сел рядом с ней» [2, с. 46–47]) приезжавшую в Самару «бабушку русской революции» Е.К. Брешко-Брешковскую. Наконец, следует упомянуть еще об одном отзыве на фельетоны Зуды, принадлежащем видному самарскому общественному деятелю З.М. Славяновой, которая в очерке публицистики и беллетристики в революционной Самаре отметила, что «отдельно и выше всех стоят талантливые очерки и рассказы Неверова и не всегда благородные по тенденции, но живые, с огнем юморески Зуды» [85, отдел 2-й, с. 116].

В дополнение к портрету Зуды следует добавить, что в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея (СОИКМ) имени П.В. Алабина сохранились две открытки (рис. 3, 4) с рисунками-карикатурами и стихотворными подписями Зуды. На первой из этих открыток изображен силуэт военнослужащего, который сидит на стуле и держит в руках би-

Рисунок 4. Открытка с изображением инвалида войны и стихами Зуды. 1914–1917 гг.

нокль. Рисунок сопровождается следующей подписью: «Пришлось ли вам когда-нибудь / Под штык подставить свою грудь? / Душил ли вас / Когда-нибудь немецкий газ? / Рвало ли вам снарядом ноги? / Коль нет – благодаренье Богу. / А если так, / Давайте четвертак / Солдатам на табак». На второй открытке изображен толстый богатей. На этот раз подпись под рисунком следующая: «Получу коль пользы голой / Тысяч двести в этот год, / То пожертвую целковый / Ото всех своих щедрот». По всей видимости, обе открытки были выпущены с агитационно-пропагандистскими целями в период с 1914 по 1917 г.

А вот о том, как сложилась жизнь А.С. Степанова после вынужденного отъезда из Самары осенью 1918 г., почти ничего не известно. Вероятно, вместе с другими журналистами «Волжского дня» он добрался вначале до Омска, где работал в «Русском бюро печати»

Рисунок 4. Открытка с изображением скупого богача и стихами Зуды. 1914–1917 гг.

и публиковался в «Нашей газете», выходившей под редакцией Н.В. Устрялова, а потом перебрался в Иркутск, где поселился этажом выше «Русского бюро печати» и устраивал для его сотрудников обеды вскладчину [95, с. 249]. Что произошло с ним после перехода Иркутска в руки красных – об этом нам пока не удалось обнаружить почти никаких сведений: был ли он убит при взятии Иркутска или погиб позже, например, в большевистских застенках? Удалось ли ему бежать и добраться до Харбина, как это сделали некоторые из тех, кому повезло вырваться, или доехать до одной из европейских стран либо обосноваться и начать новую жизнь за океаном? Имя некоего А.С. Степанова упоминается в книге «Весь Харбин на 1926 год» [11, с. 438], а на сайте Архива Гуверовского института упоминается некая коллекция, названная так: «Набросок проектируемых воспоминаний А.С. Степанова». В описании коллекции указывается, что она относится к секретным военным организациям в Сибири, 1918–1920 гг. [1], но имеют ли эти материалы отношение к самарцу Зуде – пока не известно.

Хочется надеяться, что тем, кто будет писать о самарском фельетонисте Зуде после нас, повезет больше и в их руках окажутся источники и архивы, которые помогут сделать этот портрет красочнее и рельефнее.

***

Далее скажем несколько слов об одной из книг Зуды, судя по всему, увидевшей свет в Самаре в 1917 г. На самой книге дата ее выхода отсутствует, но известно, что весной 1917 г. на страницах «Волжского дня» анонсировалось скорое появление книги «Гримасы старого режима»: «Сборник фельетонов и новых рассказов. 128 страниц, с портретом автора. 60 копеек, с пересылкой 65 копеек, наложенный платеж не высылается. Адресовать: “Волжский день”, Зуде» [19, с. 1; 20, с. 1; и др.]. По словам Н.А. Абалкина, «книжка дореволюционных фельетонов о самарском житье-бытье под хлестким названием “Гримасы старого режима”» была выпущена Зудой «сразу же после февральской революции» [2, с. 47]. Известно также, что в том же 1917 г. вышла книга Зуды

«Черные пятна» [39], а на октябрь 1917 г. Зудой был запланирован выход еще одной книги фельетонов – «Вавилонское столпотворение», но состоялась ли эта публикация, установить пока не удалось.

Книга под названием «Гримасы старого режима. Сборник рассказов и фельетонов» [37] (рис. 5) вышла в типографии «Русский печатник» и включала в себя восемнадцать сочинений фельетониста. Героями фельетонов, включенных в книгу, были на этот раз монахини женского монастыря во главе с игуменьей («Вишня пурпуровая»), юный карманник («Познакомился»), служащие железной дороги («Разводите бобы»), сын Миша и игумен Анатолий («Грамотей»), консисторский чиновник Лука Лукич Разводов («Чорт»), пристав Иван Карлыч («Новые брюки»), дьякон («Петушок»), бывшая прислуга Марфа («Встреча») и многие другие. Отличаются разнообразием сюжеты фельетонов, а сатирические стрелы фельетониста летят не менее чем в полутора десятках различных направлений, среди которых и семейные отношения («Хрупкое существо»), и неумелые попытки решить проблему «мясного голода» («Вместо говядины»), и организация работы городской санэпидстанции («Дезинфекция») и т. д.

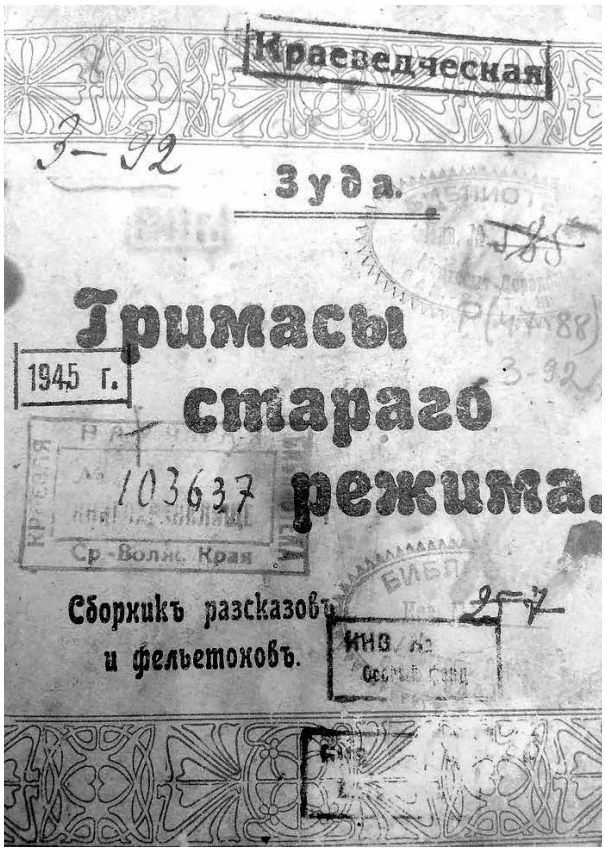

Рисунок 5. Первая страница сборника «Гримасы старого режима». Февраль-март 1917 г.

Любопытна и картина города, нарисованная Зудой в рассказах и фельетонах, объединенных под одной обложкой. Здесь и Ильинская площадь, и Николаевская улица, и Троицкий базар, а еще – набережная, городской сад, Волга и Ставрополь, и еще ряд объектов и топонимов, хорошо знакомых самарцам, узнаваемых ими и включающих «гримасы» самарского фельетониста в тот самый «самарский текст», одним из создателей которого был и Зуда тоже.

Остановимся на трех фельетонах Зуды, опубликованных в рассматриваемой книге.

Герой фельетона «Познакомился» рассказывает о произошедшей в трамвае встрече и знакомстве с юным вором, попытавшимся украсть кошелек из кармана зазевавшегося горожанина. Попытка кражи была замечена и пресечена рассказчиком, вначале заставившим карманника вернуть украденное, а потом познакомившимся с ним и расспросившим воришку о его житье-бытье («Живет с матерью. Ворует и всю добычу отдает ей, оставляя себе только на расходы: на трамвай, папиросы и мороженое. Мать его любит и каждое утро, отправляя на работу, крестит со слезами на глазах. Чтобы не попался. И в благодарность “за работу” выписывает ему два журнала – “Ниву” и “Природу и людей”. У него есть маленькая сестренка и два младших братишки»). В завершение знакомства карманник жалуется рассказчику на сложность своего занятия, а спустя непродолжительное время – обворовывает своего собеседника. «На этот раз я уже не думал о маленьком, трепетно бьющемся сердечке» [37, с. 17] – завершают свой рассказ рассказчик и автор фельетона.

А вот «главным героем» другого фельетона – «Телефон» – является это «изобретение последнего времени», представляющееся рассказчику гораздо более удивительным, чем, например, граммофон – «хорошая маши-

на, но бесчувственная и безответственная»: «Другое дело телефон» [37, с. 85]. Заложив свое зимнее пальто, рассказчик устанавливает телефон у себя дома, очень радуется этому обстоятельству, несколько раз подряд звонит себе домой из магазина, но уже в первый же вечер убеждается в том, что телефон – это далеко не только радость и счатье. Случайные звонки, раздающиеся в квартире рассказчика, требуют от него, чтобы он срочно приезжал к командиру батареи, интересуются, сколько будет стоить принять роженицу и т. д. «Вот оно, живое слово, – иронизирует рассказчик, услышав в телефонную трубку ругательства в свой адрес. – Это совсем не то, что “Самовар плывет по Волге!”. Нет, что ни говорите, а телефон выше граммофона!» [37, с. 93].

В центре третьего фельетона («Встреча») – рассказ о случайной встрече рассказчика с «бывшей прислугой, рябой Марфой». Последняя выглядит «расфранченной», вытирает нос вуалью от шляпы и хвастает перед бывшим хозяином тем, что она «теперь сама прислугу имеет», так как «шинок держит» («И даже не один, а два. Теперь только дурак шинка не держит. Уж больно выгодно»). Далее Марфа рассказывает «барину» о сложностях своего предприятия и просит порекомендовать ей «знакомого какого-нибудь в шинкари»: «Коли есть, присылайте. У Троицкого базара, пусть Матрёху спросит, меня всякая собака знает» [37, с. 127].

Собранные под одной обложкой, фельетоны Зуды уже не кажутся случайными штрихами и брошенными «на лету» фразами, образуя хоть и несколько причудливый, но цельный рисунок, в котором можно различить и портрет города, и лица и характеры горожан – самарцев начала XX столетия. Остается посожалеть лишь о том, что вышедшая более века назад книга самарского фельетониста Зуды так никогда больше и не переиздавалась, а включенные в нее «рассказы и фельетоны», как и многие другие рассеянные по газетным страницам зарисовки талантливого и неординарного художника слова, каким, безусловно, был тот, кто скрыл свое настоящее имя под этим по-фельетонному звучащим псевдонимом, почти не известны самарцам века XXI.

Список источников и литературы

1. Архив Гуверовского института. URL: www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt4n39r8r4/?guery=Stepanjv (дата обращения: 21.08.2022).
2. *Абалкин Н.А.* На добрую память: книга памятных встреч, литературных и житейских воспоминаний, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». М., 1975. 398 с.
3. Без мандата // Харакири. 1917. № 5. С. 6.
4. Без…опасность // Харакири. 1917. № 1. С. 6–7.
5. Без проводов // Волжский день. 1918. 23 (10) июня. № 7. С. 2.
6. Берегите кровь // Волжский день. 1918. 8 сентября. № 70. С. 3.
7. Благодетель // Волжский день. 1917. 4 июля. № 142. С. 3.
8. Бунда // Волжский день. 1918. 6 сентября. № 68. С. 2.
9. Буржуи // Волжский день. 1917. 28 июля. № 163. С. 2.
10. Вербное гулянье // Волжский день. 1916. 3 апреля. № 75. С. 2.
11. Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга / сост. С.Т. Тернавский. Харбин, 1926. 882 с.
12. Ветхий Завет. Начало // Харакири. 1918. № 10. С. 3–4.
13. Ветхий Завет. Продолжение // Харакири. 1918. № 10. С. 3–4.
14. Ветхий Завет. Продолжение // Харакири. 1918. № 11. С. 3–5.
15. Ветхий Завет. Продолжение // Харакири. 1918. № 13. С. 3–4, 6.
16. Ветхий Завет. Продолжение // Харакири. 1918. № 14. С. 3–4, 6.
17. Вечерняя заря. 1918. 3 сентября. № 137.
18. Вещание // Волжский день. 1917. 7 июля. № 145. С. 3.
19. Волжский день. 1917. 10 марта. № 55.
20. Волжский день. 1917. 12 марта. № 57.
21. Волжский день. 1917. 23 марта. № 66.

22. Волжское слово.1918. 3 сентября. № 179.
23. В руки народа // Харакири. 1917. № 1. С. 3.
24. Всё благополучно // Волжский день. 1916. 4 сентября. № 192. С. 2.
25. В тюрьме // Волжский день. 1917. 8 марта. № 53. С. 3.
26. Галина // Волжский день. 1917. 9 июня. № 122. С. 3.
27. *Галкин И.Я.* На заре нашей юности. Куйбышев : Куйб. кн. изд-во, 1969. 223 с.
28. Герои 18 июня // Волжский день. 1917. 6 июля. № 144. С. 3.
29. Гимназия // Волжский день. 1917. 8 июля. № 146. С. 3.
30. Глина // Волжский день. 1917. 13 сентября. № 199. С. 3.
31. *Головкин К.П.* Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3: Самара в конце XVIII – начале XX вв. (Краеведческая картотека) / сост. Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов ; под науч. ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара : Самарский университет, 2007. 432 с.
32. Деревянный жулик // Волжский день. 1917. 23 июля. № 159. С. 2–3.
33. Дети // Волжский день. 1918. 12 июля. № 22. С. 2.
34. *Дубинский-Мухадзе И.М.* Куйбышев. М., 1971. 304 с. (Жизнь замечательных людей).
35. Жженые карты // Харакири. 1918. № 1–6. С. 10–11.
36. Золотопромышленники // Волжский день. 1918. 21 (6) июня. № 5. С. 2.
37. *Зуда.* Гримасы старого режима. Самара, 1917. 128 с.
38. *Зуда.* Сахарная карточка // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т. 1. Отдел 2-й. С. 143–144.
39. *Зуда.* Черные пятна. Самара, 1917. 96 с.
40. *Иванов В.Н.* Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 3–74.
41. Итоги // Волжский день. 1917. 7 мая. № 97. С. 2.
42. Картошка // Волжский день. 1917. 16 июля. № 155. С. 3.
43. Консисторский бунт // Волжский день. 1917. 20 июля. № 156. С. 2.
44. Корыто // Харакири. 1918. № 12. С. 3–6.
45. Кошелек и сумка // Волжский день. 1917. 5 сентября. № 193. С. 3.
46. Курьер // Харакири. 1918. № 16. С. 17–21.
47. Кутеж // Волжский день. 1917. 2 июля. № 141. С. 3.
48. Лжезуда // Волжский день. 1915. 5 ноября. С. 3.
49. Манифестация // Волжский день. 1917. 7 марта. № 52. С. 3.
50. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. Т. 1. 440 с.
51. Мертвый город // Наша газета (Омск). 1919. 25 октября. № 65. С. 3.
52. Митинг на бойнях // Волжский день. 1917. 12 марта. № 57. С. 2–3.
53. Модестов // Волжский день. 1917. 27 июня. № 137. С. 3.
54. Мощный голос // Волжский день. 1917. 18 марта. № 62. С. 2.
55. Мученица // Волжский день. 1917. 19 марта. № 63. С. 2.
56. На лету. Балет // Волжский день. 1917. 14 июля. № 154. С. 3.
57. На лету. Без <…> // Волжский день. 1918. 1 октября. № 88. С. 2.
58. На лету. <…> // Волжский день. 1917. 31 мая. № 114. С. 3.
59. На лету. <…>// Волжский день. 1917. 10 сентября. № 197. С. 3.
60. На лету. <…> // Волжский день. 1918. 19 (6) июня. № 3. С. 2.
61. На лету. Зверинец // Волжский день. 1917. 2 июня. № 116. С. 4.
62. На лету. Лотерея // Волжский день. 1917. 17 марта. № 61. С. 3.
63. На лету. Патока // Волжский день. 1917. 29 апреля. № 90. С. 4.
64. На лету. Правосудие // Волжский день. 1916. 18 ноября. № 250. С. 3.
65. На лету. Раскол // Волжский день. 1917. 18 октября. № 227. С. 3.
66. На лету. Я кандидат // Волжский день. 1917. 9 марта.№ 54. С. 3.
67. На лихачах // Волжский день. 1917. 1 июля. № 140. С. 3.
68. На покой // Волжский день. 1917. 20 сентября. № 204. С. 2.
69. Наука // Волжский день. 1917. 20 октября. № 229. С. 3.
70. Наш прием // Волжский день. 1917. 24 мая. № 108. С. 2.
71. Ниточки // Волжский день. 1917. 12 сентября. № 198. С. 2–3.

72. Новые резервы // Волжский день. 1917. 10 марта. № 55. С. 3.
73. Ночь // Харакири. 1917. № 2. С. 6–7.
74. Ориентация // Волжский день. 1918. 31 июля. № 38. С. 2.
75. Отложение // Волжский день. 1917. 16 июня. № 128. С. 2–3.
76. Очередная “кража” // Волжский день. 1915. 22 августа. № 179. С. 2.
77. Патриоты // Волжский день. 1918. 18 сентября. № 78. С. 2.
78. Паутина // Наша газета (Омск). 1919. 18 сентября. С. 3.
79. Поваренная книга. Подарок молодым хозяйкам // Харакири. 1918. № 9. С. 6–7, 10–11.
80. Погромное объявление // Волжский день. 1917. 23 сентября. № 207. С. 3.
81. По-советски // Волжский день. 1918. 5 сентября. № 67. С. 2.
82. Пятачок // Волжский день. 1918. 28 (15) июня. № 10. С. 2.
83. Рыбалка // Волжский день. 1918. 20 (7) июня. № 4. С. 1–2.
84. Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М. : Книжница : Русский путь, 2016. 480 с.
85. *Славянова З.* Лубочная литература 1917 г. // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т. 1. Отдел 2-й. С. 97–102.
86. Смертоносцы // Волжский день. 1917. 6 сентября. № 194. С. 3.
87. Социализация красоты // Волжский день. 1917. 1 августа. № 166. С. 2–3.
88. Сухомятка // Волжский день. 1917. 30 июля. № 165. С. 3.
89. Толчея // Волжский день. 1917. 17 сентября. № 202. С. 3.
90. Только поцарапал // Харакири. 1917. № 4. С. 6.
91. Транспорт налаживается // Волжский день. 1918. 16 (3) июня. № 1. С. 2.
92. Трехногий пристав // Волжский день. 1917. 22 февраля. № 41. С. 3.
93. Тяжко // Волжский день. 1917. 24 сентября. № 208. С. 3.
94. Тяни // Наша газета (Омск). 1919. 18 октября. № 58. С. 3.
95. *Устрялов Н.В.* 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 194–287.
96. Харакири. 1917. № 1.
97. Харакири. 1917. № 4.
98. Харакири. 1917. № 5.
99. Харакири. 1918. № 12.
100. Харакири. 1918. № 13.
101. Художник // Волжский день. 1917. 14 сентября. № 200. С. 3.
102. Человеки // Волжский день. 1917. 7 июня. № 120. С. 3.
103. Черноморец Коробцов // Волжский день. 1917. 15 июня. № 127. С. 3.
104. Черные вороны // Волжский день. 1917. 9 июля. № 147. С. 3.

Сведения об авторах

Перепелкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва; старший научный сотрудник Самарского литературно-мемориального музея имени М. Горького.

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Копылов Леонид Олегович, студент исторического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва.

E-mail: leonidkopylow@yandex.ru

Для цитирования

Перепелкин М.А., Копылов Л.О. Самарский фельетонист Зуда: штрихи к портрету // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 97–107.

Поиски и находки

Searches and Finds

УДК 930.2

СЮЖЕТЫ ДРЕВНИХ ФРЕСОК В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ ЗВЕНИГОРОДА И САМАРСКИЙ СПИСОК «ПОВЕСТИ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ»: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТЕЙ ДВУХ ИССЛЕДОВАНИЙ

PLOTS OF ANCIENT FRESCOES IN THE ASSUMPTION CATHEDRAL OF ZVENIGOROD AND THE SAMARA LIST OF "THE TALE OF BARLAAM AND JOASAPH": THE INTERSECTION OF THE PATHS OF TWO STUDIES

А.И. Макаров
Издательство «Пашков дом»
Российской государственной библиотеки
(Россия, Москва)

A.I. Makarov
Publishing house "Pashkov House"
Russian State Library
(Moscow, Russia)

Аннотация. В статье обобщенно представлена история двух исследований – изображений на древних фресках собора в честь Успения Пресвятой Богородицы в Звенигороде и Самарской рукописи 1628 г., – объединенных темой жития преподобных Варлаама и Иоасафа. Изображения на звенигородских фресках опознал в 1872 г. архимандрит Леонид (Кавелин). В статье констатируется необходимость изучения высококлассными специалистами иллюстраций Самарской рукописи.

Abstract. The article summarizes the history of two studies – images on ancient frescoes of the Cathedral in honor of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in Zvenigorod and the Samara manuscript of 1628 – united by the theme of the lives of the Venerable Barlaam and Joasaph. The images on the Zvenigorod frescoes were identified in 1872 by Archimandrite Leonid (Kavelin). The article states the need for highly qualified specialists to study the illustrations of the Samara manuscript.

Ключевые слова: Звенигород, собор в честь Успения Пресвятой Богородицы, храм Успения на Городке, И.М. Снегирев, архимандрит Леонид (Кавелин), Самара, Самарская рукопись, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», бояре Салтыковы, Борис Салтыков.

Keywords: Zvenigorod, Cathedral in honor of the Assumption of the Blessed Virgin Mary, Church of the Assumption on the Town, I.M. Snegirev, Archimandrite Leonid (Kavelin), Samara, Samara manuscript, "The Story of Barlaam and Joasaph", the boyars of Saltykov, Boris Saltykov.

Отмечаемый в 2022 г. 200-летний юбилей видного церковного деятеля и ученого архимандрита Леонида (Кавелина) (1822–1891) дал повод обратиться к малоизвестной странице его научной деятельности – идентификации древних фресок в Успенском соборе подмосковного города Звенигорода – и соотнести ее с уникальным памятником в культурном наследии города Самары – первой самарской книгой.

Известно, что для обустройства Звенигородского княжества и его столицы Звенигорода много сделал звенигородский и галичский князь Юрий Дмитриевич (1374–1434), третий сын великого князя Московского Дмитрия Донского. В частности, при нем в Звенигородском кремле в самом конце XIV в. был построен каменный городской собор в честь Успения Пресвятой Богородицы (собор Успения на Городке), а близ города основан Саввино-Сторожевский монастырь. Собор Успения на Городке является самым древним полностью сохранившимся до наших дней храмом периода раннемосковского зодчества. После возведения собор был расписан фресками. Их небольшое количество уцелело доныне.

Впервые собор Успения на Городке был описан в очерке историка и этнографа Ивана Михайловича Снегирева (1793–1868) «Успенский собор в Звенигороде, Московской губернии». Очерк опубликован в 1847 г. в сборнике «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» – первом специализированном издании, посвященном памятникам древнерусской архитектуры (третье, дополненное, издание очерка в составе того же сборника, по которому ниже приводится цитата, предпринято в 1852 г. [13, с. 88–97]).

В очерке И.М. Снегирева нет ясных выводов о времени постройки собора. Имеются приблизительные описания остатков первоначальных фресок, в частности двух ростовых изображений, находящихся на восточных столбах-пилонах: первая фреска «изображает двух святых мужей, по-видимому, пророков, одного с хартией в руках», другая фреска – «ангела в плаще или мантии с шишаком на голове, похожим на фригийскую шапку; держа в одной руке хартию, другой касаясь чела своего, он, кажется, обращает речь к стоящему пред ним святому старцу с согбенными на персях руками и с поникшей головой. Твердый и смелый рисунок… принадлежит византийской школе. Надписи па хартиях могли бы указать нам значение сих изображений и век художества, если б некоторые буквы не изгладились и если б не трудно было с точностью прочесть всю надпись; но сколько можно разобрать, то содержание их заимствовано из Св. Писания и отеческих книг. Первые два лица пророки; начертание на хартии содержит в себе пророчество о Иисусе Христе. Явление ангела св. мужу сопровождается возвещением, начертанным на хартии: ТУНЕ УБО СЕДИШИ В ПЕЩЕРЕ СР… По сравнении с славянскими азбуками разных веков надписи сии относятся к концу XIV столетия…» [13, с. 95–96].

Из этого описания видно, что ко времени Снегирева древние фрески были уже в очень плохом состоянии и сам исследователь не смог точно определить ни времени их создания, ни того, кто на них изображен.

Однако спустя 25 лет после Снегирева сюжеты этих фресок смог идентифицировать архимандрит Леонид (Кавелин), бывший тогда настоятелем расположенного недалеко от Звенигорода Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

Архимандрит Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин) до пострижения в монахи был гвардейским офицером, он не получил какого-либо специального гуманитарного образования, но стал ярким представителем русского ученого монашества XIX в. Духовный подвижник и вместе с тем церковный администратор, он имел чрезвычайно широкий круг научных интересов: занимался историей, археологией, археографией, библиографией, агиографией, генеалогией; он известен как писатель, а также как издатель, переводчик, в том числе творений отцов Церкви, как основатель церковного музееведения. Где бы отец Леонид ни оказывался по долгу своего церковного служения – в Оптиной пустыни, на Святой Земле, в Константинополе, на Афоне, в Ново-Иерусалимском монастыре, в Троице-Сергиевой лавре, везде он отдавался исследованиям церковных древностей.

Архимандрит Леонид был знаком с очерком И.М. Снегирева о звенигородском соборе, однако ненадежность заключений автора побудила его лично осмотреть собор и фрески [4, с. 114–115]. Результатом этой поездки стала написанная им в 1872 г. статья «Звенигород и его соборный храм с фресками», которая в 1873 г. была опубликована в Сборнике Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее [4, с. 107–116]. В статье отец Леонид обстоятельно разобрал исторические сведения о городе Звенигороде и подверг весьма резкой критике описание И.М. Снегиревым соборных фресок.

Относительно ростовых фресок на восточных столбах архимандрит Леонид сделал вывод, что на правом столбе, вопреки мнению Снегирева, считавшего, что там изображены некие два пророка, помещены образы святых царевича Иоасафа и поучающего его истинам христианской веры старца Варлаама [4, с. 115] (рис. 1). Архимандрит прочитал и надпись на хартии, которую держит Варлаам: «Поведа отрочати, бисер (или бисеры) бесценный (или бесценные) еже (или же) есть Христос и зрю тя глубину внимательною верою Христу». Этот текст подтверждает, что на фреске изображен сюжет «беседа Варлаама и Иоасафа об истинах веры» из очень популярного в Средние века произведения церковной литературы – «Повести о Варлааме и Иоасафе» [4, с. 115].

Рисунок 1. Преподобные Варлаам и Иоасаф. Фреска, рубеж XIV–XV вв. Собор Успения на Городке, Звенигород, Московская область

Ростовое изображение на левом столбе, согласно определению отца Леонида, представляет беседу основателя общежительного монашества преподобного Пахомия Великого с ангелом. Текст на хартии в руках ангела также был прочитан архимандритом [4, с. 115–116].

Таким образом, архимандрит Леонид (Кавелин) ровно 150 лет назад впервые идентифицировал сюжеты ростовых фресок собора Успения на Городке [12, с. 101. Примеч. 1]. Его выводы были подтверждены последующими исследователями. Причем отец Леонид видел эти фрески не в том состоянии, в каком видим мы их сейчас: при нем они были покрыты вековым слоем копоти. Раскрытие и расчистка древних фресок были произведены только в 1918 г. экспедицией Комиссии по сохранению и раскрытию древнерусской живописи под руководством Н.Д. Протасова. Тогда же искусствовед И.Э. Грабарь высказал предположение о том, что автором фресок является мастер школы Андрея Рублева; в настоящее время эта гипотеза оспаривается.

Кто бы ни был автором росписей, означенные фрески уникальны тем, что обладают достаточно редким иконографическим содержанием (сцена беседы Варлаама и Иоасафа появляется в росписях византийских храмов с XIII в.) [12, с. 101, 108]. В целом они продолжают древнюю иконографическую традицию изображения монашеских чинов в предалтарном объеме храма [12, с. 110–117]. Фрески звенигородского собора, безусловно, являются шедеврами древнерусской живописи. С этим же собором некоторым образом связан знаменитый «Звенигородский чин» – три иконы Деисуса, выполненные в конце XIV – начале XV в.

Всё это делает собор Успения на Городке жемчужиной древнерусской культуры.

Популярность в Средние века во всём христианском мире «Повести о Варлааме и Иоасафе» объясняется наличием в тексте многочисленных ярких притч, доступным изложением основ христианской веры. Появившаяся, как предполагается, в Центральной Азии в VII–VIII вв., «Повесть…» уже в Средневековье была переведена на множество языков; славянский перевод появился в XI в. На Руси «Повесть…» расходилась во множестве списков разных редакций.

Один из списков, причем лицевой, был создан в Самаре в 1628–1629 гг. Вместе с другими написанными тогда же в Самаре произведениями он составляет лицевой сборник, именуемый Самарской рукописью, который ныне хранится в Российской национальной библиотеке [2; 3]; его изучением автор настоящей статьи занимается более 15 лет [5; 6; 7].

Самарская рукопись является первой созданной в Самаре книгой. Кроме прочих достоинств, она уникальна большим количеством иллюстраций и качеством их исполнения. Всего в книге около 400 цветных миниатюр. Список «Повести о Варлааме и Иоасафе» снабжен 225 цветными миниатюрами (рис. 2). Количеством иллюстраций самарский список «Повести…» превосходит все известные на сегодняшний день многочисленные иллюстрированные рукописи этого произведения. Следовательно, иконографическая программа Самарской рукописи разрабатывалась непосредственно ее заказчиками и/или исполнителями. И, скорее всего, именно в Самаре.

Изограф, выполнивший все миниатюры манускрипта, известен как некий «раб Божий Петр» [2, л. 15]. Идентифицировать этого человека пока не представляется возможным.

Почти наверняка можно утверждать, что заказчиком рукописи выступал служивший воеводой в Самаре в 1626–1633 гг. Борис Михайлович Салтыков († 1646). После его кончины рукопись принадлежала его брату – Михаилу Михайловичу († 1671) и племяннику – Петру Михайловичу († 1690). Означенные Салтыковы – известные представители русской боярской аристократии и влиятельные царедворцы XVII в. [6, № 3 (49), с. 86, 94–97, № 4 (50)]. Для Б.М. Салтыкова организация создания такой рукописи не была делом новым, и, несомненно, он понимал духовное и художественное значение книг. Об этом говорят многие факты. Так, до воеводства в Самаре, с 1613 г. Б.М. Салтыков возглавлял приказ Большого дворца и в соответствии с этой должностью руководил работой Московского печатного двора [6, № 4 (50), с. 47, 50], участвовал в организации исправления богослужебных книг [1, л. 129–132, 295–325 об.], вместе с братом, по всей видимости, выступал заказчиком значимых рукописных книг: лицевого Травника 1616 г., предназначавшегося для царя Михаила Федоровича [10, с. 37–73; 9, с. 230–244], Хронографа редакции 1617 г. [8, с. 172–173, 212], «Сказания об осаде Троице-Сергиевого монастыря» Авраамия Палицына [9, с. 256–258]. В качестве главы дворцового хозяйства Б.М. Салтыков

Рисунок 2. Преподобные Варлаам и Иоасаф. Миниатюра из рукописного сборника, 1628–1629 гг. Самара (РНБ. ОР. ОЛДП. Q. 17. Л. 1 об.)

приложил усилия к тому, чтобы имущество крупного землевладельца и промышленника Н.Г. Строганова, обладателя обширного собрания книг и икон, который умер в 1616 г. в своих северных вотчинах, не оставив наследников, было перевезено в Москву, часть книг при этом была передана в царский дворец [9, с. 245–252]. В 1619 г. Б.М. Салтыков стал покупателем незаурядной рукописи первой трети XVI в. – «Пандектов» Никона Черногорца, «прекрасного образца книжного полууставного письма, заголовков вязью и орнаментики» [9, с. 216].

В ходе изучения восходящей линии родословия братьев Б.М. и М.М. Салтыковых установлено, что некоторые из представителей рода в конце XIV – начале XV в. служили звенигородскому и галичскому князю Юрию Дмитриевичу, который упоминался выше, и с того времени приобретали вотчины, соответственно, в Звенигородской и Галичской землях [6, № 3 (49), с. 87–88]. У прямых предков братьев Б.М. и М.М. Салтыковых вотчины в Звенигородском уезде документально прослеживаются с середины XVI в. [6, № 3 (49), с. 89–93]. Явно, что Борис и Михаил Салтыковы унаследовали звенигородские вотчины предков и посещали их: известно, что они приобретали в Звенигородском уезде новые поместья и занимались их обустройством [6, № 4 (50), с. 56–57], благотворили Саввино-Сторожевскому монастырю. В частности, в 1614 г. М.М. Салтыков пожертвовал драгоценный покров на гробницу основателя Сторожевского монастыря – преподобного Саввы[1] [11, с. 175].

Налицо пересечение двух историй: бытование прекрасного древнего изображения Варлаама и Иоасафа в Звенигороде и заказ Б.М. Салтыковым, тесно связанным со Звенигородчиной, богато иллюстрированного списка «Повести о Варлааме и Иоасафе», к иконографической программе которого он, возможно, имел прямое отношение. Только ли общей популярностью «Повести…» объясняется пересечение этих сюжетов? Не было ли влияния на замысел Салтыкова росписей собора Успения на Городке?

Возможно, ответ на эти вопросы могло бы дать исследование соответствующими специалистами миниатюр Самарской рукописи и в целом ее иконографической программы. К сожалению, организовать такое исследование пока не удается.

Как бы то ни было, уже по итогам проделанной на сегодняшний день работы исторический контекст Самарской рукописи предстает чрезвычайно богатым при общей бедности сведений по истории Самары первых веков ее существования. Через Самарскую рукопись история первоначальной Самары вводится в контекст общероссийской истории. Поэтому феномен рукописи для Самары беспрецедентен.

Список источников и литературы

1. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 304. I (Троице-Сергиева лавра). № 700 (Житие преподобного Дионисия Радонежского).

2. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. ОЛДП. Q. 17.

3. Книжное сокровище древней Самары // Российская национальная библиотека : сайт. URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/samara/ (дата обращения: 11.11.2022).

[1] При этом известно, что ткань для покрова была получена от ярославского купца (гостя), богатейшего человека того времени Надеи Светешникова. Примечательно, что этот человек имел непосредственное отношение к истории освоения Самарского Поволжья: в 1631–1632 гг., во время воеводства в Самаре Б.М. Салтыкова, Н. Светешников получил от царя земли на западе Самарской Луки, где наладил выварку соли и где было основано будущее село Усолье. Еще более символично в этой истории то, что с 1660 г. до начала XVIII в. Усолье принадлежало Саввино-Сторожевскому монастырю [6, № 4 (50), с. 49].

4. *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Звенигород и его соборный храм с фресками // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 105–116.

5. *Макаров А.И.* Исторический и культурный контексты зарождения книжной культуры в Самаре (к 390-летию Самарской рукописи) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2. С. 3–15.

6. *Макаров А.И.* Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 86–97; № 4 (50). С. 47–63.

7. *Макаров А.И.* Самарские древности (забытая рукопись) // Самара: от прошлого к настоящему : сб. ст. Самара, 2007. С. 254–281.

8. *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. 463, [1] с. : схем.

9. *Морозов Б.Н.* История рода Михалковых. XV–XVII века. М., 2020. 326, [1] с.

10. *Морозов Б.Н.* К вопросу об изучении списков и иллюстраций Травника Любчанина // Средневековая письменность и книжность XVI–XVII вв. Источниковедение : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. г. Александров, 7–8 дек. 2015 г. Владимир, 2016. Т. 2. С. 36–73.

11. Приходо-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. С. 1–381.

12. *Сарабьянов В.Д.* Изображения преподобных отцов в росписях собора Успения «на Городке» в Звенигороде: к вопросу об иконографической традиции // Проблемы изучения памятников раннемосковского зодчества: к 600-летию Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря и 100-летию со дня рождения архитектора Бориса Алексеевича Огнева. Звенигород, 2008. С. 101–117 (Труды Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея / М-во культуры Московской обл.).

13. *Снегирев И.М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Год первый. 3-е изд. М., 1852. 120 с.

Сведения об авторе

Макаров Андрей Игоревич, главный библиограф издательства «Пашков дом» Российской государственной библиотеки, Москва.

E-mail: a.makarov_03@mail.ru

Для цитирования

Макаров А.И. Сюжеты древних фресок в Успенском соборе Звенигорода и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе»: пересечение путей двух исследований // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 108–113.

Шаг в науку
Step into Science

УДК 908+929

САМАРСКИЙ АРХИВИСТ Ф.Г. ПОПОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА Б.В. БЕРА

SAMARA ARCHIVIST F.G. POPOV AS A RESEARCHER OF CREATIVITY OF B.V. BER

И.М. Перепёлкин
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва (Россия, Самара)

I.M. Perepelkin
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russia)

М.А. Перепёлкин
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва; Самарский литературно-мемориальный музей имени М. Горького (Россия, Самара)

M.A. Perepelkin
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev; Samara Literary Memorial Museum named after M. Gorky (Samara, Russia)

Аннотация. В статье рассматривается история приобретения Куйбышевским литературным музеем архива поэта и переводчика Б.В. Бера, а также показана роль, которую сыграл в этом приобретении архивист и краевед Ф.Г. Попов. Разыскавший уникальные архивные материалы, рассказывающие о круге знакомств и творческих связей Бера, Ф.Г. Попов способствовал передаче этих материалов в музей, а также выступил первым исследователем биографии и творчества забытого поэта и переводчика. Поисковая работа, проделанная исследователем, а также принадлежащие ему публикации архивных материалов положили начало продолжающемуся и сегодня возвращению Б.В. Бера в историко-литературный контекст. Авторы статьи восстанавливают основные этапы изучения творчества Б.В. Бера, акцентируя роль его первооткрывателя – Ф.Г. Попова.

Abstract. The article discusses the history of the acquisition by the Kuibyshev Literary Museum of the archive of the poet and translator B. Ber, and also shows the role played in this acquisition by the archivist and local historian F.G. Popov. Having found unique archival materials testifying to the circle of acquaintances and creative connections of Ber, F.G. Popov contributed to the transfer of these materials to the museum, and also became the first researcher of the biography and work of the forgotten poet and translator. The search work done by the researcher, as well as the publication of archival materials belonging to him, laid the foundation for the return of B.V. Ber to the historical and literary context that continues today. The authors of the article restore the main stages of the study of B.V. Ber's work, emphasizing the role of its discoverer – F.G. Popov.

Ключевые слова: Ф.Г. Попов, Б.В. Бер, архив, эпистолярий, Куйбышевский литературный музей, письма Горького, комментарии.

Keywords: F.G. Popov, B.V. Ber, archive, epistolary, Kuibyshev Literary Museum, Gorky's letters, comments.

Имя поэта и переводчика Б.В. Бера (1871–1921) сегодня нельзя отнести к забытым. Статья о нем и о его творчестве опубликована в авторитетном биобиблиографическом словаре «Русские писатели 1800–1917 гг.» [20, с. 240], фигурирует его имя и в публикациях, посвященных его современникам – М. Горькому [5], А.А. Кондратьеву [7; 9] и некоторым другим [4]. Да, пока нет ни одной исследовательской работы, в которой обозревался бы весь творческий путь поэта. Да, прошло уже больше века после выхода его собственных поэтических книг и книг принадлежащих ему переводов, а многие оригинальные и переводные сочинения, принадлежащие Б.В. Беру, так никогда и не увидели света, до сих пор оставаясь в рукописях, хранящихся в архивах. Да, не изучены в полной мере творческие связи Б.В. Бера с литераторами-современниками. Всё это так, и со всем этим нет смысла спорить. Но нет смысла спорить и с другим: имя Б.В. Бера известно историкам литературы, оно не находится под историческими завалами и обломками других имен и фактов, к нему обращаются и держат его в своем сознании специалисты по литературе рубежа XIX–XX вв., пишущие о русском символизме и смежных с ним явлениях.

В связи со всем сказанным представляется нелишним напомнить, что заслуга возвращения имени Б.В. Бера в контекст русской культуры и науки о литературе принадлежит самарскому краеведу и архивисту Федору Гавриловичу Попову, который не только нашел хранившиеся до этого у дальних родственников поэта его архивные материалы и сумел добиться их передачи в фонды государственного архивохранилища – Самарского литературно-мемориального музея имени М. Горького, но и опубликовал часть из этих материалов, тем самым введя их в научный оборот.

О самом Ф.Г. Попове известно следующее. Он родился 2 марта 1902 г. в крестьянской семье в селе Кузькино Матвеевской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии. В 1919 г. вступил в комсомольскую ячейку, став ее секретарем, а затем одним из организаторов самарского комсомола. В 1920 г. Ф.Г. Попов стал членом партии и в составе частей особого назначения (ЧОН) участвовал в ликвидации контрреволюционных выступлений в уездах, возглавлял первую районную комсомольскую организацию Самары, редактировал губернскую комсомольскую газету «Голос молодежи», был заместителем редактора губернской крестьянской газеты «Деревня», ответственным секретарем и заведующим отделом газеты «Волжская коммуна», ответственным секретарем журнала «За сплошную коллективизацию», главным редактором самарского отделения Государственного издательства. В 1932–1933 гг. Ф.Г. Попов работал в отделе печати обкома ВКП(б), научным сотрудником Истпарта обкома. В открытых источниках нам не удалось обнаружить сведений о том, где и чем занимался Ф.Г. Попов во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг., но по отдельным косвенным свидетельствам и упоминаниям можно предположить, что, как и многие другие его современ-

ники, среди которых было немало активных партийцев, он также был репрессирован и провел эти годы вне привычной для него журналистской и партийной работы, к которой он с жадностью вернулся уже в 1960-е гг. и которой неутомимо и страстно занимался до самой своей кончины в мае 1979-го.

Масштабы сделанного им за четверть века, с середины 1950-х гг. до конца 1970-х, потрясают и сегодня: принадлежащие его перу оригинальные исторические и краеведческие сочинения «Чехословацкий мятеж и самарская учредилка», «Дутовщина», «Поезд смерти», «За власть Советов», «Были пламенных лет», «Тайна зеленой дачи» и другие до сих пор не имеющие в самарской краеведческой литературе аналогов «хроники» революционных событий, многочисленные газетные публикации. Ф. Г. Попов был и среди инициаторов создания в Куйбышеве музея истории областной комсомольской организации, ныне упраздненного.

Занимаясь краеведческой и поисковой работой, Ф.Г. Попов много контактировал с самарцами и жителями других городов, которые делились с ним воспоминаниями и документами, оказывали содействие и помощь в изучении и розыске необходимых материалов. Скорее всего, именно так произошло знакомство Ф.Г. Попова с жительницей Куйбышева О.В. Плотниковой, знавшей проживавших в 1960-х гг. в Москве дальних родственников Б.В. Бера (в черновых документах Ф.Г. Попова, переданных им в Куйбышевский литературно-мемориальный музей имени М. Горького, фигурирует имя «владелицы» архива: Кругликова Александра Михайловна, Москва, 4-я Мещанская, 1/17, кв. 28). О самой О.В. Плотниковой известно немного: в одной из публикаций, принадлежащих перу Ф.Г. Попова, сообщается, что она была кандидатом биологических наук, а в феврале 1966 г. – пенсионеркой; в музейной справке о приобретении архива Б.В. Бера, составленной примерно в это же время, О.В. Плотникова названа писательницей, а в письме Ф.Г. Попова и самой О.В. Плотниковой на имя министра культуры РСФСР Н.А. Кузнецова, копия которого сохранилась в фондах музея, указан ее домашний адрес – город Куйбышев, улица Галактионовская, дом 191, квартира 44 (письмо датировано 19 января 1967 г.). Больше никаких сведений об О.В. Плотниковой выявить не удалось, не сохранились они и в музейной документации, что, скорее всего, объясняется тем, что именно Ф.Г. Попову, а не О.В. Плотниковой принадлежала инициатива передачи архива Б.В. Бера музею и именно он общался при его передаче с музейными сотрудниками. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что в фондах музея сохранились и другие переданные в разное время Ф.Г. Поповым материалы, связанные с Н.Г. Гариным-Михайловским, А.Н. Толстым, Артемом Весёлым, М.С. Клипиницером, Демьяном Бедным и другими самарскими литераторами.

Как бы то ни было, в середине 1960-х гг. архивные материалы Б.В. Бера поступили в фонды Куйбышевского литературно-мемориального музея имени М. Горького, а имя Б.В. Бера начало свой путь возвращения к читателю и исследователю. Отметим, что свою роль в этом возвращении сыграли не только те люди, благодаря которым архив Б.В. Бера оказался в Куйбышеве, но и те, кому выпала честь встретить этот архив в музее и стать его первыми читателями и исследователями. Это, в первую очередь, возглавлявшая с начала 1960-х гг. музей М.П. Лимарова и его главный хранитель Л.А. Соловьёва, сумевшие верно оценить историко-литературную значимость поступивших в музейные фонды материалов Б.В. Бера, в круг общения которого входили известные столичные литераторы и журналисты, и внесшие свой вклад в дело изучения и сохранения литературного наследия Бориса Бера.

Что же представляет собой архив Б.В. Бера, поступивший благодаря Ф.Г. Попову в фонды самарского музея? По большей части это эпистолярный архив, насчитывающий более 80 единиц хранения. Кроме писем в нем имеется один фотоснимок Бориса Бера, подписанный Ф.Г. Поповым следующим образом (подпись помещается на самодельном «паспарту», сделанном Ф.Г. Поповым из плотной бумаги): «Борис Владимирович Бер, один из друзей молодого Горького. Снимок получен мною через О.В. Плотникову от родственников Б.В. Бера. Февраль 1966. Ф. Попов».

Нет ничего странного в том, что первым в научный оборот ввел это имя тот же Ф.Г. Попов, благодаря которому архив и оказался в куйбышевском музее. Подчеркнем, что публикациям Ф.Г. Попова предшествовала проделанная им исследовательская работа, что свидетельствует о серьезном и взвешенном подходе исследователя к вопросу публикации писем, вводимых им в контекст знаний о современниках и знакомых М. Горького.

Так, в декабре 1965 г. Ф.Г. Попов обратился в справочно-библиографический отдел Библиотеки имени В.И. Ленина с просьбой сообщить, издавались ли когда-либо книги Б.В. Бера и принадлежащие ему переводы и какими биографическими сведениями о нем располагает библиотека. В ответ на это обращение библиотека сообщила о трех вышедших в 1897–1907 гг. собственных поэтических книгах Б.В. Бера, а также о книге Э. Верхарна в его переводах. Обращался Ф.Г. Попов также в ИРЛИ (Пушкинский дом) и в Архив А.М. Горького в Москве. В ответ на свои обращения из ИРЛИ он получил несколько писем, написанных И.М. Юдиной, сообщившей ему об имеющихся упоминаниях Б.В. Бера в картотеке Венгерова, а также о материалах, переданных в ИРЛИ в 1929 г. Е.В. Молоствовой; заведующая Архивом А.М. Горького С.С. Зимина сообщила о сохранившемся автографе стихотворения Бера «Гром барабанную дробь…» с пометой Горького. Наконец, из материалов Ф.Г. Попова, переданных им на хранение в фонды Куйбышевского литературного музея, также видно, что он знакомился с воспоминаниями Е.В. Молоствовой и некоторыми другими материалами, хранящимися в РГАЛИ: кроме воспоминаний это также принадлежащие ее перу заметки о брате, Б.В. Бере, биографические сведения о Борисе Бере и Молоствовых, ряд документов Б.В. Бера.

В феврале 1966 г. газета «Правда» опубликовала короткую заметку С.Е. Кузменко о приобретении Куйбышевским музеем с помощью Ф.Г. Попова восьми неизвестных писем М. Горького [6], а потом в газете «Волжская коммуна» увидела свет и большая статья Ф.Г. Попова «Восемь неизвестных писем Горького» [12], которая начиналась с сообщения о том, что совсем недавно в музей поступили очень ценные материалы, среди которых есть и автографы, принадлежащие М. Горькому. «Это пока первые автографы великого писателя в нашем музее, – писал автор статьи, – и я рад, что содействовал их розыску и получению» [12]. Далее в статье цитируются отдельные фрагменты поступивших вместе с архивом Б.В. Бера писем Горького, даются небольшие комментарии к каждому из них и сообщается, что «полностью письма М. Горького будут опубликованы в одном из ближайших номеров журнала “Волга”».

А два месяца спустя, в мае 1966 г., письма М. Горького Б.В. Беру и сестре последнего Е.В. Молоствовой, в самом деле, увидели свет на страницах недавно перекочевавшей из Куйбышева в Саратов «Волги» [14]. Публикации писем на этот раз предшествовала довольно подробная вступительная статья Ф.Г. Попова, в которой содержалась биобиблиографическая справка о самом Б.В. Бере, а также сведения о его знакомстве и дружбе с М. Горьким. Так, автор статьи сообщил, что «отец Бера – из дворян, юрист по образованию, служил в Нижнем Новгороде по судебному ведомству», «в печати Борис Бер выступил впервые в 1892 году», а его первый сборник стихотворений вышел в Петербурге в 1897 г. Всего в статье приведены данные четырех вышедших до революции книг собственных сочинений и переводов Б.В. Бера. Как указывает сам Ф.Г. Попов, «в литературе – дореволюционной и советской – никаких биографических сведений о Б.В. Бере нет» [14, с. 121], – соответственно, вводя эти сведения, он несет большую ответственность и отдает себе в этом полный отчет.

Нет также ничего удивительного и в том, что из целого ряда представленных в архиве Б.В. Бера имен Ф.Г. Попова заинтересовало лишь имя М. Горького, а все остальные имена рассматривались им как не представляющие особенного интереса. Между прочим, среди последних были имена поэта и писателя А.А. Кондратьева, писателя К.М. Станюковича, писателя и редактора А.К. Шеллера-Михайлова и некоторые другие, очень интересные каждое по-своему. Вспомним, что речь идет о середине 1960-х гг. и о совершенно особой

парадигме исторического и эстетического развития, категориями которой мыслил Ф.Г. Попов. Мог ли он мыслить иначе и рассмотреть из своей эпохи и сформированной ею парадигмы, например, значимость писем А.А. Кондратьева, время возвращения которого придет много позже, в 1990-е? Нет, разумеется, не мог, он этого и не сделал. Но вот что он точно понял, и за это мы ему должны быть признательны сегодня, – это то, что даже для понимания горьковских писем к Б.В. Беру необходим контекст, представленный как раз всеми остальными адресатами и адресантами. У самого Ф.Г. Попова руки до исследования этого контекста так и не дошли, но контекст от этого не исчез, он продолжает существовать и ждет своего исследователя.

Важным в рамках разговора о возвращении имени Б.В. Бера в контекст культуры и самарского краеведения представляется и еще один момент, в котором Ф.Г. Попову также принадлежала далеко не последняя роль, характеризующая и его человеческую и исследовательскую позицию, и видение своего места в деле будущего возвращения забытого имени поэта и переводчика Б.В. Бера. Практически немедленно после публикации в областной газете «Волжская коммуна» сообщения о приобретении куйбышевским музеем горьковских автографов Архив А.М. Горького затребовал передачи данных автографов в Москву. В результате куйбышевцам пришлось приложить немало усилий для того, чтобы доказать, что переданный в музей архив Б.В. Бера должен сохранять целостность и оставаться там, где он находится, в Куйбышеве-Самаре, откуда и был написан ряд горьковских писем Б.В. Беру. Последнее слово в этой дискуссии оставалось за Ф.Г. Поповым, который встал на защиту интересов куйбышевского музея, обратившись в Министерство культуры РСФСР с письмом, в котором подчеркнул, что он, как человек, способствовавший передаче архива в музей, заявляет и настаивает на том, что материалы архива Б.В. Бера были переданы «с условием, что они будут храниться в этом музее и использоваться им в научной и экспозиционной работе, так как они относятся к периоду жизни М. Горького в Самаре, характеризуют отношение к быту города и газетной работе того времени». «Мы решительно протестуем против передачи указанных писем в архив М. Горького в Москве», – писал в своем обращении в Министерство Ф.Г. Попов от своего имени и от имени упоминавшейся выше О.В. Плотниковой. И обращение куйбышевцев было услышано – архив Б.В. Бера не был разрознен и остался в куйбышевском музее.

Разумеется, Куйбышевский, а ныне – Самарский, литературно-мемориальный музей имени М. Горького, куда поступили материалы из личного архива Б.В. Бера, никогда не был и сегодня не является «собакой на сене», хранящей ценные документы и не позволяющей прикоснуться к ним никому из исследователей: музей в разное время откликался и продолжает откликаться на запросы исследователей, пишущих о современниках Б.В. Бера, – предоставляет им справки, выполненные с опорой на материалы архива, публикует фрагменты обширного архивного эпистолярия. Разумеется, пока рано говорить о полноценном вводе архива Б.В. Бера в научный контекст – для этого необходимо прокомментировать каждый документ, проверить или уточнить датировку, убедиться в атрибуции и т. д. Только после этого можно будет говорить о том, что самарцы выполнили свою задачу в возвращении имени Б.В. Бера полностью, – всё это дело не одного дня и даже, как показывает практика, не одного десятилетия. Но надеемся, что когда эта задача будет решена, те, кому выпадет счастье осознать это, не забудут, что у истоков этого возвращения стояли самарский архивист и краевед Ф.Г. Попов и его помощники и единомышленники.

Список источников и литературы

1. Самарский литературно-мемориальный музей имени М. Горького (далее – СЛМ). Фонд Б.В. Бера.
2. СЛМ. Фонд Ф.Г. Попова.
3. СЛМ. Научно-вспомогательный фонд (НВ-5307-5313).
4. *Богомолов Н.А., Соболев А.Л.* Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову (окончание) // Литературный факт. 2019. № 11. С. 146–231.
5. *Иванова Е.В.* Горький и Б.В. Бер // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Выпуск 1. М., 1989. С. 109–119.
6. *Кузменко С.* Неопубликованные письма А.М. Горького // Правда. 1966. 6 февраля. С. 4.
7. «Напиши мне про твои розы…». Письма А.А. Кондратьева Б.В. Беру. Подг. к публ., вст. статья М.А. Перепелкина // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.
8. Они были первыми: из истории Куйбышевского (Самарского) комсомола / сост. Ф.Г. Попов. Куйбышев, 1978. 134 с.
9. Письма А. Кондратьева к Б. Беру // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования : в 4 кн. М. : Наука, 1980. Кн. 3. С. 277–280.
10. Поезд смерти (Белый террор при чехо-учредиловщине) / сост. Ф. Попов. Самара, 1934. 210 с.
11. Поезд смерти / сост. Ф. Попов. Куйбышев, 1966. 204 с.
12. *Попов Ф.* Восемь неизвестных писем Горького // Волжская коммуна (Куйбышев). 1966. 27 февраля. № 49. С. 3.
13. *Попов Ф*. О друзьях-товарищах // Волжский комсомолец (Куйбышев). 1959. 11 февраля. С. 3.
14. *Попов Ф.* Письма А.М. Горького Б.В. Беру и Е.В. Молоствовой // Волга (Саратов). 1966. № 5. С. 121–132.
15. *Попов Ф.Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917 / под ред. К.Я. Наякшина. Куйбышев, 1969. 624 с.
16. *Попов Ф.Г.* Хроника революционных событий в Самаре. 1902–1917 годы. Куйбышев : ОГИЗ, 1936. 210 с.
17. *Попов Ф.Г.* 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972. 328 с.
18. *Попов Ф.Г.* 1920 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1977. 176 с.
19. *Попов Ф.Г.* Тайна зеленой дачи. Куйбышев, 1980. 159 с.
20. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. 691 с.
21. Ф.Г. Попов <Некролог> // Волжская коммуна (Куйбышев). 1979. 31 мая. С. 4.
22. Ф.Г. Попов <Некролог> // Волжский комсомолец (Куйбышев). 1979. 1 июня. С. 4.

Сведения об авторах

Перепёлкин Иван Михайлович, студент факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва.
E-mail: ivan_perepelkin2003@mail.ru

Перепёлкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва; старший научный сотрудник Самарского литературно-мемориального музея имени М. Горького.
E-mail: mperepelkin@mail.ru

Для цитирования

Перепёлкин И.М., Перепёлкин М.А. Самарский архивист Ф.Г. Попов как исследователь творчества Б.В. Бера // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 114–119.

Научная жизнь
Scientific Life

УДК 908+930.2

XI ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ФОРУМ «ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – 2022» В САМАРЕ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ СССР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

XI HISTORICAL AND ARCHIVAL FORUM "MEMORY OF THE PAST – 2022" IN SAMARA AS A WAY OF UNDERSTANDING THE HISTORY OF THE USSR THROUGH THE PRISM OF DOCUMENTARY HERITAGE

И.Ю. Янович
Российский государственный архив в г. Самаре
(Россия, Самара)

I.Yu. Yanovich
Russian State Archive in Samara
(Samara, Russia)

Аннотация. В статье представлен круг вопросов и проблем, рассматриваемых на XI Самарском историко-архивном форуме «Память о прошлом – 2022. Документальное наследие отечественной науки и техники как социокультурный феномен», посвященном 100-летию образования СССР. Многочисленные площадки форума, объединившие представителей архивной отрасли, науки, культуры, образования, производственно-промышленного комплекса, способствуют выработке общей стратегии развития архива как института сохранения и популяризации документального наследия, его интеграции в современное информационное пространство.

Abstract. The article presents a range of issues and problems considered at the XI Samara historical and archival forum "Memory of the Past – 2022. The documentary heritage of Russian science and technology as a sociocultural phenomenon", dedicated to the 100th anniversary of the formation of the USSR. Numerous forum sites that brought together representatives of the archival industry, science, culture, education, industrial complex, contribute to the development of a common strategy for the development of the archive as an institution for the preservation and popularization of documentary heritage, its integration into the modern information space.

Ключевые слова: историко-архивный форум, история, память, СССР, документ, архив, «Память о прошлом – 2022», научно-техническая документация.

Keywords: historical and archival forum, history, memory, USSR, document, archive, "Memory of the past – 2022", scientific and technical documentation.

С 10 по 13 октября 2022 г. по инициативе Российского государственного архива в г. Самаре (РГА в г. Самаре) и при поддержке Правительства Самарской области проходил XI Самарский историко-архивный форум с международным участием «Память о прошлом – 2022. Документальное наследие отечественной науки и техники как социокультурный феномен». Соорганизаторами форума выступили управление государственной архивной службы Самарской области и Самарский государственный медицинский университет.

Форум был посвящен важнейшей юбилейной дате в истории нашего Отечества – 100-летию образования СССР – государства, повлиявшего на весь ход мировой истории. Эта дата стала поводом для дискуссий и осмысления научно-технического развития различных отраслей народного хозяйства советского государства.

В работе форума приняли участие представители академической и отраслевой науки, федеральных, республиканских, региональных, областных архивов, производственно-промышленного комплекса, коммерческих структур, культурно-образовательных учреждений из 19 регионов России и двух регионов Казахстана.

Состав участников форума был весьма представителен. В их числе были академики Российской академии наук (РАН), российских академий естествознания, медицинских и военных наук; более 40 профессоров и доцентов; более 50 докторов исторических, филологических, педагогических, экономических, филологических, психологических, медицинских, технических наук и кандидаты архитектуры. На форум прибыли заслуженные работники культуры, заслуженные деятели науки, заслуженные врачи Российской Федерации, почетные работники высшего профессионального образования, члены Общественной палаты Самарской области и российских общественных организаций.

Широкой общественности было представлено свыше 50 докладов, которые освещали феномен научно-технической документации (НТД) в различных аспектах ее сохранения, научно-практического использования и популяризации. Обсуждение этих проблем объединило архивистов, историков, представителей технической науки, сферы культуры и образования, специалистов различных отраслей промышленности. На форуме были подняты актуальные вопросы различных направлений гуманитарных знаний.

В области архивоведения и документоведения дискуссии развернулись вокруг проблем, связанных с имеющимися лакунами в законодательной и нормативно-методической базе деятельности специализированных архивов, взаимодействия архивов с организациями – источниками комплектования государственного и негосударственного сектора экономики, выявления особо ценных и уникальных документов; активно вошедшем в современную жизнь электронным документооборотом.

При анализе истории развития различных отраслей народного хозяйства СССР предметами обсуждения стали история развития рыбной и нефтегазовой промышленности, машиностроения, архитектуры и использование НТД в качестве исторического источника, особенности ее состава и содержания.

Не могла остаться без внимания участников форума и проблема сохранения исторической памяти и интеграции архивов в информационную среду. В современных условиях возможностей глобальной сети репрезентативность источников, размещаемых в интернет-пространстве, вызывает бурное обсуждение в научном сообществе, так же как и доступность исследователей к подлинным архивным документам – как в традиционной форме, так и с помощью современных интернет-технологий.

Большое внимание участники форума уделили проблеме преподавания курса отечественной истории советского периода и значению использования архивных документов в учебном процессе образовательных учреждений различных ступеней.

Спектр заявленных проблем обусловил выбор различных форм работы площадок форума. В течение четырех дней дискуссии и обсуждения велись в формате пленарного заседания, круглых столов, панельных дискуссий, встреч с общественностью, открытых уроков, телемостов и других видов коммуникаций.

Форум проходил одновременно на нескольких площадках, во время работы которых осуществлялись подключения с использованием видеоконференцсвязи «Яндекс.Телемост» и велась прямая трансляция в социальной сети «ВКонтакте».

Цели и задачи форума были определены на его торжественном открытии. Директор РГА в г. Самаре А.Г. Сафонов в своем обращении к присутствующим заострил внимание на главной цели форума – необходимости осмысления феномена советского государства через призму документальных источников, хранящихся в архивах, в том числе и РГА в г. Самаре.

В приветственном адресе участникам форума руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов обратил особое внимание на важнейшую задачу историков-архивистов – интеграции положительного наследия СССР в современное информационное пространство.

Почетные гости форума – представители государственных органов власти – отметили и другую важную задачу, стоящую перед научной общественностью и представителями передовых слоев общества, – консолидацию усилий по сохранению исторической памяти. В приветственных обращениях главного консультанта управления государственной архивной службы Самарской области Н.А. Рязанцевой и консультанта управления профессионального образования Министерства образования и науки Самарской области Е.М. Вилановой отмечалось значение проходящего форума для решения этой задачи.

На пленарном заседании прозвучали доклады, задавшие тон будущим дискуссиям форума.

Доклад кандидата исторических наук, директора Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) П.А. Кюнга (Москва) был посвящен теоретическим аспектам архивного дела. Он рассмотрел проблему осмысления феномена НТД как предмета документоведения и архивоведения, обозначив спорные вопросы в терминологии.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) М.Ю. Мухин представил доклад «Мобилизационная подготовка экономики СССР в межвоенное двадцатилетие», получивший в современных реалиях яркое звучание и вызвавший многочисленные вопросы аудитории.

Доктор исторических наук, доцент, профессор Самарского государственного технического университета (СамГТУ), старший научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра РАН Е.Ю. Семёнова остановилась на проблемах и перспективах использования НТД в ходе реализации дисциплины «История» на неисторических факультетах высшей школы.

Завершило пленарное заседание выступление доктора исторических наук, заместителя директора РГА в г. Самаре О.Н. Солдатовой на тему «Публикация документов по истории отечественной науки и техники в сборниках и периодических изданиях РГА в г. Самаре: издания последних лет». Докладчиком было обращено внимание на различные виды публикаций НТД, осуществляемые архивом в зависимости от поставленных популяризаторских задач и взаимодействия с целевой аудиторией.

Многоаспектность тем, вынесенных на обсуждение пленарного заседания форума, ярко дополнила историко-документальная выставка «СССР. Союз научных и технических достижений». Выступая с презентацией выставки, заместитель директора РГА в г. Самаре О.Ю. Козырь подчеркнула, что в основу научной концепции и планов основных тематических разделов выставки были положены основные исторические принципы – достоверность первоисточников, объективизм и разносторонность. Осмысление истории СССР невозможно без изучения развития различных отраслей народного хозяйства на основе подлинных архивных документов. Научно-техническая и управленческая документация проиллюстрировала такие отрасли народного хозяйства, как городское, гражданское, сельское, промышленное, энергетическое, транс-

портное строительство, лесное хозяйство, добывающая промышленность, и убедительно доказала их прогрессивное движение вперед. Свидетельства передового развития отечественной научно-технической мысли отложились в заявочных материалах на изобретения выдающихся ученых, инженеров и изобретателей, их вклад в развитие отечественной и мировой науки и техники в сельском хозяйстве, строительстве, медицине, связи, транспорте, химической промышленности был представлен в разделе «Изобретатели СССР».

Круглый стол «Архивные документы – свидетельства научно-технического развития СССР» под председательством кандидата исторических наук, заместителя директора Российского государственного архива экономики (РГАЭ) Е.Р. Кураповой (Москва) и доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) С.О. Буранка был посвящен раскрытию информационного потенциала архивных документов. На примере освещения аспектов развития отраслевых НИИ СССР в сфере нефтехимической промышленности, гражданского строительства, рыбного хозяйства и других отраслей народного хозяйства, установления международных связей были обсуждены вопросы практического применения НТД советского периода в современных реалиях.

С обзорами состава и содержания архивных документов выступили Е.Р. Курапова, директор Государственного архива специальной документации Нижегородской области С.А. Курицын, специалист отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов РГА в г. Самаре М.В. Борисов, специалист архива ООО «НК “Роснефть” – НТЦ» Н.Б. Бобкова (г. Краснодар).

Участникам заседания были представлены доклады ученых московских институтов: кандидата исторических наук, доцента кафедры архивоведения Историко-архивного института РГГУ О.Е. Антоновой; кандидата архитектуры, ведущего научного сотрудника Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства Ю.Д. Старостенко; кандидата технических наук, профессора, профессора Московского энергетического института (национального исследовательского университета) В.Е. Хроматова и научного сотрудника сектора хранения фондового отдела музея-заповедника «Старая Сарепта» А.С. Линченко (г. Волгоград), – посвященные анализу информационного потенциала архивных документов.

Большой блок вопросов был рассмотрен на круглых столах, посвященных развитию медицинской отрасли в СССР и Самарской области, в том числе ее развитию в Куйбышеве-Самаре. Одним из модераторов выступила доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры офтальмологии Самарского государственного медицинского университета (СамГМУ) Е.Б. Ерошевская, внучка прославленного офтальмолога, Почетного гражданина г. Самары Т.И. Ерошевского, заложившего офтальмологическую научную школу, известную за пределами России. Коллектив авторов из СамГМУ, в том числе доктор медицинских наук, профессор Е.Б. Ерошевская и доктор медицинских наук, профессор В.М. Малов, осветил историю применения технологии имплантации искусственного хрусталика в Поволжье.

История становления медицины в Поволжье была продемонстрирована в докладах представителей СамГМУ: ассистента кафедры челюстно-лицевой хирургии И.И. Фишер, доктора медицинских наук, профессора, заведующего кафедрой общей и клинической патологии: патологической анатомии, патологической физиологии Т.А. Федориной, кандидата медицинских наук, доцента, доцента кафедры общей и клинической патологии: патологической анатомии, патологической физиологии Т.В. Шуваловой, кандидата медицинских наук, доцента, доцента кафедры общей и клинической патологии: патологической анатомии, патологической физиологии Ю.Р. Юнусовой.

Развитие здравоохранения в СССР было показано на примере изучения архивных документов. В частности, доклад начальника отдела изучения и публикации документов РГА в г. Самаре Г.С. Пашковской раскрывал тему развития медицинского приборостроения; специалиста организационно-методического

отдела РГА в г. Самаре, аспиранта Самарского университета В.Б. Романовой – строительства спортивно-оздоровительных сооружений в послевоенный период; кандидата исторических наук, доцента, доцента кафедры гуманитарных дисциплин, доцента кафедры общественного здоровья и здравоохранения Медицинского университета «Реавиз», главного библиотекаря Самарской областной универсальной научной библиотеки (СОУНБ) А.В. Горшенина – деятельности советских микробиологов.

Логическим продолжением обсуждения темы медицины и ее значения в жизни общества стал доклад доктора медицинских наук, профессора, проректора СамГМУ по научной работе И.Л. Давыдкина, представившего инновационные подходы университета в науке и сфере IT-технологий.

Участники форума не обошли стороной и такое активно развивающееся в современной исторической науке направление, как роль личности в тех или иных исторических событиях. Этой теме был посвящен круглый стол «Отечественная наука и техника: имена и события».

В качестве источниковой базы докладчиками были привлечены научно-исследовательские разработки, организационно-распорядительные документы, заявочные материалы на изобретения, документы личного происхождения, находящиеся на постоянном хранении в федеральных, региональных и ведомственных архивах. Участниками форума были обсуждены различные стороны творческой деятельности выдающихся представителей науки и техники советского периода: академика Туркменской ССР, руководителя лаборатории гелиотехники в Энергетическом институте имени Г.М. Кржижановского (ЭНИН) В.А. Баума (доклад ведущего специалиста отдела изучения и публикации документов РГА в г. Самаре О.В. Корбан); конструктора тяжелого машиностроения И.К. Юноша-Шанявского (доклад кандидата исторических наук, заместителя директора Государственного архива Ульяновской области Г.В. Романовой); конструктора корабельной артиллерии А.А. Флоренского (доклад специалиста отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов РГА в г. Самаре Ю.В. Позднякова); конструктора-оружейника М.Т. Калашникова (доклад старшего научного сотрудника Центра по изучению материалов политических репрессий XX века Архива Президента Республики Казахстан Е.В. Чиликовой, г. Алматы); геолога, палеонтолога, академика Императорской академии наук в Санкт-Петербурге Ф.Н. Чернышёва (доклад кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН» Т.П. Филипповой, г. Сыктывкар); картографа А.Ф. Белавина (доклад доктора исторических наук, профессора ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН» Л.П. Рощевской, г. Сыктывкар); инженера кораблестроения Ю.Г. Венске (доклад заместителя руководителя Государственного архива Павлодарской области Республики Казахстан Н.А. Кубик).

При подведении итогов заседания круглого стола его модератор доктор исторических наук, заместитель директора РГА в г. Самаре О.Н. Солдатова пригласила всех желающих принять участие в творческом проекте «Люди пытливой мысли», который РГА в г. Самаре ведет с 1986 г.

Логическим продолжением обсуждения темы стала встреча с ветераном НАМИ – ведущего научного центра России в области автомобилестроения, заведующим отделом научно-технической информации НАМИ В.Д. Курановым (Москва), проработавшим в институте более 50 лет и активно занимающимся собиранием документального фонда и формированием музея истории института. Являясь постоянным участником форума, активным пользователем архивных документов, он презентовал книгу своих воспоминаний о работе в НАМИ, вышедшую в свет в 2019 г., одна из глав которой посвящена сотрудничеству с РГА в г. Самаре.

Заседание круглого стола, посвященного теме «Историческая память о Великой Отечественной войне в архивных документах», началось с мемориального доклада «Общесоюзная и региональная история Великой Отечественной войны в научной деятельности

В.Н. Парамонова». Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и археологии СГСПУ Е.Л. Храмкова посвятила свой доклад одному из ведущих ученых, занимавшемуся изучением истории Великой Отечественной войны на протяжении всего своего творческого пути и внесшему существенный вклад в историческую науку.

Многообразие тем выступлений и оживленные дискуссии по обозначенным проблемам вновь подчеркнули неугасающий интерес к теме Великой Отечественной войны и ее места в истории СССР. В докладах были затронуты сюжеты отечественной истории периода 1930–1940-х гг.: медицинская помощь в Башкирии (доклад заведующей Научным архивом Уфимского федерального исследовательского центра РАН Л.М. Гиниатуллиной), развитие научно-исследовательской работы в Куйбышевском государственном медицинском институте (доклад заведующего архивом СамГМУ И.Б. Полуэктова), развитие автомобилестроения на примере НАМИ (доклад В.Д. Куранова), перестройка работы вузов и ссузов Куйбышевской области в военный период (доклад кандидата исторических наук, начальника отдела использования архивных документов Самарского областного государственного архива социально-политической истории Е.М. Малинкина), становление отраслевого института маслоделия и сыроделия (доклад кандидата технических наук, научного сотрудника ВНИИ маслоделия и сыроделия Т.А. Волковой, г. Углич Ярославской области).

Кроме того, тема Великой Отечественной войны была раскрыта через персоналии выдающихся куйбышевских (самарских) медиков – профессора А.М. Аминева (доклад кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук СамГМУ, доцента кафедры российской истории Самарского университета П.А. Мистрюгова) и академика И.Б. Солдатова (доклад студента СамГМУ С.А. Семенихина).

Заседание круглого стола «Сохранение исторической памяти: интеграция архивов в современную информационную среду» под председательством доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры отечественной истории и историографии Самарского университета Е.П. Бариновой и заместителя директора РГА в г. Самаре О.Ю. Козырь объединило историков, архивистов, библиотекарей и музейщиков. Его участниками в своих выступлениях поднимались актуальные вопросы сохранения и популяризации отечественного историко-культурного и документального наследия.

Е.П. Баринова представила аналитический обзор межархивных проектов, размещенных на портале «Архивы России», рассмотрев их с точки зрения студенческой аудитории. О.Ю. Козырь рассказала об опыте работы РГА в г. Самаре в социальных сетях на примере различных форм и видов представления НТД. Большой интерес вызвал доклад С.О. Буранка «Научно-техническая документация ЦРУ об авиационной промышленности Поволжья». Методика работы по снятию грифа «ДСП» была изложена в докладе начальника отдела спецфондов РГА в г. Самаре Н.И. Телегиной. Работа по созданию электронного фонда пользования на особо востребованные документы была рассмотрена начальником отдела репрографии и консервации документов РГА в г. Самаре Е.И. Ломаско на примере архивной коллекции проектов автомобилей ГАЗ (Ф. Р-183).

Использование архивных документов в научно-исследовательской и научно-информационной деятельности учреждений высшего образования, архивной отрасли, сферы культуры было представлено в докладах кандидата исторических наук, доцента, доцента кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета (СГЭУ) Е.И. Сумбуровой, рассматривавшей международные связи советских НИИ в 1950–1960-е гг. на примере документов, хранящихся в РГА в г. Самаре; кандидата исторических наук, заместителя директора Государственного архива Волгоградской области И.С. Петровой – на примере источников управления Сталинградского губернского инженера; ведущего библиографа отдела правовой и патентно-технической информации СОУНБ Л.В. Доброскок – на примере использования патентной документации.

Демонстрацией методики использования архивных документов в работе со школьниками средних классов стало проведение открытого урока «По Донбассу с архивистом» для учеников 7 класса Самарского регионального центра для одаренных детей кандидатом исторических наук, учителем высшей категории С.А. Филипповым. Урок стал очередным шагом в развивающемся архивном проекте «Архив – школа – вуз». Учащиеся успешно продемонстрировали первые навыки работы с научно-техническими документами, умение находить нужную информацию, делать выводы и правильно оформлять поисковые данные.

Свой взгляд на современное информационное пространство в виде выставочного зала для научно-технических документов представили студенты факультета архитектуры и дизайна СамГТУ. На суд гостей и участников форума были представлены 11 графических проектов полифункционального выставочного зала для архива научно-технической документации «Выставочное пространство архива НТД. Взгляд дизайнеров нового поколения». Руководителями проектов выступили доцент СамГТУ, член Союза архитекторов России, члена Союза дизайнеров России Е.А. Темникова и кандидат архитектуры, доцент СамГТУ, член Союза дизайнеров России, член Творческого союза художников России Ю.С. Воронцова. По итогам тайного голосования двум победителям были вручены памятные подарки.

Формат панельной дискуссии, телемоста и заседания Научного совета позволил развить тему, затронутую в докладе П.А. Кюнга на пленарном заседании. По проблемам комплектования государственных архивов научно-технической документацией состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие заместитель директора РГА в г. Самаре О.Н. Солдатова, директор Российского государственного архива научно-технической документации М.А. Власова (Москва), сотрудники отдела комплектования РГА в г. Самаре, Государственного архива специальной документации Нижегородской области, Государственного архива Саратовской области, ведомственного краснодарского архива ООО «НК “Роснефть” – НТЦ».

На Научном совете РГА в г. Самаре под председательством директора РГА в г. Самаре А.Г. Сафонова прошла дискуссия по важнейшему вопросу, стоящему перед архивами, связанному с методологией выявления уникальных научно-технических документов. Заместитель директора РГА в г. Самаре О.Н. Солдатова обозначила эту проблему в докладе «Организация выявления уникальных документов по истории отечественной науки и техники в научно-технической документации РГА в г. Самаре: проблемы и поиск путей решений». В прениях выступили М.А. Власова, Е.Р. Курапова, а также члены Научного совета и представители ведущих технических вузов Самары. Для выработки критериев отнесения документов научно-технического профиля к особо ценным и уникальным необходимо объединение усилий специалистов архивной отрасли и представителей отраслевой науки – вывод, к которому пришли все участники заседания.

Обсуждение важнейшего направления работы архива – оказания государственной услуги по исполнению запросов – проходило в формате телемоста между Справочно-информационным центром федеральных государственных архивов и отделом научно-информационной и выставочной работы (ОНИВР) «Самара – Москва: эффективное исполнение запросов пользователей». Начальник ОНИВР Е.А. Краснова и главный специалист ОНИВР С.А. Рыжкова поделились опытом работы по исполнению тематических запросов, по использованию справочно-поисковых средств, разработанных в РГА в г. Самаре, поиску недостающих сведений и т. д.

Важные вопросы нормативно-правовой базы в аспекте требований современного законодательства и методики работы с архивными документами были рассмотрены на постоянно действующем семинаре (ПДС), который регулярно проводит РГА в г. Самаре для организаций – источников комплектования. В семинаре участвовали представители служб (архивов) научно-технической документации, режимно-секретных подразделений, председатели экспертных комиссий организаций – источников комплектования РГА в г. Са-

маре из 10 субъектов Российской Федерации. Участники семинара обсудили вопросы изменения нормативно-правовой базы в аспекте требований современного законодательства к организациям, хранящим научно-технические документы Архивного фонда Российской Федерации (доклады начальников отделов РГА в г. Самаре Н.И. Телегиной и Е.В. Горбуновой). Специалисты отдела комплектования РГА в г. Самаре представили нормативно-методические документы, разработанные в архиве для организаций – источников комплектования (доклады главного специалиста А.А. Юсуповой и ведущего специалиста О.В. Харитоновой).

В рамках ПДС была обозначена актуальная тема, связанная с переходом к электронным носителям документной информации. Ее раскрыл доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизированных систем документационного обеспечения управления Историко-архивного института РГГУ М.В. Ларин (Москва) в лекции «Актуальные вопросы организации хранения электронных документов».

В завершение форума прошло подведение итогов. По итогам была зачитана резолюция, в которой участники форума на основе предметного обсуждения основных результатов деятельности Союза Советских Социалистических Республик за семь десятилетий его существования, осмысления опыта его создания и развития выразили твердое убеждение в позитивной исторической миссии Советского государства. Участники итогового заседания приняли единогласное решение о необходимости издания материалов форума и их распространения для свободного доступа исследователей, а также решили провести в сентябре 2023 г. очередной историко-архивный форум, посвященный Году педагога и наставника, учрежденному Указом Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г.

Сведения об авторе

Янович Ирина Юрьевна, главный специалист пресс-службы Российского государственного архива в г. Самаре.

E-mail: press-rga@mail.ru

Для цитирования

Янович И.Ю. XI историко-архивный форум «Память о прошлом – 2022» в Самаре как способ осмысления истории СССР сквозь призму документального наследия // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 120–127.

Рецензии
Reviews

УДК 001.85+94(47)

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ВЛАСТЬ, ИНФОРМАЦИЯ И ОБЩЕСТВО: ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

REVIEW OF THE MONOGRAPH "POWER, INFORMATION AND SOCIETY: THEIR INTERRELATIONS IN THE ACTIVITIES OF THE SOVIET INFORMATION BUREAU IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR"

Е.Л. Храмкова
Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия, Самара)

E.L. Khramkova
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia)

Аннотация. В статье рецензируется монография О.А. Баландиной – ведущего архивиста отдела научно-публикаторской и выставочной работы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) и А.Ю. Давыдова – доктора исторических наук, профессора Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (РГПУ), посвященная всестороннему анализу деятельности в 1941–1945 гг. уникальной организации – Совинформбюро (СИБ). Внимание акцентируется на источниковой базе, авторских подходах к освещению деятельности СИБ и проблематике книги.

Abstract. The article reviews a monograph by O.A. Balandina, the leading archivist of the Department of Scientific, publishing and exhibition work of the Central State Archive of Historical and Political Documents St. Petersburg and A.Y. Davydov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, dedicated to the unique organization of the period of the Great Patriotic War – Sovinformburo (SIB). Attention is focused on the source base, the author's approaches to the coverage of the activities of the Soviet Information Bureau and the problems of the book.

Ключевые слова: О.А. Баландина, А.Ю. Давыдов, Великая Отечественная война, Совинформбюро, А.С. Щербаков, информационно-пропагандистская сфера, советская информационная политика.

Keywords: O.A. Balandina, A.Y. Davydov, The Great Patriotic War, Sovinformburo, information and propaganda sphere, soviet information policy.

Рецензируемый труд [1], опубликованный в год 75-летнего юбилея Победы, является результатом многолетней кропотливой архивной работы и аналитического осмысления места и роли в условиях Великой Отечественной войны уникальной организации – Советского информационного бюро (СИБ) [2–8].

Новизна проведенного исследования прослеживается как на эмпирическом, так и теоретическом уровнях.

Источниковая база монографии сформирована, прежде всего, на основе документов трех федеральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив литературы и искусства), одного ведомственного (Архив внешней политики Российской Федерации) и трех региональных архивов (Центральный государственный архив Москвы, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга).

Источниковедческий анализ включает краткую пофондовую (в том числе личных фондов И.В. Сталина, А.С. Щербакова, В.М. Молотова и др.) и видовую характеристику архивных материалов, что позволило представить читателям наиболее крупные документальные комплексы, обеспечившие реализацию поставленных авторами задач; привлечь внимание к ранее засекреченным и невостребованным исследователями документам; раскрыть познавательный потенциал не только отдельных видов источников, но и их разновидностей: служебной и частной переписки, отчетов, протоколов, информационных сводок, воспоминаний, дневников и пр. Заслугой авторов является изучение документов, которые дали возможность показать, как воспринимали в условиях войны сводки СИБ разные группы населения [1, с. 12].

Самарских профессиональных историков, краеведов, студентов и школьников, несомненно, заинтересуют новые сведения о пребывании Совинформбюро в эвакуации в городе Куйбышеве [1, с. 120, 125, 143, 161, 162 и др.], которые О.А. Баландина обнаружила в Центральном государственном архиве Москвы (документы фонда первичной партийной организации СИБ, хранящиеся здесь, никогда не привлекались исследователями [1, с. 11]) и других архивах.

В целом изученные архивные материалы помогли не только аргументировать авторскую версию ответа на один из дискуссионных вопросов о том, «в какой степени диктаторские политические системы естественны (имманентны) для отечественной социальной реальности в ее бифуркационные периоды» [1, с. 5], но и заполнить некоторые историографические «лакуны».

Крупный пласт источников по теме представляют сводки Советского информбюро, размещенные в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Красная звезда». В результате сопоставления опубликованных текстов сводок с обнаруженными в РГАСПИ пометами И.В. Сталина и А.С. Щербакова, а также с материалами издававшейся в Великобритании газеты “Soviet War News Weekly” авторы выработали представление о содержании информационной политики рассматриваемого времени, о формах и методах идеологического воздействия на зарубежную общественность.

Судя по содержанию монографии, О.А. Баландина и А.Ю. Давыдов привлекли широкий круг опубликованных источников по истории Совинформбюро: сборники документов, воспоминания сотрудников СИБ, мемуары и дневники военных деятелей, дипломатов, советских писателей и журналистов, иностранных корреспондентов и др. Из них была получена ценная информация о повседневной жизни изучаемого ведомства в 1941–1945 гг.

В процессе критического анализа выявленных источников по теме авторы задали вопросы, многие из которых не ставились ранее исследователями или являются дискуссионными. Формулировки заголовков четырех глав и 15 параграфов монографии позволяют выделить следующие из них: ведомственная принадлежность Совинформбюро; организационная структура и функции СИБ; кадровый состав ведомства и повседневная жизнь его

руководителей и сотрудников; механизмы распространения информационных материалов; целевые установки сводок СИБ; характер воздействия сводок на население СССР и жителей США и Великобритании и др.

Оглавление книги и анализ ее содержания свидетельствуют о системном подходе авторов к деятельности Советского информационного бюро в период Великой Отечественной войны. Рассматривая СИБ как сложную многоуровневую систему, О.А. Баландина и А.Ю. Давыдов изучили структурные подразделения СМИ, раскрыли их роль в решении важнейших информационно-пропагандистских задач внутри страны и за рубежом; исследовали социальный, половозрастной, национальный состав руководства, сотрудников Информбюро, обратили внимание на их моральный облик; рассмотрели специфику международной информационно-пропагандистской деятельности СИБ; провели глубокий источниковедческий анализ содержания и языка текстов сводок.

Значительный интерес представляют общие и частные наблюдения и обобщения, сделанные авторами по целому ряду недостаточно изученных проблем истории Совинформбюро. Среди них, прежде всего, следует отметить выводы о роли И.В. Сталина, А.С. Щербакова и некоторых других лиц в создании, организации работы СИБ, в использовании Информбюро в целях манипуляции общественным мнением в экстремальной военной обстановке; о формах взаимодействия Информбюро с верховной властью, с одной стороны, и с обществом, с другой стороны; о роли Советского информационного бюро в выработке военной информационно-пропагандистской политики; о пропагандистских возможностях и эффективности работы Совинформбюро в зарубежных странах; о сводках ведомства как своеобразных «сталинских месседжах», адресованных населению; о «борьбе за качество информации», которую вело руководство и сотрудники ведомства, формируя позитивный образ СССР за рубежом; о характере восприятия советским обществом содержания сибовских сводок на разных этапах войны; о противоречиях и недостатках в работе Информационного бюро в 1941–1945 гг. (искажение фактов, недосказанность, «парадность тона» и т. п.).

В целом авторы создали комплексное исследование по истории СИБ, в котором по-новому были осмыслены институциональные, кадровые, содержательные, идеологические, пропагандистские и иные аспекты советской информационной политики периода Великой Отечественной войны. Советское информационное бюро впервые рассмотрено одновременно как структура СНК СССР и как узловое информационно-идеологическое ведомство, которое контролировал лично И.В. Сталин [1, с. 48–54].

Нельзя не отметить постановку в монографии не утратившего актуальности и в современных реалиях вопроса о доверии населения к тем или иным сообщениям, обращениям власти, от которых зависит формирование единства общества, тем более в чрезвычайных условиях. В этом контексте авторы полагают, что сводки Совинформбюро представляли собой «чрезвычайно противоречивый информационный феномен» [1, с. 294]. Очевидно, трудно дать определенный ответ на вопрос о том, «правильной ли была ставка команды Сталина-Щербакова не просто на сокрытие правды от народа, а на формирование информационного симулякра. Может быть, и не стоило людям быть в курсе поражений и гигантских потерь» [1, с. 295].

Книга читается с большим интересом и оставляет неоднозначное впечатление от обилия новой информации, которую еще предстоит осмыслить, от авторских выводов, которые рушат устоявшиеся представления о деятельности Совинформбюро, о людях, причастных к его работе в военные годы, и многом другом. Труд авторов имел достойное продолжение: в 2022 г. Олеся Александровна Баландина успешно защитила кандидатскую диссертацию [9], в которой получили развитие достигнутые ранее результаты, а также сформулированы новые вопросы и выводы по проблеме.

Список литературы

1. *Баландина О.А., Давыдов А.Ю.* Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб. : Евразия, 2020. 320 с.

2. *Баландина О.А., Давыдов А.Ю.* Деятельность Совинформбюро в Великобритании в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 170–180.

3. *Баландина О.А.* Деятельность Советского информбюро в США в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2020. № 1 (157). С. 87–93.

4. *Баландина О.А.* С.А. Лозовский: на пути к Совинформбюро и во главе его // Клио. 2019. № 6 (150). С. 146–154.

5. *Баландина О.А.* Сводки Советского информбюро в агитационно-пропагандистской работе в годы Великой Отечественной войны // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти : сб. трудов междунар. науч.-образоват. конф. СПб., 2020. С. 49–61.

6. *Баландина О.А.* Сводки Советского информбюро в блокадных дневниках и партийных документах (по материалам фондов ЦГАИПД СПб) // Герценовские чтения 2018: актуальные проблемы русской истории : сб. науч. и учеб.-методич. трудов. СПб., 2019. С. 174–179.

7. *Баландина О.А.* Сводки Советского информбюро (июль – декабрь 1841 г.) в ленинградской и московской редакции // Войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, архивоведения и источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов Десятой междунар. конф. М., 2020. С. 26–29.

8. *Баландина О.А.* Советское информационное бюро в годы Великой Отечественной войны: структура, руководители, деятельность // Модернизация в России: история, политика, образование : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 2014. С. 187–193.

9. *Баландина О.А.* Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны: организация, кадры, направления деятельности : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2022. 25 с.

Сведения об авторе

Храмкова Елена Ленаровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: hramkova@rambler.ru

Для цитирования

Храмкова Е.Л. Рецензия на монографию «Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны» // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 128–131.

Юбилеи
Anniversaries

УДК 929

УЧИТЕЛЬ ОБ УЧЕНИКЕ
(к 70-летию доктора исторических наук, профессора А.И. Репинецкого)

TEACHER ABOUT THE STUDENT
(to the 70th Anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor A.I. Repinetsky)

Н.П. Храмкова
Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия, Самара)

N.P. Khramkova
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia)

Аннотация. Статья посвящена Александру Ивановичу Репинецкому, с которым автора связывают более полувека жизни и работы на историческом факультете Куйбышевского государственного педагогического института (ныне Самарского государственного социально-педагогического университета). В статье освещены студенческие годы А.И. Репинецкого, а также его преподавательская, научная и административная деятельность.

Abstract. The article is dedicated to Alexander Ivanovich Repinetsky, with whom the author is associated for more than half a century of life and work at the historical faculty of the Kuibyshev State Pedagogical Institute (now the Samara State Social and Pedagogical University). The article highlights the student years of A.I. Repinetsky, as well as his teaching, scientific and administrative activities.

Ключевые слова: А.И. Репинецкий, юбилей, Куйбышевский государственный педагогический институт, Самарский государственный социально-педагогический университет, исторический факультет.

Keywords: A.I. Repinetsky, jubilee, Kuibyshev State Pedagogical Institute, Samara State University of Social Sciences and Education, Faculty of History.

За мою долгую педагогическую работу на историческом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета последний выпустил не одну тысячу студентов. Большинство стали профессионалами в учительской среде, преподавателями высшей школы, работниками культурных учреждений, сотрудни-

ками правоохранительных органов, специалистами других областей. Среди них Александр Иванович Репинецкий занимает особое место. Вот уже 50 лет я горжусь его делами и успехами.

Детство Александра прошло в Мурманской области, куда была эвакуирована его мама Нина Осиповна. Детство было трудное, послевоенное. В начале 1960-х гг. семья переехала в г. Куйбышев. Александр Иванович окончил школу № 64. Большое влияние на него оказали историки Борис Михайлович Кузьмин и Тамара Сергеевна Елисеева. Он был увлечен историей и краеведением.

После школы Александр Иванович проработал два года на заводе имени А.А. Масленникова (ЗИМ), освоив профессию столяра.

Саша осознанно пошел учиться на исторический факультет Куйбышевского государственного педагогического института. Все годы он учился только на «отлично», являлся Ленинским стипендиатом (самая престижная и высокая стипендия в СССР для студентов вузов).

Александр Иванович учился тогда, когда работали замечательные преподаватели нашего факультета: Соломон Герцевич Басин, Николай Николаевич Яковлев, Вениамин Александрович Стальный, Елизавета Михайловна Фрумова, Александра Григорьевна Каревская, Александр Егорович Паршиков и др. Отношения их со студентами были необыкновенно добрыми и внимательными. Александр Иванович многому у них научился.

Хорошей традицией были тогда ежегодные слеты студентов-отличников куйбышевских высших учебных заведений. В мае 1976 г. А.И. Репинецкий выступал на таком слете от имени студентов педагогического института.

Большое внимание на факультете уделялось педагогической практике. На 4 курсе она занимала три месяца и проводилась не только в населенных пунктах Куйбышевской области, но и в других городах страны, так как дальнейшее распределение студентов на работу осуществлялось по всему Советскому Союзу. 1975/1976 учебный год был примечателен тем, что шесть студентов-историков, и среди них Александр Репинецкий, проходили практику в школе-интернате имени В.И. Ленина в Горках Ленинских Московской области. Школа-интернат являлась экспериментальной площадкой Академии педагогических наук СССР. Руководителем педпрактики был кандидат исторических наук А.Е. Сейненский – талантливый педагог и краевед. У меня сохранилось письмо студента А.И. Репинецкого из Москвы, где он с восторгом отзывался об уроках истории, о воспитательной работе, которая проводилась с учениками в этой школе.

На историческом факультете работали 10 кружков. Александр Иванович занимался в историко-краеведческом кружке, где рассматривались не только сюжеты местной истории, но и общеисторические проблемы. Кружковцы тогда знакомились с историческими местами Куйбышева, Москвы, Ленинграда, Киева, городов Прибалтики. Саша был участником этих экскурсий. В организации ежегодных экскурсий нам помогали студенческие организации – комитет комсомола педагогического института, студенческий профсоюзный комитет.

Александр Иванович Репинецкий

В 1970-е гг. на историческом факультете началась кропотливая работа по созданию истории педагогического института, поиску студентов и преподавателей, погибших в годы советско-финляндской (1939–1940) и Великой Отечественной войн. Александр Иванович принимал активное участие в этой работе.

Практическим результатом поисковой деятельности студентов и преподавателей истфака стала установка на ул. Антонова-Овсеенко в 1986 г. памятника погибшим при защите Отечества 86 студентам и преподавателям. В этом заслуга и А.И. Репинецкого.

1970-е гг. отличались активным развитием на историческом факультете разнообразного студенческого творчества. Мы гордились стенгазетой «Историк», рукописным журналом «Историк-краевед» (Саша принимал участие в выпуске и газеты, и журнала). Особо следует сказать о лекторской группе, которой руководил старший преподаватель Анатолий Иванович Власов, которого очень уважали и любили студенты. Тематика лекций носила разносторонний характер: историки разрабатывали темы по краеведению, молодежным организациям, готовили обзоры на международные темы. Саша Репинецкий был одним из самых деятельных участников лекторской группы.

На факультете предъявлялись высокие требования к дисциплине, учебе и общественной работе студентов. Достаточно отметить, что дипломы «с отличием» в 1976 г. получили всего четыре студента (хотя все преподаватели считали этот курс сильным), среди них был и Александр Иванович Репинецкий.

После окончания института он получил распределение в школу № 1 Кинель-Черкасского района, где проработал четыре учебных года. Школа дала ему очень многое: закалила, расширила и углубила его исторические знания, он стал более требовательным к себе.

Александр Иванович мечтал учиться дальше. В 1980 г. он стал ассистентом кафедры истории СССР Куйбышевского государственного педагогического института, одновременно учась в заочной аспирантуре. Его научным руководителем был доктор исторических наук, профессор С.Г. Басин. В 1983 г. А.И. Репинецкий защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность профсоюзов Среднего Поволжья по повышению творческой активности трудящихся в 1959–1965 гг.».

Александру Ивановичу не нужно было адаптироваться в коллективе кафедры, факультета и вуза в целом – он попал в свою родную стихию. Ему сразу поручили читать курс лекций и вести семинары по отечественной истории XIX – начала XX вв.

А далее опять интенсивная исследовательская работа в центральных и местных архивах, библиотеках; публикация научных статей и монографий; участие в международных, всероссийских, региональных научных конференциях; превращение в крупного историка – специалиста по демографии XX столетия, истории советского рабочего класса, истории повседневности, Великой Отечественной войны и др. Все направления научно-исследовательской деятельности А.И. Репинецкого и не перечислишь.

В 1998 г. в Институте российской истории РАН он защитил докторскую диссертацию на тему «Работники промышленности Поволжья: демографический состав, образовательный и профессиональный уровень (1946–1965 гг.)».

В 2000 г. Александр Иванович стал заведующим кафедрой отечественной истории и археологии. Ему пришлось заведовать кафедрой в один из наиболее сложных периодов ее истории – в условиях непрерывного реформирования высшей школы в нашей стране. Кафедра не только выстояла, но и превратилась в один из ведущих учебных и научно-исследовательских подразделений в системе гуманитарного образования Самарской области.

В 2002–2007 гг. он был председателем совета по защите кандидатских диссертаций по отечественной и всеобщей истории в нашем вузе.

Будучи заведующим кафедрой, А.И. Репинецкий уделял большое внимание научному росту преподавателей. За 13 лет его руководства кафедрой четыре преподавателя защитили докторские диссертации и четыре – кандидатские.

Преподаватели кафедры стали руководителями и участниками грантов. Руководителем гранта РГНФ «Использование труда заключенных в лагерях управления особого строитель-

ства НКВД СССР и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны 1940–1945 годов» являлся А.И. Репинецкий.

Кафедра во главе с Александром Ивановичем поддерживала связь с учителями города и области. На протяжении многих лет он возглавлял аттестационную комиссию учителей истории при Самарском институте повышения квалификации работников образования (СИПКРО).

С 2013 г. А.И. Репинецкий становится проректором по научно-исследовательской работе. И в этой должности он неутомимый исследователь и педагог, который настойчиво отстаивает интересы педагогического вуза в условиях неоправданного сокращения численности высших учебных педагогических заведений в Российской Федерации.

На протяжении нескольких десятилетий Александр Иванович дает путевку в жизнь докторантам и аспирантам (подготовил 26 докторов и кандидатов исторических наук); постоянно выступает в качестве оппонента на защитах диссертаций во многих диссертационных советах.

Будучи проректором, он никогда не отрывался от проблем кафедры отечественной истории и археологии: читает лекции студентам, магистрантам и аспирантам, ведет практические занятия, руководит курсовыми, дипломными работами и магистерскими диссертациями. Как известно, самые строгие судьи преподавателей – это студенты. Они уважают Александра Ивановича за превосходное владение вниманием аудитории, увлеченность, эмоциональность; каждый вывод у него продуман, аргументирован.

Он умеет дружить – более 50 лет дружат однокурсники: Александр Репинецкий, Ольга Солдатова, Ирина Давыдова, Ольга Тихонова, Валентина Голудина, Галина Козловская. Все годы они не теряли друг друга, помогая, поддерживая в любой ситуации.

Александр Иванович состоялся как ученый, преподаватель, семьянин. Его отличительные моральные качества: скромность, доброту, искренность, трудолюбие, уважение к окружающим людям, коллегам, студентам – сформировала его мама, Нина Осиповна, которая сама была добрым и приветливым человеком.

У него прочный, надежный тыл: во всех начинаниях его поддерживают любимая супруга Юлия Соломоновна и сын Станислав. Хочется всем им пожелать долгих светлых дней.

Сведения об авторе

Храмкова Нина Петровна, кандидат исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: hramkova@rambler.ru

Для цитирования

Храмкова Н.П. Учитель об ученике (к 70-летию доктора исторических наук, профессора А.И. Репинецкого) // Самарский архивист : научный альманах. 2022. № 4. С. 132–135.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Общие требования:

1. Название статьи прописными полужирными буквами по центру.

2. Информация об авторе статьи указывается полностью:

- фамилия, имя, отчество автора и соавторов;
- ученое звание, ученая степень, должность, место работы, электронный адрес автора.

3. Аннотация с общей характеристикой работы объемом от 400 до 600 знаков, включая пробелы.

4. Ключевые слова – 4–8 слов и словосочетаний, характеризующих статью, для последующего индексирования в электронных базах данных.

5. Текст статьи со ссылками на список источников и литературы. Объем статьи не более 0,5 печ. л.

6. Список источников и литературы.

7. Транслитерация имени и фамилии на английский язык, перевод на английский язык заглавия статьи, аннотации и ключевых слов.

В отдельном файле следует прислать контактные данные автора.

Публикации, не соответствующие данным требованиям, отправляются на доработку. Подавая статью для публикации в научный альманах, автор гарантирует, что данный текст ранее не был опубликован в ином научном журнале, сборнике, монографии или сети Интернет.

Требования к оформлению статьи:

1. Основной текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman 14-го кегля через 1,5 интервала, без автоматического переноса слов. Поля – по 2 см от края, страницы нумеруются внизу, по центру. Абзацы форматируются по ширине. Абзацный отступ – 1,25.

2. Ссылки внутри статьи заключаются в квадратные скобки с указанием порядкового номера библиографической записи: [4, с. 16]. Точка ставится после ссылки в конце предложения.

3. Допускаются постраничные примечания (комментарии) MS Word со сквозной нумерацией без библиографических описаний.

4. Список источников и литературы приводится в конце статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылки в списке группируются в той последовательности, в которой они упоминаются в тексте (на каждый пункт списка должна быть ссылка в тексте). Один пункт списка может включать только одно издание или архивное дело. Обязательно указание общего количества страниц для отдельного издания и диапазона страниц для статей в журналах и сборниках. Отдельные элементы библиографического описания следует сокращать в соответствии с ГОСТ Р 7.0.12-2011 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила».

5. Фотографии и рисунки должны быть пронумерованы в соответствии со ссылками на них в тексте и иметь неповторяющиеся подписи. Если источником иллюстрации является архивное дело, в подписи помимо названия указываются вид документа, место и год его создания, сокращенное название архива, фонд, дело, лист. Ссылки на иллюстрации заключаются в круглые скобки: (рис. 1), (фото 1) и т. д.

6. Первичные описания архивных источников оформляются следующим образом: Название архива (общепринятое сокращенное название архива). Фонд. Опись. Номер дела. Лист (листы).

Например: Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре). Ф. Р-808. Оп. 1-6. Д. 144. Л. 3–4.

Оформление повторных ссылок на тот же архив: Общепринятое сокращенное название архива. Фонд. Опись. Номер дела. Лист (листы).

Например: РГА в г. Самаре. Ф. Р-583. Оп. 2-6. Д. 2. Л. 1, 5.

7. Ссылки на интернет-ресурсы оформляются следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта. URL: http://подробный_интернет-адрес (дата обращения: дд.мм.гггг).

8. В статье следует использовать только общепринятые сокращения (например: РФ), все остальные названия следует приводить в оригинальном написании. Сокращенные названия необходимо расшифровывать.

9. Статьи публикуются в альманахе на основе рецензирования. Рукопись статьи рассматривается главным редактором на предмет соответствия профилю альманаха и направляется на рецензирование членам редакционной коллегии альманаха, а также внешним экспертам, имеющим ученую степень кандидата или доктора наук и опыт практической работы по данному направлению.

Автор, не имеющий ученой степени, предоставляет в редакцию оформленный и заверенный отзыв специалиста с ученой степенью по данному научному направлению, содержащий рекомендацию к публикации в альманахе. Рецензирующий данную статью не может быть ее автором (соавтором), однако может являться научным руководителем автора.

10. В сборнике публикуются одобренные редакционной коллегией статьи. Не допускается наличие в тексте плагиата и самоцитирования. Процент оригинальности материала должен составлять не менее 80 %.

11. Рукописи статей принимаются в электронном виде и высылаются на почту ответственного за прием статей О.В. Корбан: (846) 336-88-66; sam_archivist@mail.ru.